

БАГРОВАЯ КНИГА

С. ГУСЕВ-ОРЕНБУРГСКИЙ

БАГРОВАЯ

КНИГА

С. Гусев-Оренбургский

С. И. ГУСЕВ-ОРЕНБУРГСКИЙ

БАГРОВАЯ КНИГА

ПОГРОМЫ 1919—1920 гг. НА УКРАИНЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЛАДОГА», НЬЮ-ЙОРК, 1983

Печатается по изданию: С. И. Гусев -
Оренбургский, **Багровая книга.**
Погромы 1919—20 гг. на Украине. Хар-
бин, издание Дальневосточного Еврей-
ского Общественного Комитета помо-
щи сиротам-жертвам погромов
(«ДЕКОПО»), 1922.

Copyright © 1983 by LADOGA

Все авторские права сохранены за издательством.

LADOGA Publishers P.O. Box 289 . Brooklyn,
New York, 11230.

Many people have heard of the famous "Crimson Book." Few, if any, have read it. For it has been buried for more than sixty years in Soviet archives.

It is called **Crimson**, because its pages are drenched with rivers of human blood.

The book portrays the waves of bloody pogroms against Jews that swept the Ukraine in 1919-1920. It was written by a distinguished Russian writer, a former priest, son of an Orenburgh Cossack, Sergei Gusev-Orenburgsky. The pages of his book do not speak to the reader — they scream of pain and anger.

The document-based "Crimson Book" is remarkable for its deep penetration of human psychology, for its brief, precise powerful style, devoid of all sentimentality. It is these qualities that make the "Crimson Book" one of the most compelling works in world literature. The "Crimson Book" shows that always, in every era of persecution against Jews, indignant voices of the best representatives of Russian intelligentsia were heard, and that the great literature of Russia always resisted the waves of anti-Semitism. It is only in Soviet Russia that those voices are never heard.

It is our duty to bring this fiery book back from obscurity. Every man or woman who takes hold of it must preserve it and pass it on to the next generation, so that it is never lost, burned, or forgotten in archives. A wide distribution of this book may prevent a new Holocaust.

On the last page of this extraordinary book, the reader will find these words:

"Here are the facts. Speak of them, shout of them at the top of your voice. Citizens, people of good faith! It is your duty, your responsibility to the human race."

Памяти большого русского писателя и гражданина
Сергея Ивановича Гусева - Оренбургского,
умершего в эмиграции.

Памяти русского общественного деятеля,
близкого к «Союзу Возрождения России»,
председателя Комитета помощи пострадавшим от погромов,
Николая Ивановича Ильина.

Памяти великого множества
безвинно убиенного еврейского народа.

Александр-Орловский

ПРЕДИСЛОВИЕ К НАСТОЯЩЕМУ ИЗДАНИЮ

«Багровая книга» — страшная книга. Багровая она потому, что на ее страницах реками запеклась человеческая кровь.

Таких книг немного в истории народов.

Составлена «Багровая книга» по официальным документам, докладом с мест и опросам пострадавших. Но документы эти и официальные материалы никогда бы не зазвучали с такой силой, если бы они не попали в руки большого русского писателя и гуманиста Сергея Ивановича Гусева-Оренбургского.

Это он, сын оренбургского казака, бывший священник, содрогнулся от вида человеческих деяний. Страницы его книги не говорят,— они кричат от боли и гнева.

«Багровая книга» начинается с Пролога. Он — как звуки трагической увертюры — простые, точные, краткие слова с силой падают и ударяют по струнам, предвещая бурю:

«Проходит перед нашими глазами... массовое кровавое действие,— страшный кровавый разлив, оставивший за собой все ужасы протекших времен.

Никогда не падало такое количество жертв.

Никогда евреи не были так одиноки.

Никогда безысходность их положения не была так ужасающей.

...Теперь по ним, распластанным по той же украинской наковальне, ударяет не молот, не два, а все молоты, какие только работают на этой дикой и злой почве. Они бьют по ним без усталости, днем и ночью, летом и зимою.

...Теперь все проходит на наших глазах. Мы видим, правда, только часть картины, ибо другие части закрыты еще непроходимыми кордонами. Но, что доступно нашим глазам и ушам, мы видим и слышим...

Мы слышим и считаем.

И скорбные результаты подсчетов могут быть только безмерно ниже действительности».

Вот уже более 60 лет «Багровая книга» захоронена в советских архивах. Считаю своим долгом выпустить эту книгу в свет, вытащить ее из архивной пыли, не изменив в ней ни строчки, ни орфографии,— с тем, чтобы слова этой БАГРОВОЙ книги —

ввелись в память всех — евреев и неевреев.

Такие книги должны жить, потому что они предотвращают угрозу новой Катастрофы.

Никакое описание не может передать ужас от простых и беспощадных слов этой книги.

Пусть потомки искалеченных, изнасилованных, зарубленных — всех убиенных — и потомки тех, кто калечил, насиловал, убивал, прочитают эту страшную книгу. И пусть они объединятся, чтобы никогда не допустить повторения жутких насилий над человеком,— над человеком, какой бы он ни был расы, национальности и вероисповедания.

Пусть кровь, так густо запекаясь на страницах этой Багровой книги, остановит руку палача в любой точке земного шара.

В потоке крови и горя — вы узнаете много знакомых вам с детства мест. Многие наверняка узнают подробности о судьбе своих близких. Жители города Киева узнают о судьбе обитателей целых улиц и домов — адреса их точно указаны. География погромов — это география Украины. Вот далеко не полный перечень пострадавших от погромов городов, сел, местечек (названия старые): Киев, Житомир, Кременчуг, Екатеринослав, Нежин, Конотоп, Бахмач, Белая Церковь, Тараща, Черкаassy, Смела, Проскуров, Елизаветград, Фастов, Радомысль, Фельштин, Ровно, Тульчин, Умань, Винница, Погребище, Плисков, Гайсин, Тростянец, Новоград-Волынский, Янов, Теофиполь, Кривое Озеро, Каменный Брод, Брацлав, Фундуклеевка, Каменец-Подольский, Голованевск, Прилуки, Литин, Васильков, Чернобыль, Триполье, Ржищев, Иванков, Корсунь, Ладыженка, Новомиргород, Пирятин, Мезигорье, Коростень, Борзна, Черняхив, Бердичев, Белошица, Ушемир, Россава, Золотоноша, Переяслав, Зятковцы — и т.д., и т.д.

Гусев-Оренбургский этой своей книгой сказал правду — жестокою и страшную. Он сказал ее, потому что любил Россию и хотел видеть ее народ духовно чистым и незапятнанным.

Истинный гражданин тот, кто не прячет правду от народа, а говорит: вот она, правда, горькая, страшная, и надо

сделать так, чтобы эти позорные события не повторились. Ибо события эти страшны не только для евреев, которые тысячами и миллионами уже почти столетие бегут из России — от погромов, от физического истребления, от унижений. Они страшны для **всего** российского народа, потому что они развращают его душу. Там, где ребенок с детства видит, что топором и ножом или просто нагайкой можно расправиться с бесправным инородцем, — там этот ребенок, став взрослым, привычно пустит в ход топор и нож и по другому поводу. Привычка пускать кровь из другого кончается привычкой пускать кровь из своего же брата...

Истинный гражданин тот, кто не прячет правду от народа, а говорит: вот она, горькая и страшная! Надо сделать так, чтобы смыть пятно этого позора.

* *
*

Мы слышали о еврейских погромах — но разве мы о них знали? Нет, в Советском Союзе об этом не принято вспоминать. Поколения, которые родились уже в 30—40-х годах и позже, — знали о погромах только понаслышке. Разве мы знали, как кололи штыками, рубили на части бззащитных людей, как закапывали их полуживыми в могилы, как топили, сжигали живьем сотни тысяч людей — еще до гитлеризма — только за то, что они евреи? Вот, оказывается, когда уже запрягали людей, заставляли жертв рыть себе могилы, есть землю, петь — на потеху убийцам — громко, «от сердца», когда терзают и убивают. Вот, оказывается, когда уже зарывали живьем в могилу, — послушайте, что рассказывает об этом еврейская женщина, одна из бесчисленных страдалиц «Багровой книги»:

«...мужа загнали на христианское кладбище и легко ранили в плечо. Затем раздели донага и бросили в заранее вырытую могилу. Стали засыпать землей.

Муж сел в могиле.

Стал умолять не убивать его.

Мольбы не помогали.

Тогда он принялся выбрасывать руками из могилы землю.

Убийцы не препятствовали.

Они только смеялись:

— Посмотрим, кто одолеет.

Их было пять человек

Когда мы впоследствии откопали его, он лежал лицом вниз, с согнутыми ногами и ртом, забитым землей».

Это было в Елизаветограде.

А вот что произошло на вокзале в Черкассах:

«Раздели нас, оставили в одном белье.

И стали расстреливать.

Первым упал Коневский.

...Что было после,— я не знаю.

Очнулся я вечером, в темноте; боль в костях и животе была такая острая, что я сейчас же снова потерял сознание, но через несколько минут пришел в себя. Рядом со мной лежали трупы. Я поднялся на ноги, белье мое было все в крови, недалеко от меня раздавались стоны умирающего. Я собрал все свои силы и стал пробираться к нему. Кругом никого не было, совершенно тихо, и в тишине стоны явственно слышались.

Я, однако, его не мог найти.

...Опять потерял сознание.

Сколько я пролежал в забытьи, не знаю, но, когда очнулся, оказалось, что я лежу рядом с Коневским и что это он стонет.

— Коневский,— обратился к нему,— может, вы встанете, и мы постараемся пробраться домой?

— Нет,— ответил он,— я умираю. Прошу вас: найдите сына, положите его рядом со мной, я его хочу перед смертью обнять.

Мне удалось найти его сына.

Он был мертв.

Я отца придвинул к нему.

Он его обнял, заплакал, вздохнул и умер».

...Местечко Тростянец... Стоп, остановись, мгновенье!
Это должно войти в память всех:*

«...С утра другого дня гудел набат.

Бандиты метались по местечку, грабили и производили одиночные убийства, отыскивали спрятавшихся мужчин и уводили их в комиссариат... На вокзальную улицу никого не пропускали, и никому из женщин не было известно, что делается в комиссариате. Но все же женщины узнали новость, мигом облетевшую местечко:

— Роят могилу!

За местечком, при бассейне, куда сваливают нечистоты завода, действительно, рыли могилу — длиною в тридцать пять аршин, военного образца.

...Разъяренная толпа с дикими криками:

— Режь... бей жидов... до единого...

Бросилась к комиссариату.

Окружила его.

Открыла стрельбу залпами.

Бросали внутрь бомбы и ручные гранаты.

Неистовые крики и вопли оглашали воздух, рвались гранаты, а с ними разрывались и уродовались тела свыше четы-

* Цитирую в отрывках.— Р.Б.

рехсот человек мужчин и детей, обезумевших от ужаса и боли. Несчастные жертвы в смертном томлении припадали к земле, молили о помощи, кричали и рыдали.

Но в толпу был брошен кровавый лозунг:

— «Живых не оставлять».

И вот, убедившись, что не так-то легко и скоро перебить насмерть такую массу людей, они ворвались в здание комиссариата и там ножами, штыками, топорами довершали свое дело. Снова метали бомбы и гранаты в массу обезумевших от кошмара людей. Были пущены в ход орудия кустарного производства: особые пики для прокалывания насквозь жертв. Действовали косами, серпами, кирками, каблуками. В помещении образовалась река крови, в которой плавали жертвы. Тут были пытки и мучения, издевательства над мертвыми и полуживыми.

...И здесь в невероятных муках испустили свое последнее дыхание отцы с тремя, пятью и единственными сыновьями. Здесь гибли девочки-подростки на шеях своих отцов. Тут были умучены и зверски изрезаны отец Берман с двумя дочерьми, крепко обнявшими отца и просившими убить их вместе с ним. Так же погиб Могилево с двумя дочерьми, защищавшими его. Погибли восьмидесятилетние старики...

В течение пяти часов продолжалось это.

А потом клочки четырехсот трупов были связаны и свалены в приготовленную днем могилу...

Колокола все не смолкали.

...Плач, рыдания, вопли, истерики, безумие, смерти от разрыва сердца. — вот что было на рассвете в местечке одиннадцатого мая, когда стало известно об истреблении мужчин в комиссариате. Женщины припадали к земле, бились в пыли и молили о смерти.

...Местечко замерло.

Никто не просил ни пищи, ни помощи.

Дети тихо умирали на груди своих полумертвых матерей. По временам доносился лишь шум из оставленных домов, где хозяйничали бабы и хулиганы...»

Таковы живые картины, переданные писателем-гуманистом со слов мучеников. И картин этих — великое множество, и каждая — сюжет для трагедии.

Этого забыть нельзя.

Пусть пепел зарубленных, сожженных, потопленных, изнасилованных — всех убиенных — звучит всегда в наших сердцах, сердцах наших детей, детей их детей — и так всех поколений, пока не исчезнет с лица земли последний расист.

Нам выпала большая честь — возродить из пепла эту пламенную книгу. И каждый, кому попадет в руки эта книга,

должен сохранять и передавать ее из поколения в поколение — чтобы она никогда не пропала, не была сожжена, не затерялась в архивах... Ибо своим широким распространением она может предотвратить новое преступление.

Из небольшой искры простого попустительства антисемитским и любым шовинистическим настроениям при соответствующих условиях может вспыхнуть пожар большой войны. Так было во Вторую мировую войну: началось с травли гитлеризмом евреев, а кончилось всемирным пожаром. Антисемитская политика есть политика античеловеческая.

Пусть эта книга дойдет и до советского правительства, которое попустительствует — раздувает антисемитизм.

С первого дня советская власть провозгласила равенство всех наций перед законом и свободу самоопределения народов. Но равенство и свобода остались на бумаге.

О том, как и по сей день к «равенству народов» относятся кремлевские правители, всем известно. О планомерном уничтожении еврейского народа немецко-фашистскими захватчиками в советской печати не принято вспоминать. Долгие годы не было памятника в Бабьем Яру, пока кости расстрелянных и живьем захороненных сами не напомнили о себе: были выброшены стихийными силами наружу — как укор мертвых живым, как возмездие за забвение. Антисемитская власть не желает сочувствия евреям.

В глубоко скрытых своих тайниках она не желала этого с первого дня своего существования. Показательна в этом отношении судьба «Багровой книги».

В самые тяжкие дни Белого движения руководители его приняли решение об издании этой книги. Они не боялись признаться в том, что к повсеместному массовому издательству над беззащитным гражданским еврейским населением отдельные части Белых войск тоже приложили свою руку. Те, кто пытались издать эту книгу, понимали, что революция и гражданская война неизбежно выплескивают на поверхность человеческие отбросы и своевременный голос протеста против средневековой дикости может предотвратить дальнейшие преступления.

Предполагалось, что книгу издаст «Союз Возрождения России», пишет Гусев-Оренбургский, «но разгром деникинского добровольческого движения помешал этому: два года книга лежала под спудом». В 1922 г. книгу издал «Дальневосточный Еврейский Общественный Комитет помощи сиротам — жертвам погромов» в Харбине. Издал так, как она была написана Гусевым-Оренбургским.

Большевики же поступили по-другому.

На заре советской власти они уже переделывали историю в свою пользу.

Книга была издана издательством Гржебина и отпечатана тиражом в несколько десятков экземпляров в типографии «Пропагандист» в Петрограде. Послесловие к книге написал М. Горький. Но это уже была другая книга: большевики «отредактировали» ее по-своему. Они принизили пафос этой книги, преуменьшили статистику жертв. А главное — они **изъяли** из этой книги **все материалы об участии в погромах советских регулярных войск и партизан**. А это составило не много не мало — около 100 страниц. Даже название книги было изменено: «Багровая книга» более не существовала. В свет вышла другая книга. Но и эта книга была спрятана от народа.*

«Багровую книгу» мы издаем не как памятник ненависти и зверств, а как общечеловеческий памятник **того, что никогда не должно повториться**. Никогда ни один народ не должен издеваться над другим народом.

Свое предисловие я заканчиваю словами, которые вы прочтете на последней странице этой книги: «Вот факты. Говорите о них, кричите о них. Граждане, честные люди, это Ваш долг, Ваша человеческая обязанность».

Подписались под этими мужественными словами в те дни, когда происходили эти события:

Бюро Лиги борьбы с антисемитизмом при Киевском Областном Комитете Всероссийского Союза городов в составе представителей: Киевского Областного Комитета Всероссийского Союза Городов, Всероссийского Земского Союза, Национального объединения, Национального центра, Союза Возрождения России, Киевского Совета профессиональных союзов, Союза учителей школьных и домашних, Союза врачей, Союза техников, Союза журналистов, Международного Красного Креста, Комитета помощи пострадавшим от погромов при Российском Красном Кресте, Общества истинной свободы имени Льва Толстого, Центрального бюро кооперативных объединений и Общества «Разума и Совести».

РОЗА БРОНСКАЯ

* На примере «Багровой книги» можно написать целую диссертацию о работе большевистской цензуры над текстом печатного произведения. Там, где дело касается участия в погромах советских войск, изъяты куски и даже целые главы. Так, например, почти целиком изъята трагическая глава о погромной деятельности большевиков в Россаве. И, если в «Багровой книге» автор неоднократно указывает, что на кровавом погромном плацдарме одновременно действовали четыре различные группы, одна из которых — «советские отряды», то в этой редакции вы прочтете о «трех группах»: советские отряды даже не упоминаются.

Подумать только, что так было уже в самом начале революции!

СПРАВКА.

(Вмѣсто предисловія).

Настоящая книга составлена по матеріалам „Комитета помощи пострадавшим от погромов“ при Россійском Красном Крестѣ, в г. Кіевѣ.

Использованы матеріалы по совѣту и с разрѣшенія предсѣдателя „Комитета помощи“, извѣстнаго общественнаго дѣятеля, примыкавшаго к „Союзу Возрожденія Россіи“, Николая Ивановича Ильина.

Пролог составлен по данным доклада Ильина. Первая часть—по докладам и отчетам с мѣст. Вторая и третья часть—по протоколам опроса пострадавших и свидѣтелей погромов.

Книга писалась спѣшно, при Деникинѣ в г. Кіевѣ, под звуки обстрѣлов и гул погромов; заканчивалась в разгарѣ эвакуаціи в Ростовѣ.

Книга преслѣдовала цѣль абсолютно объективнаго изслѣдованія. Первоначально предполагалось, что книгу издаст „Союз Возрожденія Россіи“, но разгром деникинскаго добровольческаго движенія помѣшал этому: два года книга лежала подспудом.

Впослѣдствіи Госиздательство в Москвѣ приобрѣло ее, но в виду предупрежденія, что она увидитъ свѣтъ только через нѣсколько лѣтъ, пришлось взять ее обратно. Книга приобрѣтена книгоиздательством Гржебина в Берлинѣ, гдѣ должна была выйдти под редакціей и с предисловіем М. Горькаго, но второй год лежит без движенія.

В настоящее время она выпускается „Дальневосточным Еврейским Общественным Комитетом помощи сиротам-жертвам погромов“ в Харбинѣ, который приобрѣлъ право на одно изданіе.

С. ГУСЕВ-ОРЕНБУРГСКІЙ.

14 Іюля 1922 г.

Пролог.

Исторія Украины—это лѣтопись еврейских погромов. Мы знаем о свирѣпой Хмѣльчичинѣ середины XVII вѣка. Мы слышали о долгой и страшной Гайдачинѣ средней трети XVIII вѣка. Многие из нас переживали погромы 1881-2 годов. Отлично помним мы октябрьскія дѣянія черносотенцев в 1905 году.

Теперь...

Проходит перед нашими глазами пятое по счету украинское массовое кровавое дѣйство,—страшный кровавый разлив, оставившій за собой всѣ ужасы протекших времен.

Никогда не падало такое количество жертв.

Никогда евреи не были так одиноки.

Никогда безысходность их положенія не была так ужасающа.

В революціонныя эпохи 1881 и 1905 годов еврейскіе погромы были кратковременны,—они налетали как мгновенный шквал, как Самум в Сахарѣ. Теперь—это сплошное, непрерывное, перманентное бѣдствіе. Во времена Хмѣльничины и Гайдачины евреи были между молотом и наковальней. Теперь по ним, распластанным по той же украинской наковальнѣ, ударяет не молот, не два, а всѣ молоты, какіе только работают на этой дикой и злой почвѣ. Они бьют по ним без устали, днем и ночью, лѣтом и зимою. Наконец, прежнія черныя години относятся к далекому прошлому. Может быть преувеличены бѣдствія, может быть цифры погибших ниже тѣх, о которых повѣствуют трогательныя элегіи. Теперь все происходит на наших глазах. Мы видим, правда, только часть картины, ибо другія части закрыты еще непроходимыми кордонами. Но, что доступно нашим глазам и ушам, мы видим и слышим...

Мы слышим и считаем.

И скорбные результаты подсчетов могут быть только безмѣрно ниже дѣйствительности.

Гражданская Война.

Никто не станет теперь спрашивать—откуда несется этот страшный, грязный, разбойный и грабительский поток—, всякій это видит и знает.

Он возник из гражданской войны.

Он течет из озер крови и слез, наполняющихся в гражданской войнѣ. Он питается гражданской войною. И повидимому он так и не кончится, — если он кончится, пока не прійдет конец гражданской войнѣ.

9-го ноября 1918 года вспыхнула революція в Германіи. И тогда пробил час не только Вильгельма II в Берлинѣ, но и генерала Скоропадскаго в Киевѣ. Началось повстанческое движеніе против гетмана. В какой нибудь мѣсяц петлюровская Директорія смыла его без остатка. Всего через пять недѣль послѣ начала германской революціи —11-го декабря Киев был взят Петлюрой. Но еще до того, почти одновременно с петлюровским движеніем, началось безпрепятственное шествіе большевиков против петлюровцев. Двигаясь с сѣвера на юг, они занимают Гомель, Глухов, Купянск, Харьков, Екатеринослав, а 2-го февраля и самый Киев. Директорія получает в спину удар за ударом. Она вынуждается очистить всю Киевскую губернію, не говоря уже о лѣвобережной Украинѣ. Она уходит, преслѣдуемая по пятам, в глубь Волыни и Подолии. Она пробует в мартѣ пробраться к Киеву с сѣверо-запада через Сарны и Коростень. Она наступает с юго-запада на Жмеринку. Она двигается вперед. Она пятится и бѣжит назад. Полгода мечется она бесплодно туда и обратно.

Она озлоблена.

Она разсвирѣпела.

Свою злость изливает она, само собою разумѣется, на евреях...

Внутренний Фронт.

Как рѣка, спадающая послѣ разлива, оставляет послѣ себя ил—так петлюровскія войска, откатываясь на запад, оставляют за собою повстанческія банды. Но они возникают и самостоятельно. Они вырастают вездѣ и повсюду, гдѣ осуществляются коммунистическія тенденціи и гдѣ разгорается крестьянская ненависть к „коммунѣ“.

Во главѣ банд стояли атаманы.

На сѣверѣ от Киева, в Чернобыльском районѣ, оперировал Струк.

К западу, в районѣ Радомысльском и в сосѣдней части Житомирскаго района—Соколовскій.

К югу, в районѣ Триполья, у Днѣпра—Зеленый.

Между Зеленым и Соколовским в Таращенском районѣ, была территория Яценко, Голуба, полковника Нечая и многих других.

Вокруг Брусилова блуждал Мордылев.

В районѣ Липовца—Соколов.

В районѣ Умани—Клименко, Тютюнник, Попов.

В окрестностях Гайсина—Волынец.

Златополю угрожал Лопата.

Бахмачу—Ангел.

Переяслав объявил своей вотчиной Лопаткин.

...много, много их было...

Имя им—легион.

Внутренній фронт быстро усиливался.

Это уже не только ил, оставляемый отливом.

Прибывают новые атаманы,—из тѣх, которые шли до сих пор вмѣстѣ с коммунистами, а теперь от них отпадают.

На первом мѣстѣ—Григорьев.

Он возстал против „коммуны“ в началѣ мая.

Но такими отщепенцами были и многіе из выше перечисленных: Тютюнник, Соколовскій, Зеленый, Струк, Лопаткин, Лопата—были раньше совѣтскими командирами, прежде чѣм превратились в атаманов повстанческих отрядов. А совѣтскими командирами они стали лишь послѣ того, как измѣнили Директоріи. Григорьев был наибольшій из таких хамеліонов-атаманов.

И его погромный район—самый крупный.

Он простирался от берегов Чернаго моря на югъ до Черкасс на сѣверѣ. Центром дѣйствій его была Александрія, его родина и мѣсто жительства, гдѣ он расположился штабом, гдѣ у него был собственный дом и гдѣ он лично произвел два погрома.

При этом он скакал верхом впереди всѣх.

И рядом с ним скакала его жена.

А в обозѣ сидѣли его ребята, которых он таскал за собой.

Именно там, в окрестностях Александріи, в Верблюжкѣ, вербовал он преимущественно своих партизан. И именно там, в окрестностях, в Сентовѣ, нашел он свою смерть от руки махновцев.

Вообще каждый атаман держится своей родины.

Для своей округи он свой мѣстный человек, земляк.

Соколовскій—уроженец села Горбылева, в 19 верстах от Радомысля, сын дьякона того же села.

Зеленый—житель мѣстечка Триполья, сын мѣстнаго столяра.

Струк—крестьяник деревни Грины, возлѣ Горностайполя.

Мордылев—из села Заблочи, близ Брусилова.

Соколов—бывшій мировой посредник г. Липовца.

Волынец из деревни Караловки, близ Гайсина.

Махно—уроженец Гуляй Поля.

Всѣ эти атаманы, большого и малаго колибра, бывшіе петлюровскіе командиры и самостоятельные партизаны, и совѣтскіе отщепенцы—всѣ они об'явили войну:

— „Коммунѣ“.

Но к ней неизмѣнно пристегивался:

— „Жид“.

И официальным лозунгом их стало:

— „Бей коммунистов и жидов“.

Или:

— „Бей жидов, спасай Россію“.

Начало погромов.

Первыя погромныя дѣйствія начались как раз наканунѣ новаго 1919-го года. Ареной их был город Овруч, Волынской губерніи, и окрестныя села. Больше двух недѣль беззащитное еврейское населеніе находилось во власти петлюровскаго атамана Козырь-Зырки. Безпрерывныя убійства, вымогательства, грабежи, продолжались до 16 января и закончились разстрѣлом у вокзала 32 человекъ. В этот же період совершился первый Житомирскій погром, 7-10 января, пострадал Черняхов, Бердичев и много окрестных мелких пунктов.

Таким образом, восточная часть Волынской губерніи, гдѣ петлюровцев тѣснили напиравшіе с сѣвера большевики, послужила исходным пунктом для гайдамачины XX вѣка.

Развитіе погромов.

Январь.

Январскіе погромы имѣли еще локализованный характер, как это было указано выше.

Затѣм...

Словно холерная эпидемія они стали вспыхивать там и сям в различных мѣстах.

Февраль.

Февральскіе погромы носили уже распространенный характер. К этому времени Кіев был занят коммунистами. Пет-

люровцы очищали спѣшно Херсонскую, Полтавскую и Киевскую губерніи. Погромы произошли в Елизаветградѣ,—4-5 числа и Новомиргородѣ, в Пирятинѣ и других пунктах Полтавщины.

На многих станціях желѣзных дорог, как напримѣр Ромодан, Бобринская выбрасывали из вагонов и разстрѣливали евреев. В Лубнах погром был предотвращен только потому, что в самых петлюровских частях нашлось около сотни человек, которые выступили против громил с оружием в руках и, потеряв из своей среды 4 человек, город от погрома спасли. В Кременчугѣ евреи откупились суммой в полтора милліона рублей. Тогда же произошли погромы в Киевской губерніи: в Васильковѣ,—7-8 числа, в Россавѣ 11-12, гдѣ наибольшее число жертв пало от совѣтских частей; в Степанцахъ 14-го числа; в Радомыслѣ 18-го; в Сквирѣ в началѣ и концѣ мѣсяца; на путях к Киеву в Вичнѣ и Броварахъ Черниговской губерніи. Однако самый страшный погром этого мѣсяца произошел в глубоком петлюровском тылу,—в Проскуровѣ,—15-го числа, и в Фельштинѣ. Были они вызваны попыткой большевиков в Проскуровѣ поднять возстаніе.

Март.

Мартовскіе погромы связаны почти всѣ с прорывом петлюровцев от Сарн в Коростенском направленіи, при котором они подошли к Киеву с сѣверо-запада почти на полсотни верст. В это время были произведены погромы в Коростенѣ, Ушемирѣ, 31-го числа, в Бѣлошицѣ между 7 и 12; в Самогородкѣ 13-го, в Черняховѣ—18-го, в Житомирѣ—вторично,—22-го; в Янушполѣ—25—29-го; в Радомыслѣ—12 и 13 и 23-31-го числа. В Радомыслѣ с этого времени погромы приняли хроническій характер, потому что тут уже начала орудовать банда Соколовскаго, в Коростенѣ 13-го числа был учинен новый погром пришедшими красноармейцами. Сверх того были петлюровскіе погромы в Подольской губерніи: в Калиновкѣ, Кубличѣ, Вятковцах и других мѣстах.

Апрѣль.

Апрѣльскіе погромы относительно не многочисленны и не носят общаго характера. В этом мѣсяцѣ разыгралась главнѣйшим образом дѣятельность Струка, орудовавшаго в Чернобильском уѣздѣ. 7-12-го числа повстанцы его свирѣпствовали в самом Чернобилѣ, а кромѣ того, в теченіи всего мѣ-

сяца убивали и грабили в цѣлом рядѣ окрестных сел и деревень, в особенности по берегам Днѣпра, гдѣ останавливали пароходы и подвергали евреев утопленію. На избраніе такого рода казни, очевидно повліяло вскрытіе рѣк. Сверх того продолжал в теченіи этого мѣсяца разбойничать в своем районѣ Соколовскій. Пострадала Королевка—22-го числа, Малин, Ракитино, Корник. Разгромлено мѣстечко Эмильчино группой петлюровцев, отступавших от Олевска на Новгород-Волынск. Начала работать под самым Кіевом банда Зеленаго: Васильков—7-15-го числа, Ржищев—9-го, село Плисецкое, деревня Ольшанка и другія мѣста. Относительно Василькова надо отмѣтить, что окончательно он был ограблен 6-м совѣтским полком. Появились партизаны и в Тарашченском районѣ, которые с 4 по 25 орудовали в Богуславѣ В Подольской губерніи разгромлено много пунктов, среди них: Балта и Брацлав.

Май.

Григорьевщина.

В началѣ мѣсяца продолжал орудовать Струк: погромы в Горностайполѣ и Иванковѣ. Но почти всѣ майскіе погромы проходят под знаком григорьевщины, и они чрезвычайно обильны числом. Большинство погромов учинены самым атаманом и его помощниками: Уваровым, Тютюником, Нечаем и другими. Три четверти их поразили юго-восточный выступ Кіевской губерніи, Черкасско-Чигиринскій район, остальные разразились в сосѣдних частях Херсонской и Полтавской губерній. Меньшинство погромов совершены не самими отрядами Григорьева, а мѣстными „селянами“ под вліяніем чтенія его „Универсала“. Хронологически они слѣдовали в таком порядкѣ: Златополь—2-го числа, Знаменка—3-го, Лебедин—6-го, Городище—11-12-го, Орловец—12-го, Ротмистровка—13-14-го, Матусово—13-14-го, Бѣлозерье—14-15-го, Смѣла—14-15-го, Елизаветградка—15-17-го, Аджанка и Большой Биск—18-го, Александровка и Фундуклеевка—18-20-го, мѣстечко Новый Буг—19-го, Черкасы—16-21-го, Райгород—20-го, Саблино-Знаменскій сахарный завод, 20-го, Александрія—22-го, Чигирин—25-го, Степановка—18-го, Семеновка—18-19-го, Гросулов—20-го числа.

В это же время происходили погромы в Медвѣдевкѣ, Каменкѣ, Телепино, ст. Бобринской и Цвѣтково, Мочнах, Глобинѣ, Касселѣ, Томашевѣ, Верщакѣ, Веселом Кутѣ, Веселом Подолѣ и других мѣстах. На станціи Ивановкѣ убито григорьевцами 62 человекъ из Кодымы, послѣ

погрома бѣжавшіе в Одессу. Множество убійств на других желѣзнодорожных станціях. Самые страшные из этих погромов—в Елизаветградѣ, Черкассах и Фундуклеевкѣ.

В тѣсной связи с универсалом Григорьева стоят майскіе погромы в Уманском районѣ, географически удаленном от непосредственнаго расположенія его отрядов. Из них самый кровавый был в Умани—13-го числа, затѣм в мѣстечкѣ Дубово—13-14-го, в Тальномъ—13-го, в Христиновкѣ, Лоджинкѣ—12-14 го, в селах Вяховокѣ, Маниковка, Иванька, Буки и других.

Таким образом в теченіи всего мѣсяца мая шли погромы Григорьева. В сравненіи с этими множественными и массовыми кровопусканіями отходит на задній план погромная дѣятельность других банд, а также и на петлюровском фронтѣ в Волынской и Полтавской губерніях: погром в Бороновицах—9-го числа, Ровно—14 и 29-го, Кременцѣ—12-го, Литинѣ—14 и 28-го, Кодымѣ и других пунктах. Особенно выдѣляется по своей жестокости бойня в мѣстечкѣ Тростяницѣ—10-го числа и в Гайсинѣ—12-го. В Кодымѣ, 18 го мая, погром был учинен группой григорьевцев, пріѣхавших из Одессы, при содѣйствіи крестьян из сосѣдних деревень. В тѣсной связи с григорьевским возстаніем стоит погром в Золотоношѣ Полтавской губерніи 12-го мая,—но он был произведен совѣтским Богунским полком. Равным образом Обухов был разграблен 7-го мая 6-м совѣтским полком, Погребище 18-го мая 8-м совѣтским полком.

Іюнь.

Іюньскіе погромы произошли в трех губерніях: Подольской, Волынской и Кіевской. В Херсонской и Полтавской извѣстно лишь об единичных погромах. В Кіевской продолжалась дѣятельность прежних банд, в том числѣ остатков григорьевских отрядов: погромили вторично Фундуклеевку, 15 го Ставище, 16-го Тарашу, 20 го Володарку, Рыжановку, 23-го Сквиру, 27-го вторично Александрію Херсонской губерніи. В районѣ Соколовскаго пострадали вновь Радомысль, 13-го Брусилов, 15 го Ходорков, 20-го Коростень, 20-го и 24-го Чермяхов, затѣм Корнин. Вторично погромлено 17-го Іюня Дубово. Зеленый ограбил Обухов,—25-го, Ржищев, 30 го и еще Кагарлык. В Подольской губерніи в связи с перемѣщеніями внѣшняго фронта происходили погромы и убійства в Деражинѣ—7-17 іюня, в Хмѣльники, Голосовкѣ, Майданѣ, Стрижанкѣ, Старой Синявѣ и других. В Полтавской губерніи пострадала Семеновка.

Июль.

Расцвѣтъ Банд.

Июльскіе погромы, принявшіе несравнено болѣе грозные размѣры, чѣм іюньскіе, имѣли мѣсто в тѣх же трех губерніях, при чем Кіевская опять идет во главѣ. Из болѣе крупных лунктов, относительно которых установлены точныя даты, на долю Кіевской приходится в этом мѣсяцѣ 27 погромов, Волынской—12, Подольской—14. В Кіевской орудуют банды, в сстальных двух банды и регулярныя петлюровскія войска. Из новых районов впервые выступает погребещенскій, гдѣ погромлены Борщакровка—3-го числа, Дзюнкѡв—5-го, Ново-Фастов—11-го, Володарка—2-го, 9-го и 11-го, и ряд со-сѣдних деревень. Нѣсколько к западу от них у самой границы с Волиныю,— Прилуки—4-го іюля, Вахновка—8 го, Турбов—9 го, Калиновка—14-го. В Районѣ Соколовскаго: Рожево—3-го іюля, Макарово—6 го, Брусилѡв—5 го, Корнин—9-го. Ясногородка—15-го, Хабно—30-го. В районѣ Зеленаго: Ржищев—1-го и 13 іюля, Таганча—8-го, Козин—17-го и Переяслав Полтавской губерніи,—15-го—19-го. В Тарашенском районѣ: Боярки—2-го іюля, Кошеватое—17-го—24-го. Наконец, в самом концѣ мѣсяца, 29-го, новая рѣзня в Уманѣ, 31-го на станціи Потоши.

В Волынской губерніи погромлены Кодры—6-го и 13-го, Хамовка—9-го—11-го, Каменный Брод, Котельня и Зарубинцы—10-го, Домбровицы—10 го, Ксавров—20-го. В Словечнѣ погром продолжался, со множеством жертв, 16 го—19-го іюля, и тогда же пострадали во множествѣ евреи со-сѣдних сел и деревень: Давыдка, Горщик, Бобрик, Пасово и другія.

В Подольской губерніи погромы произошли в Жмеринкѣ—3-го, Браиловѣ, Пиковѣ, Щендеровѣ, Бороновицах, Ободинѣ—10-го, Ямовѣ—11-го—15 го, Тульчинѣ—14-го, Литинѣ—18-го, Ново-Константиновѣ, Тупликѣ, Гайсинѣ, Печерѣ—20-го—25-го.

Август.

Новые люди на погромной аренѣ.

В первой половинѣ августа мѣсяца можно отмѣтить нѣкоторое затишье. В особенности это бросается в глаза в Кіевской губерніи. Одиночно погромы происходят и в других губерніях. В Наровѣ, Минской губерніи у границы Кі-

евской, к сѣверу, 6-го августа. **Переяславль** Полтавской губерніи пострадал 7-го августа от банды Лопаткина. В Подольской губерніи погром был 3-го августа в **Винницѣ** и 4-го августа, впервые за все это время, в знаменитом **Голованевскѣ**, геройски отстоявшем до того свою безопасность, благодаря хорошо организованной самооборонѣ.

Но надобно принять во вниманіе, что фронт к началу августа подошел вплотную к границам Кіевской губерніи, и мы не знаем, что происходило и происходит за этим кордоном.

Во всяком случаѣ для Кіевской губерніи затишье, краткое как миг, было несомнѣнно.

Чѣм это об'яснить?

Может быть тѣм, что в это время потребовались всѣ руки для уборки хлѣба. Может быть, банды двинулись на запад на соединеніе с регулярными петлюровскими войсками или на восток, согласно полученных заданій.

Но... в срединѣ августа погромы вспыхнули новым страшным заревом в Кіевской губерніи, и появились они также в той губерніи, которая в нынѣшнюю гайдамачину их почти не знала,— в Черниговской. Обѣ они стали ареной военных дѣйствій внѣшняго фронта.

31-го августа был занят Кіев.

На Кіевском плацдармѣ стали одновременно дѣйствовать:

1. Добровольцы.
2. Петлюровцы.
3. Совѣтскіе отряды.
4. Банды.

Началась новая полоса погромов, в которых активными дѣятелями бывала иногда поочередно каждая из этих 4 групп. Четыре главных молота и множество второстепенных стали подниматься и опускаться с силою и регулярностью паровых молотов чугунолитейнаго завода.

Напримѣр:

В мѣстечкѣ **Тальном** произошло слѣдующее:

1.—С уходом большевиков вошла банда Тютюнника и устроила рѣзню еврейскаго населенія, при которой убито 53 неловѣка.

2.—Тютюнника вытѣснил отряд Махно, шедшій с обозом из нѣскольких тысяч подвод. Он ограничился грабежами и убил только трех стариков евреев.

3.—Махновцев вытѣснили галичане, но они удовольствовались только реквизиціями.

4.—Наконецъ пришли добровольческіе казаки, которые ограбили мѣстечко до чиста, изнасиловали многихъ женщинъ, убили нѣсколькихъ челоувѣк и сожгли часть мѣстечка.

В мѣстечкѣ **Бѣлой Церкви**, избѣгнувшемъ погрома за все это время, в концѣ августа былъ устроенъ жестокой погромъ с 300-ми челоувѣческихъ жертв.

начатый Петлюровцами...
превращенный в рѣзню зеленевцами...

законченный в формѣ грабежей, изнасилованій и поджоговъ—терскими казаками....

Августовскіе погромы этого рода произошли в слѣдующихъ мѣстах: **Городище—8-го, Ракитно—14-го, Макаров—15-18-го, Ходоров—17-го, Погребище—18-21-го, Черкасы—18-23-го, Смѣла—20-го, Шибенное—23-го, Степенцы—24-30-го, Тетіево—24-го, Бѣлая Церковь—24-го, Орловец—24-го, Ковин—24-го, Таганча—24-го, Кагарлик—24-го, станція Мироновка—24-го, Германовка—28-го, слободка Никольская, Межиричи—24-го, Тетіево—30-го, Деміевка в Кіевѣ 31-го, затѣмъ Плисков, Ружин, Россава, Воронцово, Мошни, Корсунь, Корнин, Потоки.**

Из другихъ губерній намъ извѣстны погромы на лѣвомъ берегу Днѣпра: в **Гребенкѣ, Кременчугѣ, Бориспольскѣ**,—Полтавской губерніи,—в **Борзнѣ**, Черниговской губерніи **25 августа, в Елизаветградѣ—11-го, Екатеринославѣ.**

Сентябрь.

Пострадали в Кіевской губерніи: **Боярка, Богуслав, Пушчеводица—3-го, Васильков—3-го, Дымер—5-го, Игнатовка—5—9-го, Макаров—6-го, Триполье—7-го, Фастов—7—8-го и 23-25-го, Обухов—10-го, Германовка—28-го, Устиновка, Гостомль, Тараща, Мотивиловка, Китаево, Колубицкая, Червонянская** и множество другихъ.

В Черниговской губерніи: **Нѣжин—с 1-го сентября,—Борзнь—до 15-го, Конотоп—19-го, Слободка-Николаевская, Бахмач, Батурин.**

В Полтавской губерніи: **Прилуки, Бѣлоцерковка, Яблоново.**

.....
.....
.....
.....

Общее число погромленных пунктов.

Мы знаем только часть и притом, вѣроятно, небольшую часть всѣх погромленных мѣст. Не надо забывать, что свѣдѣнія эти только собирались в Кіевѣ, что связи с западными частями Волыни и Подоліи давным давно прерваны, да в сущности их и не было с начала гражданской войны и погромной эпидеміи. Затѣм Полтавская, Херсонская, Екатеринославская губерніи, а также Черниговская—до сих пор еще не связаны с Кіевом. Понятно, что в сферу нашего изслѣдованія могло войти только очень небольшое.

К концу сентября нам извѣстны 402 погромленных пункта.

. 402

Тут есть и большіе губернскіе города, как Житомир, Кіев и Екатеринослав, есть и мелкія села и деревни, съ нѣсколькими еврейскими семействами, проживавшими в них с незапамятных времен.

Распредѣляются эти пункты по губерніям слѣдующим образом:

Кіевская губ.	231	пункт.
Волынская губ.	56	„
Подольская губ.	62	„
Херсонская губ.	25	„
Полтавская губ.	16	„
Черниговская губ.	9	„
Екатеринославская губ.	3	„

Итого . . . 402 пункта.

Пальма первенства принадлежит Кіевской губерніи, на долю которой приходится 57%. Несомнѣнно такой высокой процент зависит в значительной мѣрѣ от того, что эта губернія была доступнѣе всего для обслѣдованія из Кіева, а слѣдовательно лучше всего изучена. Это дает нѣкоторое представленіе о дѣйствительном количествѣ погромленных пунктов в других губерніях.

Число погромов.

Число пунктов и число погромов однако же, не совпадают между собой. Вряд ли есть хоть одно поселеніе, которое пережило-бы только один погром. Елизаветград испытал пять погромов, Володарка—4, Черняхов насчитывает их чуть не десяток.

Но вообще самое понятие „погром“ устарѣло.

Зачастую оно совершенно не примѣнимо.

„Погром“ означает нѣчто внезапное, быстрое, скоротечное,—нѣчто такое что длится час, день, два и прекращается. Но прежняя практика не предвидѣла такого состоянія, когда город или мѣстечко в теченіе недѣль или мѣсяцев находится в состояніи погрома или, когда данный пункт поочередно громится каждой входящей в него попеременно непріятельской стороной, будет ли то банды Зеленаго или петлюровцы, или совѣтская часть, или терская бригада. Тут надо придумать либо новое слово, либо установить категоріи хроническаго и перемежающагося погрома, подобно тому как медицина знает хроническій нефрит или перемежающуюся лихорадку.

Установить, таким образом, число погромов, происшедших за данный період в какой нибудь губерніи, становится весьма затруднительным. И если мы скажем, что в извѣстных нам 402 пунктах произошло 800 погромов, то есть вдвое больше чѣм пунктов, то мы сдѣлаем ошибку только в сторону преуменьшенія.

Чтобы получить представленіе о том, как они распределяются по мѣсяцам, надо взять Кіевскую губернію и надо принять во вниманіе только тѣ погромы, относительно которых мы знаем даты, или, по крайней мѣрѣ, знаем точно мѣсяц, в который они произошли.

Таких мы знаем 125.

Они распределяются по мѣсяцам:

Ноябрь	0
Декабрь	0
Январь	0
Февраль	8
Март	3
Апрѣль	7
Май	30
Іюнь	16
Іюль	27
Август	40
Сентябрь	22

За четыре лѣтних мѣсяца их оказывается 113, тогда как за все предшествующее полугодіе гражданской войны 18. Традиционная дата еврейских погромов—пасхальная недѣля—когда благочестивыя чувства подогрѣваются описаніем страданій Спасителя, освѣжается навѣт об употребленіи евреями христіанской крови,—не чувствуется в этой кровавой статистикѣ. Подъёмы погромной волны связаны исключительно с обостреніем борьбы против коммунистов.

Число погибших и безвѣстных жертвы.

Не было случая, чтобы жертвы гражданской войны были точно подсчитаны. Убийцы не ведут списков, убитые ими не предъявляют иска о загубленной своей жизни. Погребальныя братства могли бы дать свѣдѣнія о количествѣ похороненных на кладбищах, но не об утопленных, сожженных, брошенных в колодцы, закопанных в полѣ и в лѣсу. Родственники могли бы дать свѣдѣнія о своих членах пропавших без вѣсти. Но кто соберет всѣх этих родственников и кто их спросит? А как часто, сверх того, вырѣзывались семейства без остатка?

Если сложить тѣ разрозненныя случайныя цифры, которыя имѣются у нас, то общее число убитых дойдет до 35.000 человекъ. Но эта цифра никоим образом не дает представленія о дѣйствительном числѣ погромныхъ жертв. В нее не вошли тѣ многочисленныя жертвы, которыя пали в пунктахъ еще не зарегистрированных, потому что по сію пору отрѣзаны от нас и не доступны обследованію.—как напримѣр, западныя части Волынской и Подольской губерніи, южная часть Херсонской, и тому подобн. Не вошли сюда безвѣстныя еврейскія семьи, истребленныя до послѣдняго человека в безчисленных деревнях и селах. Не вошли жертвы, погибшія по дорогѣ во время бѣгства из своихъ пепелищ, во время странствованія из одного мѣстечка в другое, вытасканныя для разстрѣла из поѣздов, утопленныя на пароходах, убитыя в лѣсах и на проселочныхъ дорогах. Не вошли очень многія, скончавшіяся от полученныхъ ран и умершія от заразныхъ и всякихъ другихъ болѣзней, нажитыхъ ими, когда их по недѣлямъ держали взаперти в смрадныхъ помѣщеніяхъ безъ пищи, воды и одежды.

...Общее число погибшихъ от погромовъ никоим образом нельзя исчислить меньше, чѣм—
в 200,000 человекъ...

Формы погромовъ.

До нынѣшняго погромнаго шквала обычными формами еврейскихъ погромовъ в Россіи были разгромы имущества,—излюбленный приѣм—выпусканіе пуха из подушек,—грабежи, избіеніе, изнасилованіе, лишь в исключительныхъ случаяхъ убійства и в еще болѣе исключительныхъ—изошренныя звѣрства при умерщвленіяхъ. Нынѣшняя эпидемія погромовъ отличается отъ прежнихъ, кромѣ безмѣрной своей продолжитель-

ности,—еще особой, из ряда вон выходящей свирѣпостью, безграничной утонченностью мучительства и доведением ограбленія до послѣдняго предѣла—совершеннаго раздѣванія.

Разница эта об'ясняется тѣм, что раньше громили лишь использовали *попустительство власти*, теперь же они сами оказывались властью.

Исходил ли погром от командиров регулярных петлюровских войск,—Козырь-Зырка в Овручѣ, Семесенко в Проскуровѣ,—атаманов различных банд, главарей повстанческих отрядов или деморализованных совѣтских полков,—всѣ они являлись полновластными владыками даннаго города или мѣстечка и перед ними еврейское населеніе стояло в теченіе дней или даже мѣсяцев без просвѣта надежды на какое бы то не было вмѣшательство, или чью бы то ни было защиту. К этому надо прибавить то презрѣніе к человѣческой жизни и к чужому достоянію, которое привилось массам в теченіи многих лѣт внѣшней, а затѣм гражданской войны, с ея красным и бѣлым террором, контрибуціями, реквизиціями, обысками, облавами, заложничеством...

Типичная картина погрома.

Наиболѣе частый тип погрома таков:

Вооруженные люди врываются в город или мѣстечко, рассыпаются по улицам, устремляются группами в еврейскія квартиры, сѣют смерть, не разбирая ни возраста, ни пола, звѣрски насилуют и не рѣдко затѣм убивают женщин, вымогают деньги под угрозой смерти и потом все-таки убивают, захватывают—что могут унести, ломают печи, стѣны, в поисках за деньгами и цѣнностями. За одной группой приходит в тот же дом вторая, за ней третья и так далѣе, пока не останется рѣшительно ничего, что можно было бы унести или увести. В Переяславѣ во время погрома 15-19-го іюля, учиненаго Зеленым, каждая еврейская квартира посѣщалась бандитами 20-30 раз в день. Позднѣе дѣло доходит до оконных стекол, кирпичей и балок. И убитые и уцѣлевшіе раздѣваются до нижняго бѣлья, а то и до гола. К неволеванной власти отправляются депутаціи из евреев или благожелательных христіан просить о прекращеніи погрома. Власть соглашается под условіем выплаты уцѣлвшим еврейским населеніем контрибуціи. Вносится контрибуція, потом предъявляются новыя требованія доставить столько то сапог, мяса и так далѣе. В то же время группы продолжают терроризировать оставшихся евреев, вымогать деньги, убивать, насиловать,

Затѣм в город или мѣстечко вступает противник, нерѣдко доканчивающій ограбленіе евреев и продолжающій дикія

насилія. Прежніе громылы исчезают, чтобы снова вернуться через нѣсколько дней.

Снова уйти и снова придти...

Богуслав, напримѣр, в течение недѣли переходил из рук в руки 5 раз. Борзна в течение двух недѣль 4 раза. Грабежи и погромы повторяются при каждой новой перемѣнѣ.

Чрезвычайно часто евреев сгоняют для массоваго умерщвления, истязаній и ограбленій, в один дом: в синагогу—Иванков, Ротмистровка, Ладыженка,—в Управу или Исполком,—Фундуклеевка, Ладыженка, Новомиргород,—или просто в какойнибудь дом,—Гайсин, Давыдка.

Кончается тѣм, что оставшееся населеніе, обезумѣвшее от ужаса, бросается, уходит куда глаза глядят, раздѣтое, босое, без единого гроша в карманѣ, если его не загоняют обратно выстрѣлами, как в Фельштинѣ, Иванковѣ, Смѣлѣ, Словѣчнѣ. Стекаются тысячами в какойнибудь ближайшій город или мѣстечко.

Варіаціи.

...Такова типичная картина...

Измѣненія в отдѣльных случаях касаются распорядка этих актов, характера убійства и количества жертв. Иногда контрибуція предшествует убійствам, иногда еврейское населеніе убѣгает до новаго прихода банды и, таким образом, если не гибнет по дорогѣ, то избѣгает новых умерщвленій, но не имущественнаго разгрома—(Рожево, Дмитровка, Ставище, Иванков и т. д.) Иногда внезапно ворвавшаяся банда или стоящая регулярная войска устраивают форменную бойню всѣм встрѣчным евреям—(Голованевск), всѣм евреям в квартирах—(Умань, Проскуров, Елизаветград и т. д.) Иногда вырѣзывается поголовно все имѣющееся еврейское населеніе без различія пола и возраста—(обычно в мелких пунктах). Иногда, как напримѣр, в Бѣлошицѣ Волынской губерніи, собираются в одно мѣсто и умерщвляются всѣ отцы семейств. Иногда, как в Тростяницѣ, убивают, собрав в одном зданіи все мужское населеніе от дѣтей до преклонных стариков (370). Иногда, как в Житомирѣ 22—26-го марта, или как в Володаркѣ 9—11-го іюля, убиваются только старики, женщины и дѣти, (317 и 73 человек); то есть, всѣ кто не был в состояніи спастись бѣгством.

Формы мучительства.

В самых способах умерщвления бандиты обнаруживают небывалое разнообразіе. Самый частый способ: разстрѣл,

„к стѣнкѣ“. Для этого нерѣдко жертвы гонятся на вокзал, в штаб, за город, на кладбище, вообще в укромное мѣсто.

Но иногда становится жаль патрѣнов, если их мало,— „пули шкода“,—и начальство отдает приказ убивать евреев другими способами. В Проскуровѣ 15-го февраля Семесенко приказал примѣнять только холодное оружіе и 1600 евреев были убиты в теченіе 4-х часов саблями и штыками. В мѣстечкѣ Дубово 13-го мая их убивали топорами, а 17-го іюня,— пригоняя к подвалу, двое палачей ударами кривых сабель по головѣ сваливали их мертвыми или ранеными в погреб. „Если бы кто либо стоял в это время у ворот поселенія,— замѣчает очевидец,—то ему бы показалось, что мѣстечко наслаждается чудесным покоем“. В Ободинѣ, Брацлавскаго уѣзда, убивали 10-го іюля только холодным оружіем, потому что за патрон приходилось платить до 50 рублей. В Ладыженкѣ бандиты из мѣстных крестьян убивали косами, вилами и топорами. В колоніи Горщик повстанцы рѣшили убить евреев штыками (по стратегическим соображеніям), так как боялись, что стрѣльба вызовет панику среди повстанцев, разрывавших полотно желѣзной дороги. В Борзнѣ „гусары смерти“ убивали всѣх на один манер: сносили шашками полчерепа. В Чернобыльском районѣ в обиход вошло утопленіе. Евреев гнали к рѣкѣ, заставляли прыгать в воду или их сбрасывали туда и только в случаѣ, если кто нибудь пытался выплывать, его приканчивали из винтовки. Останавливали пароходы на Днѣпрѣ, отдѣляли евреев от христіан и сбрасывали в воду. Это называлось—„отправлять в Екатеринослав самоплавом“ или по собственному выраженію главаря:—„В Екатеринослав прямым сообщеніем“. Останавливали поѣзда в Полтавской, Херсонской и Волынской губерніях и выбрасывали евреев из вагонов на всем ходу. В Елизаветградѣ,—(1526 убитых),—в изобиліи примѣнялись ручныя гранаты: их кидали в погреба, гдѣ прятались евреи. В Ротмистровкѣ убитого или еще дышащаго вѣшали...

...а потом сжигали вмѣстѣ с домом:...

В Клевани Ровенскаго уѣзда, красно-армейцы запускали в бороду спеціально закрученную проволоку. Расправляясь, она выдирала волосы и причиняла страшныя страданія. Также кололи ржавыми булавками ягодичы. В Фастовѣ, в сентябрѣ любимый пріем пластунов казаков для полученія денег было подвѣшиваніе, а в Бѣлой Церкви *поджариваніе* на огнѣ. В Зятковцах Подольской губерніи во время второго погрома Воляньца 15 человекъ было живьем брошено в колодецъ. В Тростянцѣ заблаговременно заготовляли длинныя могилы „военнаго образца“. В Новомиргородѣ не только вырыли наканунѣ могилы, но даже заготовили известку для засыпанія их, „чтобы не было заразы“,—и теѣги для отгрозъ трупов.

И бросали в эти ямы и мертвых, и еще дышавших раненых...

Скала трупов.

По абсолютному количеству массовых смертей выделяются следующие пункты:

Проскуров	15 февр.	1650 убит.
Елизаветград	15-17 мая	1326 "
Фастов	22-27 сен.	1000 "
Радомысль	1-го июня	1000 "
Черкассы	16-20 мая	700 "
Фельштин	16 февр.	485 "
Тульчин	11 июля	519 "
Умань	13 мая	400 "
Погребище	18 мая	4000 "
Гайсин	12 мая	390 "
Тростянец	10-го мая	370 убит.
Новград-Волынк		350 "
Житомир	22-26 мар.	317 "
Янов	11-15 июля	300 "
Теофиполь	26 июня	300 "
Бѣлая Церковь	25 авг.	300 "
Кривое Озеро		280 "
Каменный Брод		250 "
Брацлав		239 "
Фундуклеевка		206 "
Каменец-Подольск		200 "
Голованевск	4-го авг.	200 "
Умань	29-го июля	150 "
Прилуки	14-го июля	150 "
Литин	14 мая	110 "
Васильков	7-13 апр.	110 "
Ладыженка	14-го мая	100 "
Новомиргород	17-го мая	105 "
Межигорье		104 "

Раны наносятся крайне тяжелыя, многочисленныя. Раненые рѣдко выживают, обычно громилы добивают их. Поэтому отношеніе раненых к убитым гораздо меньше, чѣм на войнѣ. Изнасилованія в іюнь и іюль чрезвычайно увеличились в числѣ. Банды врывались иногда специально для насилія над женщинами... послѣ того как ограблено все до послѣдней нитки.

...В августѣ и сентябрѣ без массовых изнасилованій и растлѣній малолѣтних не обходился ни один погром.

Лишенные всего.

Цифры погибших в какомнибудь пунктѣ, в особенности, если они не велики, не дают никакого представленія об ужасах этих погромов, о всей бездонности поразившаго и поражающаго еврейскій народ бѣдствія. Потому что мертвые, хотя и перенесшіе перед смертью тысячу нравственных и физических страданій, все же в концѣ концов успокоились в могилѣ и ни в чем не нуждаются. Но на десятки тысяч погибших имѣются сотни тысяч уцѣлевших, многократно видѣвших перед собою смерть и все же оставшихся в живых. Эти люди, лишенные всего: своих отцов, жен, дѣтей, своего пепелища, всѣх своих вещей, всѣх средств к существованію, физически и морально превращенные в инвалидов,—стоят перед неразрѣшимой задачей: как просуществовать, гдѣ найти пріют, как спасти при современных экономических условіях себя и своих дѣтей от голодной смерти, от надвигающейся осенней слякоти и зимней стужи, от грязи, от заразных болѣзней, от деморализации и одичанія. Вот что, напри- мѣр, пишет очевидец:

„Больше тысячи человек бѣглецов из Ладыженки на- ходятся по сей день в Голованевскѣ. Оборванные, босые, со сгнившими рубахами на тѣлѣ и совѣм без рубах, мужчины и женщины, здоровые и заразно-больные, валяются по си- нагогам в женских отдѣленіях, в пустых амбарах или просто на улицѣ. Один Бог или их крѣпко сжатые губы могли бы- ризсказать, как живут эти люди, как проживают они свой день. Часто, часто тянется катафалк по кривым улицам Голованевска и часто, часто производятся сборы ладыжан- цам на саваны“.

Таких картин, еще мрачнѣе, еще безотраднѣе, полных без- выходнаго отчаянія, можно было бы привести сколько угодно из любого района, из любого погромленнаго пункта, из любого скопленія бѣженцев... Из Бѣлой Церкви, из Фастова, из Кане- ва, из Житомира, из Винницы, из Кіева и т. д. и т. д. Проходит короткое время и самые эти пункты, служащіе убѣжищем, подвергаются в свою очередь дикому погрому с сотнями че- ловѣческих жертв, и снова бѣгут в разныя стороны обезу- мѣльные обитатели городка, пришлые и мѣстные, объединен- ные общим несчастьем... И снова их начинает косить голо- и холод, грязь и страшный сыпняк, от которого валятся ежедневно сотни жертв. Сдѣлать точный подсчет матеріаль- ному ущербу, понесенному евреями от погромов, не пред- ставляется возможным. При переводѣ на нынѣшнія цѣны они исчисляются... *миллиардами*... Подавляющее большин-

ство мѣстечек и немало городов совершенно очищены от еврейскаго имущества. Мѣстечко Кублич не только подверглось полному уничтоженію..

...оно было даже распахано..

...нѣкоторые пункты выжжены...

Напримѣр: Богуслав—25 апрѣля, Володарка—11 іюля, Борщаговка 9 іюля, Знаменка в январѣ, Борзна 16 сентяб-ря. Пожары были в Бѣлошицѣ 11 іюля, в Кутузовкѣ 20 іюля, в Гребенкѣ и в Корсунѣ, в Бѣлой Церкви и в Тальном...

..Но и гдѣ не было пожаров—на мѣстѣ домов развалины... окна разбиты, рамы вырваны... уцѣлевшія стекла раскрадены... внутри мусор и щепки...

...Хаос и разрушеніе...

ЧАСТЬ 1-Я.

Кровавые полотна.

I.

Тростянецкая трагедія.

Девятого мая нахлынула в Тростянец толпа вооруженных повстанцев. Она гнала перед собою красноармейцев, часть которых бѣжала к вокзалу, а другая стала примыкать к повстанцам. Воздух колыхал непрерывный звон колоколов. По улицам бѣжали со всѣх сторон с топорами, палками, ружьями, вилами и косами крестьяне окрестных деревень, оглашая воздух воплями:

— „Бей жидов и коммуны“.

Кричали насмѣшливо встрѣчным:

— Гдѣ же ваши красноармейцы? Отдавай оружіе, не то уьем.

Издѣвались над попадавшимися евреями.

Потом стали вламываться в дома и вытаскивать оттуда всѣх евреев мужчин и мальчиков. Избивали их и куда-то уводили, отвѣчая плачущим женщинам и матерям:

-- Конtribusiю накладывать идем.

А другіе кричали со смѣхом:

— На разстрѣл!

Так до вечера были переловлены всѣ мужчины, исключая тѣх, кто успѣл до времени хорошо спрятаться. И всѣх этих обреченных мужчин, а с ними нѣкоторых добровольно ушедших с отцами, братьями и мужьями женщин, заточили в зданіе комиссаріата.

Наступила ночь, полная ужаса и тревоги.

Глубокая тишина. изрѣдка нарушалась выстрѣлами и душераздирающими воплями. Восемнадцать человек было убито в эту ночь по квартирам. Но ужас этой ночи блѣднѣл перед ужасом вопроса:

„Какая участь ждала арестованных“?

Могила.

С утра другого дня гудѣл набат.

Бандиты метались по мѣстечку, грабили и производили одиночныя убійства. отыскивали спрятавшихся мужчин и уводили их в комиссаріат. В теченіе долгихъ часовъ томилась тамъ вся масса загнанныхъ туда евреев, в духотѣ, в смертной жаждѣ, с ужасными предчувствіями, не зная что творится за стѣнами зданія и какая участь ихъ ждет. Замѣтно было только усиленное движеніе вооруженныхъ толпъ изъ окрестныхъ селъ и деревень. На вокзальную улицу никого не пропускали, и никому изъ женщинъ не было извѣстно, что дѣлается в комиссаріатѣ. Но все-же женщины узнали новость, мигомъ облетевшую мѣстечко:

— Роютъ могилу!

За мѣстечкомъ, при бассейнѣ, куда сваливаютъ нечистоты завода, дѣйствительно, рыли могилу—длинною в тридцать пять аршин, военного образца.

В полдень руководители собрали сход.

Обсуждали вопросъ:

— Что дѣлать с жидками?

Мнѣнія раздѣлились.

Многочисленный сход разбился на нѣсколько групп.

Одни кричали:

— Бей и рѣжь жидов... женщинъ и дѣтей... чтобы не осталось ни одной ноги.

Другіе предлагали только покончить с молодыми людьми, а на остальныхъ наложить контрибуцію.

Третьи кричали:

— Истребить однихъ красноармейцевъ.

И лишь немногіе уговаривали толпу не дѣлать этого, говоря, что достаточно крови уже пролито.

Но голоса ихъ тонули в вопляхъ кровожаднаго требованія.

Стали голосовать.

Весь сход разбился, по словамъ одного очевидца, на два „табора“, но большинство схода было все же противъ поголовнаго истребленія евреев. Внезапно в это время прискакалъ верхомъ тотъ кровавый посланецъ, который сыгралъ рѣшающую роль в этой кровавой трагедіи,—бывшій петлюровскій офицеръ, об'явившій себя комендантомъ повстанцевъ.

Онъ крикнулъ:

— Братцы, за сбую! Жиды из Ободовки и Верховки заѣзжаютъ к намъ в тыл на броне-автомобиль. Бѣгите и покончите с жидами раз на всегда!

Поднялось волненіе.

Разъяренная толпа с дикими криками:

— Рѣжь... бей жидов... до единого...

Бросилась к комиссаріату.

Окружила его.

Открыла стрѣльбу залпами.

Бросали внутрь бомбы и ручныя гранаты.

Неистовые крики и вопли оглашали воздух, рвались гранаты, а с ними разрывались и уродовались тѣла свыше четырехсот человекъ мужчин и дѣтей, обезумѣвших от ужаса и боли. Несчастныя жертвы в смертном томленіи припадали к землѣ, молили о помощи, кричали и рыдали.

Но в толпу был брошен кровавый лозунг:

— „Живых не оставлять“.

И вот, убѣдившись, что не так-то легко и скоро перебить на смерть такую массу людей, они ворвались в зданіе комиссаріата и там ножами, штыками, топорами довершали свое дѣло. Снова метали бомбы и гранаты в массу обезумѣвших от кошмара людей. Были пущены в ход орудія кустарнаго производства: особыя пики для прокалыванія насквозь жертв. Дѣйствовали косами, серпами, кирками, каблуками. В помѣщеніи образовалась рѣка крови, в которой плавали жертвы. Тут были пытки и мученія, издѣвательства над мертвыми и подуживыми.

— Вот тебѣ коммуна:—кричали им.

И прикалывали к груди их красныя, собственной кровью жертв обогранныя, ленты.

И здѣсь в неимовѣрных муках испустили свое послѣднее дыханіе отцы с тремя, пятью и единственными сыновьями. Здѣсь гибли дѣвочки—подростки на шеях своих отцов. Тут были умучены и звѣрски изрѣзаны отец Берман с двумя дочерьми, крѣпко обнявшими отца и просившими убить их вмѣстѣ с ним. Так же погиб Могилево с двумя дочерьми, защищавшими его. Погибли восьмидесялѣтніе старики...

В теченіе пяти часов продолжалось это.

А потом клочки четырехсот трупов были связаны и свалены в приготовленную днем могилу...

Колокола все не смолкали.

В обезумѣвшем от ужаса мѣстечкѣ вылавливали из домов тѣх мужчин, которых днем оставили: тифозных, слабых послѣ болѣзни... и убивали их на глазах домочадцев... грабили... насиловали дѣвушек.

Плач, рыданія, вопли, истерики, безуміе, смерти от разрыва сердца,—вот что было на разсвѣтѣ в мѣстечкѣ одиннадцатаго мая, когда стало извѣстно об истребленіи мужчин в комиссаріатѣ. Женщины припадали к землѣ, бились в пыли и молили о смерти. Сформированная утром охрана из бандитов не давала и плакать, загоняя свои жертвы ежеминутно в дома. В домах жило теперь не по одному, а по нѣсколько семейств, состоявших только из женщин и дѣтей.

Остальные дома были брошены на произвол хулиганов и деревенских женщин, уносивших под наблюдением схраны послѣднія вещи и продукты из домов.

... Мѣстечко замерло.

Никто не просил ни пищи, ни помощи.

Дѣти тихо умирали на грудях своих полумертвых матерей. По временам доносился лишь шум из оставленных домов, гдѣ хозяйничали бабы и хулиганы..

.. Потом наступил голод..

Крестьяне отказывались отпускать хлѣб и продукты для населенія... вдовы с пятью, семью и десятью ребятами оставались без пищи и помощи.

...Потом появился тиф...

II.

Ладыженское сидѣніе.

Еврейство мѣстечка Ладыженка издавна жило под угрозой погрома, антисемитское настроеніе существовало тут всегда. Пропаганда его велась многообразно. Мѣстные чиновники, проходя, سموвали „еврейскіе анекдоты“, антисемит священник и учитель народной школы не пропускали случая пройтись по адресу евреев и доказывали даже на уроках, что евреи скверный и фальшивый народ. Еще в 1905 году, в эпоху погромов, чувствовалось, что погром повис в воздухѣ и вот-вот разразится со всѣми присущими ему ужасами, был даже назначен день, но ливень помѣшал сѣхаться крестьянам, и погром не состоялся. В дни бейлисовскаго процесса мѣстный священник выступал на базарѣ с зажигательными рѣчами и божился, что давным-давно окончательно доказано употребленіе евреями христiанской крови.

Так было во дни свобод,

И при смѣнах всевозможных властей.

И вот в текущем году, в маѣ мѣсяцѣ, окончательно почувствовалось, что надвигается нѣчто ужасное. Бѣжавшіе из окрестных сел и мѣстечек приносили зловѣщія вѣсти. Лилась волна кроваваго погрома. В ближайшем мѣстечкѣ Терновкѣ большая банда устроила погром со многими жертвами. Убивали и истязали евреев и в окрестных селах. Чувствовалось тревожное и в поведеніи мѣстных крестьян. Они ходили группами и шушукались между собой. По цѣлым дням до поздней ночи происходили засѣданія в Волостном Управленіи. У крестьян часто вырывались намеки,—у кого и в угрожающем тонѣ:

— Вот мы вам уже покажем.

А у кого и с сожалѣніем:

— Будет вам плохо.

Нервы стали болѣзненно напряжены.

Начали истолковывать к худшему самая обыкновенная и невинная явленія. Зажиточная часть еврейскаго населенія и молодежь понемногу и незамѣтно стали покидать мѣстечко. Бѣгство становилось с каждым часом все болѣе паническим. Оставляли домашнія вещи, бѣлье и одежду на произвол судьбы. Даже наличныя деньги не захватили с собою, а закопали гдѣ попало, боясь нападеній в пути. Особенно страшен был понедѣльник, — 12-го іюля, ярмарочный день. К нему приурочили погром. В воскресенье, накануне, происходило чрезвычайно продолжительное засѣданіе в Волостном Управленіи.

На засѣданіе прибыло два незнакомца.

Кто они были?

Неизвѣстно.

Но самый фактъ их прибытія, торжественное и вызывающее поведеніе парубков послѣ засѣданія, а также то, что нѣкоторые пожилые крестьяне доброжелательно передавали своим знакомым евреям по секрету, на ухо:

— утекайте...

.. Завтрашняя ярмарка...

Все это вмѣстѣ внушало такой непобѣдимый ужас, что в ту же самую ночь, темную, дождливую, многія еврейскія семьи — женщины и дѣти двинулись пѣшком в Галованевск по дорогѣ, полной ухабов и рытвин.

Оставшіеся евреи не показывались в этот день на улицах. Таились в темных норах, в кошмарном томленіи ожиданія. Прошло нѣсколько часов, а ярмарка, вопреки опасеніям, протекала самым обычным и мирным образом. Евреи понемногу стали вылѣзать из своих „танков“, как с горьким юмором называли они свои погреба, чердаки и прочія убѣжища. Но внезапно, когда базар был в полном разгарѣ, — появилось двое верховых.

Они ворвались в самую гущу базара.

Выстрѣлили в воздух.

То был сигнал.

Крестьяне, пріѣхавшіе на базар, спѣшно разбѣжались. мѣстные крестьяне тоже скрылись. А евреи снова помчались прятаться кто куда мог. Прошло нѣкоторое время, и ладыженскіе крестьяне снова появились, теперь уже вооруженные вилами, ломачами, топорами, а нѣкоторые и ружьями. Они раздѣлились на маленькія группы по шесть — восемь человѣкъ. Повидимому, еще раньше был разработан план распределенія крестьян на группы, потому что в каждой оказывался

один или двое с огнестрѣльным оружіем. Начали с поисков большевистскаго комиссара.

Его нашли и убили.

Его изрубленный и изрѣзанный труп выбросили на средину улицы.

Послѣ этого прошли по еврейским домам, покинутым жителями, и забирали все, что им хотѣлось... То, что для них не имѣло непосредственной цѣнности, они ломали, рвали, уничтожали. Вслѣд за ними появились подводы с крестьянскими бабами и парнишками, которые успѣли в короткое время опорожнить почти всѣ еврейскіе квартиры, оставив только голыя стѣны и полы.

Ночью началась сильная пальба.

Она стихала.

Потом начиналась снова.

Так продолжалось до самаго утра.

Никто не знал: пришла ли новая банда или то было работой исключительно своих мѣстных крестьян, желавших нагнать ужас. В промежутках между стрѣльбой они снова и снова спускались в погреба, взбирались на чердаки и без всяких предисловій и обвиненій, размахивая револьверами, топорами и дубинами, зловѣщим шепотом требовали:

— Денег...

Нерѣдко называли свои жертвы по именам...

Дикая пальба, вид бандитов, бывших в большинствѣ в масках, их неестественные придуренные голоса, полутьма свѣчек, зажигаемых в еврейских убѣжищах,—во всем этом содержался такой могильный ужас, что евреи не пробовали даже торговаться и отдавали бандитам все, что имѣли при себѣ, часто даже больше того, что у них требовали.

Кошмар.

С утра набатный звон созвал на сход.

О чем-то совѣщались.

Потом весь сход, стар и млад, разсыпался по еврейскому кварталу, и погром принялъ уже совершенно другой характер. Уже они теперь были без масок.

Нагло смотрят знакомым евреям в глаза и требуют денег, снимают одежду с тѣла, бьют—когда не позволяют снимать, бьют без всякаго повода или придумывают грѣхи:

Уже слышится кличка:

„Коммунист“.

Распространяются сказки об ограбленных церквах, об убитых священниках. Хватают, увозят куда-то евреев. Улицы и переулки уже полны дикаго, безобразнаго, пьянаго погромнаго гула. Слышатся отдѣльные выстрѣлы, рыданія, то-

пот лошадей... Два дня продолжаются убійства. Цѣлая семья вырѣзывались без остатка. Никто не может рассказать, как, при каких условіях, погибли несчастные мученики,—это остается тайной, унесенной жертвами в могилу. Но по позам, по виду убитых, может человек с достаточно сильными нервами представить себѣ, какими муками сопровождалась их смерть. Да два-три свидѣтеля, с застывшим ужасом в глазах, еле могут что-то рассказать...

...Шопотом, жутко озираясь...

Вот что видѣл Давид Плоткин с чердака через щелку.

Два бандита зашли к вдовѣ Брайне.

Потребовали денег.

Она им отдала все, что было при ней.

— Мало.

Ей отсѣкли топором одну руку.

Она упала...

С диким криком снова требовали:

— Денег!

Отсѣкли другую руку.

...Когда начали отрѣзать груди, она скончалась под ножом...

Погребальщики, Дубник и Жорнист, рассказывали, что в среду 18 іюля староста их розыскал, велѣл собрать погребальное братство и похоронить убитых. В теченіе всей рѣзни увозили убитых на кладбище, в сопровожденіи бандитов. Когда погребальщики проходили по улицам, они видѣли валяющіеся по срединѣ улицы трупы, и трупы в открытых домах с выломанными дверьми, в кучах мусора, щепок от разных хозяйственных и домашних вещей. Многих убитых узнавали только по одеждѣ: трупы были распухшіе, исколоты и разрублены. Пекер с женой лежали у себя в квартирѣ, он с отрубленной головой, она с распоротым животом... между отцом и матерью барахтались еще живые, задыхающіеся двое малюток двух и трех лѣтъ. В среду погребальщики собрали шестьдесят девять трупов и множество отрубленных органов человеческого тѣла: головы, руки, ноги, а также совершенно не распознаваемые и неопредѣлимые обрывки мяса. Раввина нашли с отсѣченными руками, а шея и грудь исколоты вилами. Рѣзника нашли с раздробленной головой и вытекшим мозгом. Они собрали около 25 женщин,—дѣвушек и замужних,—в полном смыслѣ разорванных на части.

Еще о многих и многих ужасах рассказывают погребальщики...

...и рыдают посреди рассказа...

...А кошмар все продолжался...

Вечером 14 июля снова раздался колокольный звон. Созван был, вѣроятно, новый сход, пріѣхал какой-нибудь новый погромный командир. Прошло немного времени, и староста стал обходить чердаки и погреба. Он приказывал евреям перейти в Управу, гдѣ жизнь их будет обезпечена. Около двухсот евреев пробрались к Управѣ, окруженной пріѣзжими вооруженными бандитами. Евреи спрашивали у крестьян:

— Зачѣм нас сюда сгоняют?

И им отвѣчали разное.

Одни говорили, что привели их сюда, чтобы спасти им жизнь.

— Уж больно распустились наши, невозможно удержать,—только так и удастся сохранить жизнь уцѣлѣвшим.

Другіе отвѣчали просто:

— Рѣшено бросить бомбу в Управу, чтобы одним махом избавиться от жидов.

Евреи, добравшись сюда по улицам, покрытым тѣлами изрубленных, обрывками человѣческаго мяса и оторванными человѣческими членами, могли ждать только самаго худшаго. Двое суток в кошмарном томленіи пробыли они в Управѣ, в страшной духотѣ и тѣсотѣ, с мыслью о неминуемой смерти.

Вдруг вошел в Управу молодой человек.

Изящно одѣтый, сопровождаемый вооруженными людьми, он в их присутствіи прочел приказ атамана—что строго воспрещается убивать и грабить евреев. При этом он произнес длинную рѣчь о том, что евреи сами виноваты в рѣзнѣ: они вмѣшиваются не в свои дѣла, веселятся на чужом пиру.. Атаман же не человек, но ангел, и он прощает отъявленным преступникам, хотя евреи, по своим дѣйствіям в Умани, гдѣ выкалывали священникам глаза, совершали обрѣзанія над стариками-крестьянами,—и не заслуживают, чтобы их оставили жить на землѣ.

Оратору отвѣчал Давид Плоткин.

Он вложил в свою рѣчь всю горечь, накопившуюся в наболѣвшей, истерзанной душѣ, и разрыдался горькими слезами отчаянія.

Рыдали и всѣ евреи.

Посол как будто смягчился.

Стал совѣщаться с крестьянами.

Ушел.

В Управу вошел староста и объявил, что сход постановил разрѣшить евреям размѣститься в восьми домах на определенной улочкѣ, которая будет охраняться, чтобы больше не нападали на евреев.

Евреи перешли в указанное мѣсто.

Вооруженные крестьяне их охраняли.

Охрана забрала то, что еще осталось у евреев из денег и одежды, угощая при этом их побоями. Състных припасов не было у охраняемых. Выйти достать их не разрешалось. Вид этих измученных, полунагих, с опухшими лицами, покрытыми кровоподтеками, был кошмарно ужасен. Крестьянки, иногда заглядывавшія сюда, вытирали слезы...

...и оставляли ломтики хлѣба...

17-го Юля прискакали 18 верховых.

Начали искать коммунистов.

Нашли их в лицѣ двух малолѣтних мальчиков и хотѣли их забрать с собою.

Но отец воспротивился и не давал.

Началась борьба и перепалка.

Бандиты крикнули товарищей, прибѣжало еще нѣсколько человек.

Они убили защитника—отца.

А вмѣстѣ с ним и сыновей его.

По мѣстечку пустили слух.

— „Евреи нападают на власть“.

Пришла большая толпа крестьян, выгнали евреев из домов-убѣжищ.

И повела в неизвѣстном направленіи.

— Куда вы нас ведете?—спрашивали несчастные.

Им отвѣчали:

— На кладбище.

И пояснили:

— Там вы выроете себѣ могилу, и мы закопаем вас.

Евреи покорно шли.

Уж были близко от кладбища.

Но тут появился крестьянин, бывший солдат, по имени Тит,—профессиональный конокрад,—он повидимому был главарем банды. Он отдал приказ гнать евреев обратно в мѣстечко и запереть их в синагогѣ.

Долгіе часы провели они здѣсь.

...Ждали смерти...

Вечером пришел в синагогу Тит и произнес рѣчь о том, что слѣдовало бы сжечь синагогу вмѣстѣ с евреями.

— Но мы,—защитники народного права,—милостивы и даруем вам жизнь.

Сдѣлал великодушный жест.

— Даю вам два мѣшка муки и расходитесь по домам.

Но евреи стали умолять, чтобы им разрешили остаться в синагогѣ,—на людях не так страшно.

Им разрешили.

...С той поры начинается специфически ладыженская трагедія...

Пять недѣль въ синагогѣ.

Погром кончился.

Нельзя же в горячее время уборки нѣсколько недѣль подряд заниматься одной лишь рѣзней и любоваться ужасами еврейской смерти. Крестьяне оставили ладыженских евреев в покоѣ и от восхода до заката солнца работали в полѣ.

Но...

...время от времени.

Когда хочется немного поразвлечься, крестьяне посѣщают синагогу, гдѣ ютятся остатки ладыженскаго населенія,—изголодавшіеся, с застывшими от ужаса глазами, голые... грязные... многіе в сыпно-тифозном жару.

Начинаются „представленія“:...

— Це наш цирк с жидюгами.

Приказывают дряхлому шамкающему еврею пѣть хасидскія пѣсни и продѣлывать смѣшные гимнастическіе пріемы.

Протягивают грязную ногу в вонючей портянкѣ.

— Цѣлуй.

Выводят тифозно-больного на улицу и велят плясать, ползать в грязи на четверенках.

...Изнасилуют походя малютку...

.....

Бывают гости у крестьян,—налетчики бандиты из других мѣст,—и крестьяне хвастаются перед ними своим цирком из сотен еврейских „комедіантов“.

Услаждают их „представленіями“.

Одно такое представленіе закончилось тѣм, что всѣх евреев выгнали из женскаго отдѣленія синагоги—(езрас-ношим), а человекъ десять бандитов остались наединѣ с двумя еврейскими дѣвушками,—онѣ теперь в Кіевѣ в венерической больницѣ.

Из мѣстечка не выпускали евреев.

Медицинская помощь захворавшим от волненій и голода, тѣсноты и насѣкомых—запрещена.

Лишь изрѣдка кое-кто из стариков крестьян, а в особенности крестьянскія бабы, принесут из жалости кусок хлѣба или немного супа. Теплицкій, пробывшій пять недѣль в синагогѣ, рассказывает: в синагогѣ был такой спертый воздух, что можно было задохнуться. Грязь неимовернѣйшая. Многіе переболѣли сыпным тифом и другими болѣз-

нями. Больные метались в жару и безумном бреду. Дѣти рыдали и молили о хлѣбѣ. Остальные, на порогѣ болѣзни или сумасшествія, ходили как в чаду..

И вдруг появляется крестьянин.

Раздается его жирный, здоровый голос.

— А ну поцѣлуй свою бабу..

Евреи были приведены в такое состояніе, что однажды, под острием закинутой над нею сверкающей шашки, мать с рыданіем умоляла собственную дочь пойти с четырьмя бандитами..

...в женское отдѣленіе..

Исход.

Евреев не выпускали из Ладыженки.

Но безграничный жизненный инстинкт разрушил всѣ запреты, побѣдил всѣ опасности и сдѣлал невозможное совершившимся фактом. Ладыженскіе старики, больные, дѣти, еле передвигая ноги, вырвались из этого страшнаго ада и, с неимовѣрными усиліями, добрались, наконец, до другого еврейскаго мѣстечка.

Больше 1000 человек ладыженцев находятся по сей день в Голованевскѣ. Оборванные... босые... со сгнившими рубахами на тѣлѣ... или совсѣм без рубах,—мужчины и женщины, здоровые и заразно-больные, валяются по синагогам в женских отдѣленіях, в пустых амбарах или просто на улицах. Одиѣ Бог или их посинѣвшія, крѣпко сжатая губы могли бы рассказать, как живут эти люди, как они проживают свой день. Часто-часто тянется катафалк по кривым улицам мѣстечка и часто-часто производятся сборы ладыженцам на саван.

Недавно привез крестьянин в уманскій еврейскій госпиталь двух послѣдних ладыженских евреев.

...Двѣ молодыя дѣвушки.

Страшно избиты, изранены и искусаны.

Одна с отсѣченным носом.

Другая с поломанными руками..

Кромѣ наружных ран, онѣ лѣчатся от венерической болѣзни..

III.

Иванковское плѣненіе.

С самаго начала оперированія повстанческих сил в нашем мѣстечкѣ и до средних чисел апрѣля специфическаго погромнаго ужаса мы не испытывали. Шел мирный дли-

тельный разгром и обнищание еврейскаго населенія с безконечными контрибуціями, реквизиціями, конфискаціями, с отдѣльными случаями вымогательства и насилія и становящимися все алчнѣе и хищнѣе погромными аппетитами. Мнѣ, как предсѣдателю еврейской общины, часто приходилось обращаться к главарям повстанцев с разными ходатайствами и просьбами от имени еврейскаго населенія. Мнѣ часто приходилось преподносить главарям цѣнные подарки, давать взятки, чтобы смягчить суровость того или иного приказа. Это обстоятельство расположило ко мнѣ в извѣстной степени нѣкоторых предводителей. Я имѣлъ возможность присутствовать при их бесѣдах, пиршествах и спорах, принимавших весьма часто чрезвычайно бурный характер. Главари угрожали друг другу револьверами и отборно ругались. Доступнѣе других для переговоров был кавалерист Сенька.

Человѣкъ неимовѣрной физической силы, замкнутый, молчаливый, пользующійся большим авторитетом, этот Сенька нѣкоторое время главенствовал в нашем городѣ, и его почти всегда удавалось склонить отмѣнить ту или иную мѣру против ереев, предпринятую им самым или его товарищами.

Ко мнѣ он относился дружелюбно.

Но вот, в началѣ апрѣля, он покинул наш город для каких то военных операцій, а 17-го апрѣля вернулся с 6-ю солдатами, среди которых находился и Трясилов.

Трясилов.

Человѣкъ этот лѣтъ 30, худощавый, нервный, порывистый, непреклонный в своей суровости, с своеобразным ораторским талантом, с умѣньем вліять и управлять своим богатым отѣнками голосом. Он получил свое военное воспитаніе в австрійском плѣну. Там он, повидимому, находился в украинском лагерѣ военно-плѣнных, нахватался громких слов о „самостійности“. На родинѣ пристал к повстанцам.

К нам он пріѣхал в званіи сотника. Через нѣсколько часов послѣ пріѣзда он потребовал к себѣ представителей еврейской общины.

Пошел я и еще три человѣка.

Он нас встрѣтил грозно.

Происнес утонченно юдофобскую рѣчь о жидах-коммунистах, которые захватили власть в свои руки, разрушают и обстрѣливают христіанскія церкви.

— В теченіе часа выдать все оружіе,—приказал он.

Заявил, что по его свѣдѣніям оно в большом количествѣ находится у ереев Иванковских.

А в противном случаѣ, пригрозил он:—вырѣжу и утоплю поголовно.

Оружія, за исключеніем одного испорченнаго охотничьяго ружья, у евреев не было,—оно и было представлено Трясилову.

И евреи трепетали за свою безопасность.

Но в это время в город прибыл назначенный атаманом новый комендантъ Сагнатовскій, родом из ближней деревни, недоучившійся интеллигент, типичный вырожденецъ. При нем Трясилов стал играть лишь второстепенную роль. Уже не был самостоятелен въ рѣшеніяхъ и мѣрахъ противъ евреевъ и могъ лишь подстрекать Сагнатовскаго. Требованіе о выдачѣ оружія было позабыто, однако в городѣ былъ расклеенъ приказъ за подписью коменданта:

„Выѣздъ изъ города воспрещенъ исключительно жидамъ“.

Жизнь вошла въ обычную погромную колею.

Одинъ за другимъ стали слѣдовать наказы о немедленной доставкѣ сѣстныхъ припасовъ, лакомствъ, мануфактуры, обмундированія, сапогъ, мелкихъ и крупныхъ денежныхъ сумм...

Городъ былъ совершенно отрѣзанъ отъ окрестностей, сильно разоренъ, и приходилось напрягать послѣднія усилія, лишиться чуть ли не единственной смѣны бѣлья, чтобы хоть отчасти удовлетворить этотъ непрерывный потокъ наказовъ. Тѣмъ временемъ Трясиловъ тщетно старался составить подъ своимъ предводительствомъ отрядъ изъ мѣстныхъ и окрестныхъ крестьянъ. Онъ ихъ заманивалъ хорошимъ обмундированіемъ и жалованіемъ впередъ, но крестьяне, переодѣвшись и получивъ авансъ, разбрелись. Ихъ смѣнила другая партія, которая поступила точно также.

... И безконечно приходилось еврейскому населенію выдавать обмундированіе и деньги на расходы.

В рукахъ Трясилова.

Между тѣмъ Сагнатовскій со своимъ отрядомъ былъ отозванъ изъ Ивановки, и городъ всецѣло остался въ рукахъ Трясилова, которому, наконецъ, удалось собрать и вооружить небольшой отрядъ изъ подонковъ окрестнаго крестьянства. Трясиловъ сталъ усиленно заниматься распространеніемъ среди крестьянъ небылицъ о евреяхъ. Онъ говорилъ въ штабѣ, на площади, на волостныхъ сходахъ и вообще, гдѣ попадало, при всякомъ удобномъ случаѣ, что нужно православному спасаться отъ еврейскаго насилія, отъ евреевъ, которые съ помощью китайцевъ превращаютъ храмы въ цирки.

Патетически призвалъ къ борьбѣ за вѣру:

— Бей жидовъ, спасай Россію!

Темные элементы изъ мѣстнаго крестьянства прислушались къ его словамъ и заражались ядомъ ненависти къ евреямъ. Въ ихъ отношеніяхъ къ евреямъ стало замѣчаться отчужденность и почти враждебность.

30-го апрѣля Трясилов позвал к себѣ представителей еврейскаго общества.

Пошел я и еще двое.

С обычной суровостью он заявил нам, что его терпѣніе лопнуло, и он требует наконец выдачи оружія.

— 400 винтовок и 4 пулемета!

— Но гдѣ же...

— Они спрятаны... спрятаны я знаю, в противном случаѣ... заморю голодом и утоплю всѣх мужчин!

Мы пробовали возражать.

Но он выхватил револьвер.

И под направленным на нас дулом револьвера мы принуждены были замолчать.

Он об'явил нас арестованными.

Справился у солдат:

— Согнаны ли жидаы?

Мы поняли, что здѣсь готовится что-то ужасное, но безсильны были предупредить об этом евреев,

Когда вѣстовой доложил Трясилову:

— Готово.

Он под конвоем повел нас в синагогу.

Синагога оказалась окруженная густою цѣпью солдат.

Нас прямо туда бросили. И Трясилов, не заходя в синагогу, стоя на порогѣ, произнес своим громким басом:

— Сидите пока сдохнете.

Это было часов в десять утра.

В синагогѣ было почти все еврейское мужское населеніе города, не исключая даже и малолѣтних гимназистов. Всѣ они были забраны из квартир, на улицѣ и гдѣ только попадались.

Проходит час, другой...

Никто к нам не является.

Лишь солдаты изрѣдка заглядывают в двери.

И смѣются.

Им запрещено было, повидимому, вступать с нами в разговор, ибо от всѣх наших попыток заговорить с ними они отмахивались штыками.

Жуть росла.

Многіе впали в предсмертное томленіе.

День тянулся безконечно долго.

Настал вечер.

...Тьма...

Во тьмѣ отрывочные взлохи...

Слова предсмертной молитвы...

... „Видуй“ ...

Вѣсть о нашем заключеніи, благодаря нашим женам, проникло и в русскій квартал. Русскіе сначала равнодушно отнеслись к очередной „шуткѣ“ Трясилова, но когда настал

глубокий вечер, заволновались и они. Им стало жутко спать в эту ночь. Делегация от крестьян со священником во главе пошла к Трясилову и от имени крестьянского схода стала требовать, чтобы нас освободили с тем, чтобы два уполномоченных от крестьян в сопровождении солдат обыскали все еврейские дома. Трясилов, все время заискивающий у крестьян, обещал удовлетворить ходатайство.

Двери синагоги открываются.

Входит Трясилов.

Он поднимается на амвон, зажигает свѣт.

Смотрит... молчит...

Ни слова.

Минут десять рассматривает мрачно находящихся в синагоге евреев. Потом медленно вынимает бумажку и читает, отчеканивая каждое слово:

— Батка атаман приказал построить всех жидов по четыре, вести их к Тетереву и утопить.

Опять молчаніе.

Минут двадцать молчанія.

Один из присутствующих стал проявлять признаки умопомѣшательства.

Трясилов вынимает вторую бумажку.

Читает.

— „От имени Совѣта повстанцев объявляется, что даруется жизнь еврейскому мужскому населенію с тем, что оно обязуется внести к завтрашнему утру 35.000 рублей, 60 пар сапог, 120 пар бѣлья,“...

и т. д. и т. д.

Свертывает бумажку

— Что жиды... будет выполнено?

Раздалось единодушно:

— Будет... Будет...

— Ну... Махнул рукой...

— Разойдитесь по домам.

Теперь лишь, выйдя из оцѣпененія, евреи заплакали.

...Крестьянские уполномоченные, в сопровождении солдат, ходили из дома в дом, и солдаты забирали все что попадалось...

На слѣдующій день...

Уж прямо сдирая с себя послѣднюю шкуру был частично выполнен приказ. Денег у нас собралось 20.000 рублей, и мы, представители общины, рѣшили внести денежную повинность лишь тогда, когда она будет собрана полностью.

А тут разразилась новая бѣда.

Весь еврейскій скот, слишком шестьдесят коров, был угнан бандитами с пастбища. Мы рѣшили, не откладывая, зайти к Трясилову,—может быть, нам удастся его склонить вернуть скот хозяевам.

Это было 3-го мая.

В этот день приехал атаман Струк и расположился с штабом верстах в 2-х от Иванково. Вечером он со свитой заехал к Трясилову.

Мы раздобыли бутылку вина и торт.

Пошли к Трясилову.

Преподнесли атаману вино и торт, поздравили в вѣрно: поданнической формѣ с приездом. Он нас любезно принял, попросил даже садиться, но мы не успѣли ему изложить своей просьбы, так как он через нѣсколько минут уѣхал со своей свитой. Мы остались с Трясиловым. Мы ему отдали собранные 20.000 рублей и просили о возвращеніи угнаннаго скота.

Трясилов был слегка пьян.

Он нашу просьбу пропустил мимо ушей и стал хвастаться своей удалью.

Говорил о порывах биться... бороться..

Рѣчь его была безсвязна.

Она часто прерывалась восклицаніями:

— Правда, я черноморскій казак... я второй Гонга... в моих жилах кровь Хмѣльницкаго.

Таинственно шептал, захлебываясь от восторга:

— То-то завтра будет... ох будет...

К концу своих изліяній сн стал мрачен.

Замѣтно было, что он что-то задумывает.

Мы хотѣли распрощаться и уйти, но он внезапно, властно, заявил, что мы арестованы.

— Будете убиты... утоплены... если сейчас же не внесете недостающих 15.000.

Под страхом смерти.

С большим трудом нам удалось, при помощи стражников, дать знать тревожно спящему городу о требованіи и угрозах Трясилова. Мѣстный раввин, в сопровожденіи двух солдат, стал обходить еврейскіе дома.

Собирал деньги.

Уж было собрано около восьми тысяч.

Неизвѣстно, —умышленно или нѣтъ, —солдаты от него отлучились и на него напала другая группа бандитов и отобрала всю сколоченную с таким трудом сумму.

Раввин вошел в штаб трясущійся, блѣдный:

Прерывая рѣчь рыданіями, рассказал он о случившемся.

Трясилов вскочил.

— Так нѣтъ у вас 15.000?

Дико поводил глазами.

— То 30.000 дадите!

Мы объяснили, что денег негдѣ взять.

Трясилов, с убійственным хладнокровіем, поблескивая зубами и глазами, стал как бы разсуждать сам с собою, любясь впечатлѣніем, производимым его словами:

— Не 30.000, то 50.000, не 50.000, то 100.000.

— И вошел в азарт.

— Сто пятьдесят, двѣсти.

На послѣдней цифрѣ он остановился.

Испытующе ждал отвѣта.

Мы опять об'яснили, что денег у евреев большими суммами в городѣ уж нѣтъ. Тогда Трясилов позвал своего помощника Бунгузнаго, малограмотнаго тупого человѣка, разбойничьяго закала.

И приказал:

— Возьми пару добрых молодцов и уведи этихъ жидов к Тереву.

С угрюмой силой добавил:

— Убить и утопить!

Нас четверых, в сопровожденіи пяти бандитов, вывели на улицу и повели по направленію к рѣкѣ.

Но тут Бунгузнаый остановил шествіе.

И об'явил.

— Мы их здѣсь уб'ем.

Молча постоял, не отдавая приказа.

Солдаты ждали.

Он сказал снова:

— Поведем ихъ обратно в город, там уб'ем.

Повели обратно.

Близ штаба к нам вышел навстрѣчу Трясилов, о чемто спросил Бунгузнаго на ухо, велѣл насъ ввести в дом.

Здѣсь он вынул бумажку и зявил:

— Только что полученъ приказ от батьки атамана забрать всѣ гроши у жидов.

... Нас троих и раввина заставили обходить с бандой всѣ без исключенія еврейскіе дома. Мы шли из дома в дом, не минуя и жалкой развалины, стучали осторожно и говорили,—по приказу,—мягкими привѣтливими голосами:

— Откройте, не бойтесь, это мы, такіе-то.

Отбиралось рѣшительно все, что было, даже суммы нищенскіе в нѣсколько рублей, дѣтскія пѣленки, чулочки..

Это было часа в три четыре ночи...

...Я отупѣл.

Без сознанія, автоматически, я двигался с солдатами, автоматически смягчал голос, кое-кого из обсмѣвшихъ приводил в чувство. Припоминаю, что Трясилов часто являлся к бандитам, отбирал собранные деньги, хвалил солдат и приободрявал к дальнѣйшей работѣ. Лишь к разсвѣту, когда осталось не обысканных 30-40 домов, мнѣ удалось ускользнуть..

...Я спрятался в подвалѣ.

Смерть.

...Смерть уже чувствовалась в воздухѣ...

Всѣ видѣли, что Трясилов ищет только предлога для кровавой расправы. К кому обратиться, у кого искать помощи?...

В воскресенье евреи рѣшили назначить пост.

Собрались в синагогу.

Думали, что в синагогѣ менѣе опасно, чѣм в другом мѣстѣ,—дажѣ у самаго отчаяннаго разбойника не поднимутся руки убить еврея, когда он стоит в синагогѣ и молится.

Синагога была полна.

Но лишь только встали на молитву, вбѣгает еврей и говорит, что подходят повстанцы.

И рассказывает:

— К одному еврею, недалеко от синагоги, подошел солдат и попытался его ограбить, но еврей стал сопротивляться и хотѣл его бить. Тогда тот ушел.

Нам эта исторія совсѣм не понравилась

Почти тут-же в синагогу ворвались пять солдат и с криком:

— Вы, жидаы, убили одного нашего товарища, другого ранили, мы вам покажем!

Нагайками нас согнали в верхнюю синагогу.

Стали ружьями у двери.

Двое обходили толпу и, заставляя поднимать руки вверх, каждого обыскали и отобрали деньги, часы, и даже нѣсколько пиджаков. Затѣм велѣли женщинам оставаться в синагогѣ, а мужчинам выйти.

— На улицу!

Били нагайками, что-бы скорѣе шли.

У двери народ стѣснился, не могли пройти так скоро, а они стоят позади и бьют.

Мы с трудом протискались.

Видим: напротив, на горкѣ, стоит цѣлый взвод верховых, держат ружья наготовѣ.

Цѣлят в нас..

Мы, тѣснясь, попятились назад.

А сзади нас били нагайками:

— Выходите, паршивые жидаы.

Мы начали разбѣгаться по сторонам.

Тут начали стрѣлять...

...одного за другим..

И я вижу, как люди падают.

И я подумал, что надо тоже лечь...

И я лежу...

А тут не перестают стрѣлять.

...На минуту стихло.. вижу солдаты с нагайками расхаживают по площади.. бьют, что-бы вставали... я поднялся.. взял в сторону... перескочил через забор... забѣжал в сад... Вскочил в уборную.

Там было уже четверо... я пятый.

Один увидел, что недалеко от забора лежит его раненый сын. Видно послѣ того, как пуля его поразила, он имѣл силы немного бѣжать. Отец побѣжал и тоже втащил его к нам.

Я сѣл.

И отец положил его ко мнѣ на руки.

У меня на руках он и скончался.

...Вся площадь синагоги была покрыта убитыми и ранеными. К раненым не пускали и многіе из них испускали дух, безпомощно лежа посреди площади. С мертвых и раненых солдаты снимали одежду и оставляли лежать голыми“.

IV.

Проскуровская кровавая бойня.

Проскуров является самым оживленным городом в подольской губерніи. Населеніе его простирается до пятидесяти тысяч человек, из них до двадцати пяти тысяч евреев. Город охранялся милиціей, подчиненной коменданту. Дума, не доверяя всецѣло милиціи, организовала собственную, так называемую квартальную охрану. Во главѣ ея стояло бюро, с предсѣдателем христіанином Рудницким и товарищем предсѣдателя евреем Шенкманом. Состоя преимущественно из евреев, охрана эта не пользовалась расположеніем коменданта Киверчука; и он чинил ей всякія затрудненія, отбирал оружіе и т. д. В Проскуровѣ еще во времена царя имѣлись всѣ легальныя и нелегальныя партіи. При смѣнѣ власти, и с воцареніем директоріи, сохранились в Проскуровѣ и большевистскія ячейки, но существовали нелегально. Вообще же всѣ социалистическія фракціи, не исключая и Большевиков, были об'единены в общей организаціи, возглавляемой бундовцем Іоффе.

Недѣли за три до того, о чем повѣствует эта исторія, случилось обстоятельство, оказавшееся для Проскурова роковым.

В Винницѣ состоялась с'ѣзд большевиков.

Он вынес резолюцію о поднятїи большевистскаго возстанія во всей подольской губерніи, при чем днем возстанія было назначено 15 февраля. Во главѣ большевистских организацій в других мѣстах стояли болѣе серьезные люди, признавшіе, что момент для выступленія является не подходя-

щим. В Проскуровѣ же во главѣ большевистской ячейки стояли люди слишком юные и мало сознательные. Помимо того, было еще одно существенное обстоятельство, побудившее проскуровских большевиков начать выступленіе: в городѣ были расквартированы два полка, опредѣленно большевистски настроенные. На поддержку их большевики и рассчитывали.

В началѣ февраля пріѣхал атаман Семесенко.

Он пріѣхал во главѣ запорожской казачьей бригады, а вмѣстѣ с ней появился и третій гайдамацкій полк.

Появленіе этого полка вызвало среди евреев тревожное настроеніе. Полк этот вел себя вызывающе, и у него было погромное прошлое. Но атаман Семесенко вел себя очень корректно. Он послал в типографію наказ, в котором объявлял, как начальник гарнизона, что всякая агитація против существующей власти будет караться по закону военного времени, равно как и всякіе призывы к погрому, причем уличенные в таком призывѣ будут растрѣливаться на мѣстѣ. Передавали также, что на одной из станцій он растрѣлял казацкаго офицера за попытку грабежа. К атаману отправился товарищ председателя квартальной охраны Шенкман, чтобы лично с ним познакомиться. Атаман его любезно принял, обѣщал снабдить охрану оружіем и оказать ей всякое содѣйствіе к предотвращенію погромов.

Между тѣм комендант Киверчук, освѣдомившись об этом, распорядился, чтобы набранный в типографіи наказ не был опубликован.

Большевистское выступленіе.

До Іоффе тѣм временем дошел тревожный слух, будто в Проскуровѣ затѣвается переворот, и что в штабѣ коменданта уже опредѣленно говорят, что намѣчена и будущая большевистская власть с Іоффе во главѣ. Обезпокоенный Іоффе вызвал представителей фракціи. Представители коммунистической партіи заявили, что возстаніе дѣйствительно подготавливается и уже формируется будущая власть. На протесты представителей других фракцій и указаніе, что возстаніе это их приведет к краху, а евреев к погрому, они отвѣтили, что возстаніе одновременно произойдет по всей Лодольской губерніи и что в Проскуровѣ на сторонѣ возставших будет часть гарнизона и 16 деревень готовятся прійти на подмогу.

В пятницу вечером, 14 февраля, в бюро квартальной охраны явилось два молодых человѣка из большевистской фракціи и объявили, что на 12 часов ночи назначено выступленіе.

— Какую позицію займет квартальная охрана?

Им было отвѣчено:

— Квартальная охрана—организация безпартийная, она будет нейтральна.

При этом Шенкман указал на несвоевременность выступления и на то, что это обязательно приведет к еврейскому погрому.

Но ему отвѣтили:

— Выступление обще-губернское, и благоприятный исход его обеспечен.

Всѣ члены квартальной охраны заявили, что они никакого участия в политическом выступлении принимать не будут.

Образовался уже и большевистскій ревком.

Шенкман зашел в Ревком.

Убѣдившись, что работа у большевиков не налажена и что предполагаемое выступление окажется, по его словам, блефом, он обратился к наиболее серьезному большевику с указанием на вред этого выступления.

Но было уже поздно.

...В шесть часов утра раздались выстрѣлы...

Возстание началось.

Большевики захватили почту и телеграф, арестовали коменданта Киверчука, считая его, не без основания, опасным черносотенцем и погромщиком. В центрѣ города открыл свой штаб. В казармах разбудили спавших солдат и объявили им, что возстание началось, и предложили им выступить против петлюровских войск, сконцентрированных в вагонах за вокзалом.

На указание солдат:

— У нас же нѣтъ пулеметов.

Отвѣтили:

— Пулеметы имѣются у крестьян, которые уже приближаются к городу.

Тогда солдаты арестовали своих офицеров.

Захватили полковое оружие и выступили по направлению к вокзалу. Там они открыли огонь по вагонам, гдѣ находились гайдамаки и другія казачьи части. Но когда тѣ вышли из вагонов и солдаты убѣдились в их многочисленности, они отступили к своим казармам.

Казачи гнались за ними.

Начали обстрѣливать казармы.

Тогда солдаты разсѣялись по разным направлениям и скрылись от преслѣдования.

Между тѣм у штаба толпились рабочіе, вооруженные, и в солдатской одеждѣ. Замѣтив приближающуюся от вокзала верхом на лошадях казацкую сотню, они говорили между собой:

— Они с нами.

Но тут раздалась громкая команда:

— Заряжать ружья!

И раздался залп.

Последніе остатки большевиков разбѣжались.

Клятва смерти.

Стрѣльба взволновала представителей города, и они стали собираться в думѣ. Городской голова отправился в комендатуру, но там никаких свѣдѣній не дали. Он уже собрался уходить, как к комендатурѣ подѣхал Киверчук, только что освобожденный из-под ареста.

На вопрос:

— Кто же Вас арестовал?

Он отвѣтил:

— Жиды—члены квартальной охраны.

И прибавил, что вмѣстѣ с ними выступил против него его ординарец.

— Я его только что собственноручно застрѣлил.

Атаман Семесенко, на этот раз в полном согласіи с Киверчуком, вступил в исполненіе обязанностей начальника гарнизона. Вступленіе свое он ознаменовал пышным угощеніем гайдамаков. За обѣдом обильно угостил их водкой и коньяком. А потом обратился к ним с рѣчью, в которой обрисовал тяжелое положеніе Украины, а также понесенные ими труды на полѣ сраженія. И отмѣтил, что самым опасным врагом украинскаго народа и казаков являются жиды.

— Их необходимо вырѣзать для спасенія Украины и самых себя.

Он потребовал от казаков клятвеннаго обѣщанія в том, что они выполнят свои священныя обязанности:

— Вырѣжут еврейское населеніе.

Но при этом они также должны поклясться, что жидовскаго добра грабить не будут, так как грабеж не достоин казаков.

Казаки были приведены к знамени.

Они присягнули, что будут рѣзать, но не грабить.

Кровавая клятва смерти была дана.

Когда один полусотник предложил вмѣсто рѣзни наложить на евреев контрибуцію, то Семесенко крикнул ему:

— Разстрѣляю!

Нашелся также один сотник, который заявил, что он не позволит своей сотнѣ рѣзать невооруженных людей. Он имѣл большія связи в правительствѣ Петлюры, и Семесенко не рѣшился его трогать, только отправил его сотню за город.

Казачи выстроились в походном порядкъ.

С музыкой впереди и с санитарным отрядом отправились они в город.

Прошли по главной улицѣ.

В концѣ ея разбились на отдѣльныя группы и рассыпались по боковым улицам, сплошь населенными евреями.

А еврейская масса...

Она даже не была почти осведомлена о происшедшем большевистском выступленіи. Привыкнув послѣднее время ко всякаго рода стрѣльбѣ, она не придавала особаго значенія тѣм выстрѣлам, которыя раздавались утром. Это было в субботу, и правовѣрные евреи с утра отправились в синагогу, а затѣм, вернувшись домой, сѣли за субботнюю трапезу. Многие, согласно установившемуся обычаю, послѣ субботняго объѣда легли спать.

...И проснулись от грознаго гула бѣды..

Истребленіе.

Ангел смерти стучал в их двери.

Разсыпавшіеся по еврейским улицам казаки, группами от пяти до пятнадцати человек, с совершенно спокойными лицами входили в дома.

Вынимали шашки.

И начинали рѣзать бывших в дѣмѣ евреев, не различая ни возраста, ни пола.

Они убивали стариков, женщин, дѣтей...

...Даже грудных младенцев...

Не только рѣзали, но наносили также колотыя раны штыками. К огнестрѣльному оружію они прибѣгали лишь в том случаѣ, если отдѣльным лицам удавалось вырваться на улицу,—тогда в догонку посылались пуля.

Евреи прятались по чердакам и погребам.

С чердаков их стаскивали вниз.

И убивали.

В погреба бросали ручныя гранаты.

По показанію Шенкмана,—казаки убили на улицѣ, около дома, его младшаго брата, а затѣм ворвались в дом...

И раскололи череп его матери.

Прочіе члены семьи прятались под кроватями.

Но маленькій братишка увидѣл смерть матери.

Вылѣз из-под кровати.

...Начал цѣловать ея труп...

Зарубили ребенка.

Не вытерпѣл и старик отец.

Вылѣз из-под кровати.

...Убили двумя выстрѣлами...

Затѣм они подошли к кроватям и начали колоть лежавших под ними.

Сам Шенкман случайно уцѣлѣл...

..Истребленіе шло полным ходом.

К дому Зальцфупа казаки подошли с пулеметами и санитарным отрядом.

По командѣ:

— Сто-ой!

Выстроились цѣпью.

Начали тут-же точить оружіе.

Затѣм раздалась команда.

— За дѣло!

И казаки бросились в дом.

В нем вырѣзали всю семью.

Осталась в живых одна дѣвушка, получившая 28 ран.

..В домѣ Блехмана убито шесть человек,— у одного расколот череп пополам, а дѣвушка ранена в заднюю часть тѣла, для чего было приподнято платьѣе.

В домѣ Крочака первым дѣлом разбили вдребезги всѣ окна.

Часть вошла в квартиру, часть осталась на улицѣ. Вошедшіе схватили старика Крочака за бороду, потащили к кухонному окну и выбросили его к тѣм, которые стояли на улицѣ, гдѣ его и убили. Затѣм они убили старуху-мать и двух дочерей, а бывшую у них в гостях барышню за косы вытащили в другую комнату.

...Затѣм...

..Выбросили на улицу, гдѣ она была звѣрски убита...

Послѣ этого вновь вернулись в дом и нанесли нѣскольکو тяжелых ран 13-лѣтнему мальчику, который впоследствии совершенно оглох.

Старшему брату его они нанесли 9 ран в живот и бок, говоря:

— Теперь мы уже с ним покончили.

...В домѣ Зазули убита дочь, которую...

...Долго мучили...

Мать предлагала убійцам деньги.

Но они отвѣчали: мы только за душой пришли.

... В домѣ Хеселева зарѣзали 8 человек и, выйдя оттуда,— начали чистить в снѣгу свои окровавленные шашки. Из гостинницы „Франція“ выбѣжал старик хозяин и метался, преслѣдуемый. За ним бѣгали дѣти старика и молили о пощаде. Смѣялись над их смѣшными жестами...

Убили.

..Из дома Потѣхи сын окольными путями увел старуху мать к знакомым полякам. Но тѣ наотрѣз отказались принять их.

Ему удалось приютить ее у знакомых евреев. Сам же он вернулся к семьѣ, но уже застал всѣх в домѣ Потѣхи вырѣзанными. Старуха хозяйка дома была настолько изрублена, что он мог узнать ее лишь по фигурѣ. Возлѣ нея лежал изрубленный саблями и исколотый штыками ея сын. Убита была также младшая дочь, а средняя тяжело ранена.

...и еще... и еще...

По лѣстницѣ стекала кровь и жутко капала.

Он смотрѣл и чувствовал, что у него мутится.

В дом, любопытства ради, зашли сосѣди христіане.

Он обратился к ним с просьбой помочь уложить раненых на кровати.

Но тѣ отказались.

Лишь один, по фамиліи Сикора, оказал помощь.

..В квартирѣ Глузмана спрятапось 16 евреев.

Походным порядком подошли к дому гайдамаки. Глузман стал уговаривать жену и дочерей, чтобы тѣ спрятались, так как боялся за их честь.

Но тѣ не хотѣли без него прятаться.

Гайдамаки всѣх выгнали во двор, а затѣм один из них подошел к воротам и крикнул оставшимся:

— Идите сюда, здѣсь много жидов.

Всѣх окружили.

Всѣх прикололи...

Лишь сам Глузман, раненый, остался жив.

Один раненый молодой человек просил пристрѣлить его.

Гайдамак в него два раза выстрѣлил.

На это другой ему замѣтил:

— Зачѣм стрѣляешь, вѣдь атаман приказал рѣзать, но не стрѣлять.

— Что же дѣлать, если тот просит...

..К дому Зельмана гайдамаки подошли стройными рядами с двумя пулеметами. С ними была сестра милосердія и человек с повязкой краснаго креста.

Это был доктор Скорник.

Вмѣстѣ с сестрой милосердія и двумя санитарями он принимал самое активное участіе в рѣзнѣ. Но когда другая сестра милосердія, возмущенная его образом дѣйствій, крикнула ему:

— Что Вы дѣлаете.. вѣдь на Вас повязка краснаго креста!

Он сорвал ее с себя и бросил ей повязку.

А сам продолжал рѣзать.

Перед этим он забрал из аптек весь перевязочный материал для нужд будто бы казаков, утверждая, что среди них много раненых, привезенных с фронта, что по проверкѣ совершенно не подтвердилось. По показанію трех гимназистов, мобилизованных в Елизаветградѣ гайдамаками для службы в санитарном отрядѣ, доктор Скорник, вернувшись послѣ рѣзни в свой вагон, хвастался, что в одном домѣ им встрѣтилась такая красавица-дѣвушка, что ни один гайдамак не рѣшился ее зарѣзать.

...Тогда он..

...Собственноручно ее заколол..

В этом домѣ было убито 21 человек и двое ранено.

...Жуткія тѣни метались в надвигающемся сумракѣ.

Некуда было прятаться... некуда бѣжать.

Всюду слышался зловѣщій топот отрядов, глухіе удары... свист шашек... торжествующій смѣх... краткія слова команды, предсмертный вопль из подвала... безумный смѣх с чердака...

Было уже пять часов вечера.

А жуткій гул рѣзни разрастался.

По телеграфу.

Между тѣм Кверчуком были разосланы по всему уѣзду телеграммы:

„Всѣх агитаторов и евреев разстрѣливать на мѣстѣ или препровождать для разстрѣла в Проскуров“.

Телеграммы взбудоражили уѣзд.

По деревням, по селам, по глухим мѣстечкам, по полям, по дорогам началось истребленіе евреев. Некуда было спастись, нѣкуда обратиться за помощью... Земля и небо были глухи к евреям.

Вот что было в ближайшем мѣстечкѣ Фельштинѣ.

Его окружили кольцом вооруженные крестьянскіе парни из ближайших деревень. Они представляли собой вспомогательную охрану, которую набрал начальник милиціи. Сам он отправился в Проскуров и вернулся оттуда в сопровожденіи казаков с „красными шлыками“—гайдамаков.

Евреи поняли, что они обречены на рѣзню.

Начали прятаться.

...В погреба... на чердаки...

Многіе пытались бѣжать из мѣстечка, но натыкались на кольцо охраны.

На площади собралось нѣсколько сот гайдамаков. Тут же грузились крестьянскія подводы, прибывшія из окрестных деревень.

Раздался звук рожка.

Гайдамаки построились в ряды.

Кто-то им сказал рѣчь.

Слышались крики:

Всѣх.. до одинаго...

...Глухой топот ног.

Гайдамаки разсыпались по мѣстечку.

...Вопли... стоны... глумливый смѣх...

...плач дѣтей...

...мольбы и крики насилуемых...

Большинство зарѣзанных женщин предварительно насилувались. Многие из уцѣлѣвших подверглись той-же участи... В 12 случаях онѣ должны были лѣчиться от послѣдствій...

...Били... кололи... рѣзали...

По улицам люди с трудом пробирались через трупы и скользили по крови, как по лужам в ненастный день.

Были счастливы, откупавшіеся деньгами.

Были и случаи странной доброты.

...Ланда отдал шесть тысяч,

Предлагая взять всѣ вещи, но оставить жизнь.

Гайдамак замахнулся шашкой.

Но другой остановил его.

И сказал Ландѣ:

— Ты лучше спрячься, а то прійдут другіе и тебя навѣрное зарѣжут.

Он помог ему залѣзть на чердак по приставной лѣстницѣ и потом самую лѣстницу заставил втянуть на чердак и спрятать.

С чердака он наблюдал всѣ ужасы.

Он видѣл, как убивали стариков и дѣтей, вытаскивая их из домов. Видѣл дикую погоню с улюлюканіем. Возлѣ самаго дома замѣтил труп женщины. Подумал, что эта его жена, которую он незадолго перед тѣм вмѣстѣ с дочерью спрятал в другом мѣстѣ.

Соскочил с чердака посмотреть на труп.

Убѣдился, что это не жена, но вернуться на чердак уже не мог, так как лѣстница осталась там; в квартиру же зайти не рѣшился. Тогда он вбѣжал в дом русскаго сосѣда и просил его пріютить.

Его вытолкали.

Он вбѣжал на чердак сосѣдняго дома и спрятался в соломѣ. Это замѣтили два парня из охраны. Они погнались за ним, взобрались на чердак.

Но его не нашли.

Пытались поджечь солому...

Но это не удалось.

Ушли.

...У Свинера не оказалось денег.

Стоя на улицѣ перед гайдамаками, он умолял их пощадить его. И, прибѣгая к хитрости, обратился к одному гайдамаку:

— Вѣдь мы с тобой вмѣстѣ лежали в окопах во время войны.

Гайдамак стал в него всматриваться.

Затѣм перевел взгляд на его ноги, сказал:

— У тебя хорошіе сапоги, отдай их мнѣ.

— Возьми, возьми,—охотно согласился тот.

Они вошли в дом.

И помѣнялись сапогами.

Затѣм гайдамак вынул из кармана свѣжія портянки, передал их Свицеру и помог ему одѣть свои старые сапоги. Потом получил еще галоши.

И обратился к своим товарищам:

— Не будем-же мы рѣзать человѣка, с которым я сидѣл в окопах.

Они ушли.

Свицер побѣжал, с трудом шагая через трупы, в квартиру своего брата, председателя еврейской общины... и там увидѣл своего брата, его жену, ея родителей, прятавшихся там,..

...зарѣзанными ..

Начальник милиціи по прямому прѣводу освѣдомил Проскуров о происходящем, но оттуда получился отвѣт:

— Не мѣшайте крестьянам дѣлать то, что сочтут нужным. И пусть заберут то, что жиды за долгое время высосали из народа.

Но и сам начальник милиціи сочувствовал и содѣйствовал погрому. Даже его восьмидесятилѣтній старик отец во время рѣзни, держа толстую доску в руках, добивал раненых евреев.

Убито было 485 человѣк.

Раненых 180.

Из числа раненых умерло свыше ста.

Уходя послѣ даннаго сигнальнаго рожка, гайдамаки облили керосином и бензином пять лучших в мѣстечкѣ домов и подожгли.

...Потом разсыпались по уѣзду...

Много людей было убито по дорогам... в полѣ... в лѣсу...

Верхола.

Между тѣм в Проскуровѣ рѣзня продолжалась, росла, и не предвидѣлось ей конца. Было уже пять с половиной часов вечера, и она продолжалась бы вѣроятно до поздней ночи, но комиссар Таранович, не будучи посвящен во всѣ

планы Семесенко и Киверчука, ужаснулся при видѣ кроваваго дѣла.

Побѣжал к Семесенко.

Настойчиво требовал прекратить рѣзню.

Тот на его слова не обратил вниманія.

Тогда он побѣжал на телеграф и по прямому проводу сообщил губернскому начальству в Каменец о всем происходящем. Оттуда ему сообщили мѣстонахождение командующаго фронтом Шаповала и Таранович по прямому же проводу вызвал его и доложил о рѣзнѣ, а также о своем разговорѣ с Семесенко. Шаповал тут же телеграфировал атаману приказ о немедленном прекращеніи рѣзни.

Таранович отнес приказ Семесенко.

Тогда тот заявил:

— Хорошо, на сегодня рѣзни хватит.

Прозвучал рожок.

Гайдамаки собрались на ранѣ назначенное мѣсто, и оттуда в походном порядкѣ с пѣснями отправились к мѣсту своей стоянки за вокзалом.

В городѣ наступила тишина.

Улицы пусты.

Всюду валяются трупы.

...Застыла кровь...

На улицѣ льется яркій свѣтъ из пустых квартир. По странной ироніи судьбы эти ярко освѣщенные окна свидѣтельствовали о том, что в домѣ все живое вырѣзано. Дѣло в том, что в Проскуровѣ почти всѣ дома освѣщаются электричеством, которое там весьма доступно. Религіозные же евреи, которых в Проскуровѣ большинство, вѣрные своему закону, в ночь с пятницы на субботу огня не гасят. И электрических рожков не закрывают. Электричество таким образом горит до утра, а затѣм в субботу вечером, с подачей тока, само зажигается. Евреи послѣ ужаснаго дня 15-го февраля огня не зажигали. Тѣм ярче был огонь в окнах домов, гдѣ еврейскія семьи были вырѣзаны.

И на огонек пошли мародеры.

Всю ночь шло хищеніе.

Казачи, солдаты, уголовные, милиціонеры, обыватели нагружались до верха и с мѣшками и тюками награбленнаго—молчаливыми жуткими тѣнями сновали по улицам.

...С утра отдѣльные убійства продолжались.

Ходили слухи, что в два часа назначена новая рѣзня.

Собралось экстренное засѣданіе думы.

Из евреев был только Райгородскій, другіе должны были с пути вернуться, так как на них производились покушенія. Один еврей был застрѣлян у самой думы.

Прибыли Семесенко и Киверчук.

Семесенко в своей рѣчи объяснил, что происшедшее

было вызвано исключительно евреями, которые будучи сплошь большевиками, задумали вырвать гайдамаков и прочих казаков.

— Я и впредь буду так поступать, ибо считаю это своим священным долгом.

В том же духе высказался и Киверчук.

Слово взял Верховла.

Это замечательный человек Проскурова—выходец из народа и образовался самоучкой. Он окончил художественное училище, учительствовал в народных школах, слушал лекции в университетъ. По своим убеждениям он социал-демократ и украинец-патриот. При первой разѣ был гласным думы и также председателем Земской управы. Дважды выполнял обязанности комиссара. При переворотѣ в пользу гетмана он, считая гетманскую власть реставраціонной, не счит возможным продолжать общественную и административную работу, сложил с себя всѣ обязанности и ушел в частную жизнь. Верховла был очень популярен среди населенія и в особенности среди евреев. Когда начались крестьянскія возстанія против гетмана, австрійскія власти арестовали Верховлу, обвиняя в организациі этих возстаній. Он был увезен в Тарнополь, гдѣ просидѣл два мѣсяца в тюрьмѣ, а когда его повезли на суд, ему удалось с пути бѣжать, и он все время скрывался. В Проскуров вернулся лишь за два дня до рѣзни. Ему немедленно по возвращеніи предложено было взять обратно свое заявленіе о сложеніи обязанностей гласнаго думы, на что он согласился.

Взяв слово послѣ Семесенко и Киверчука, он обратился к думѣ с большой рѣчью, в которой указал, что то, что произошло в Проскуровѣ, является позором для Украины.

— Позор... позор... горячо восклицал он.

Говоря о былых заслугах казачества, он доказывал, что в данном случаѣ Семесенко, одѣвъ казацкое платье разбойников, стал их атаманом.

— Вы боретесь против большевиков, но развѣ тѣ старики и дѣти, которых ваши гайдамаки рѣзали, являются большевиками? Вы утверждаете, что только евреи длют большевиков. Но развѣ Вы не знаете, что есть большевики и среди других націй, а равно и среди украинцев?

Он убеждал Семесенко:

— Ради чести Украины!...

Немедленно прекратить происходящіе ужасы.

Семесенко угрюмо отвѣтил:

— Я борюсь не против стариков и женщин, а исключительно против большевиков.

Глядя в упор на Верховлу, произнес многозначительно:

— Не сомнѣваюсь, что и среди украинцев, к несчастью имѣются большевики... но я их не пощажу.

Однако согласился отдать распоряжение о прекращении погрома и отозвании посланных в уезд казаков. Тут же, в его присутствии, постановлено было, что охрана города передается авиационному отряду.

Верхола выбран завѣдывающим охраной.

Он немедленно отправил в типографию объявление:

„По приказу атамана, и с согласія его, рѣзня мирнаго населенія прекращена. Дума гарантирует жителям спокойствіе. Отдан приказ разстрѣливать всѣх пойманных на мѣстѣ грабежа, а также казаков, которые появятся в городѣ послѣ шести часов вечера“.

Он отнес оттиск объявленія в комендатуру.

Но там Семесенко и Киверчук нашли, что он не имѣл право напечатать такое объявленіе, написанное к тому же в неумѣстных выраженіях.

Семесенко сказал ему:

— Вы арестованы.

И распорядился:

— Отправить на вокзал для суда.

Это означало:

...для разстрѣла...

Но городской голова Сикора и члены національнаго украинскаго союза, узнавъ о происшедшем, пришли к коменданту и объяснили Семесенко и Киверчуку, что такая расправа с Верхолой вызовет жестокую месть многих украинских организацій, хорошо его знающих.

Верхола был освобожден.

Вмѣсто объявленія Верхола, Семесенко издал наказ, в котором объявил Проскуров и уезд на военном положеніи и запретил всякое движеніе на улицах послѣ семи вечера.

Но отдѣльныя убійства все продолжались.

Евреи просили Верхолу принять на себя обязанности комиссара.

Верхола согласился.

Вмѣстѣ с Тарановичем он по прямому проводу вызвал губернскаго комиссара, который хорошо зналъ Верхолу по прежней его службѣ, и тот охотно согласился замѣнить Тарановича. И тут же дал об этом телеграфное распоряженіе, что было крайне неприятно Семесенко и Киверчуку.

Вступив во власть, Верхола выпустил два воззванія:

В одном он говорил:

„Всякій призыв к національной враждѣ, а особенно к погромам, ложится позором на Украину и является препятствіем для ея возрожденія. Подобные призывы были всегда брудіем для реакціонеров. Всякое проявленіе со стороны сильнѣйшей націи насилія над слабѣйшей доказывает, что та нація не может воспринять тѣх форм, которыя основаны на равенствѣ и братствѣ. Такіе пріемы только на руку вра-

гам Украины, Выражая надежду, что население не поддастся на такую провокацію, требую всѣх агитаторов, призывающих к погрому, задерживать для преданія военно-полевому суду*.

В другом воззваніи он требовал, чтобы всѣ награбленныя вещи были снесены в комиссаріат для возвращенія по принадлежности.

...Послѣ воскреснаго засѣданія думы, рѣзня в массовом масштабѣ болѣе не повторялась, но стдѣльные убійства повторялись,—и убійства эти были многочисленны...

Финал.

С субботы до понедѣльника трупы оставались в домах и валялись на улицах. Много трупов было изгрызано свиньями. Наконец в понедѣльник был отдан приказ о похоронах. С утра многочисленныя крестьянскія подводы с наваленными на них трупами направились к еврейскому кладбищу.

Трупы привозились в течение всего дня.

Они заполнили собой все кладбище.

...болѣе тысячи трупов ..

Копали огромную яму.

Она должна была стать братской могилой.

И копали еще четыре поменьше.

На кладбищѣ появились мародеры, которые под разными предлогами подходили к трупам, ощупывали их и грабили. Находили женщин с отрѣзанными на руках пальцами, на которых очевидно были кольца.

Было приказано, чтобы к ночи не осталось ни одного трупа не погребеннаго.

...Но лишь к четверем утра удалось похоронить всѣх ..

Со среды наступило относительное спокойствіе.

Но не успокоился Семесенко.

Он выпускал разные провокаціонные приказы, вродѣ такого,—„что в Прсскуровѣ находится много большевистских агитаторов, а потому требую от населенія до восьми часов вечера выдать их властям, в противном случаѣ будут приняты самыя рѣшительныя мѣры“. В другом приказѣ говорит:—„Жидаы, до меня дошли свѣдѣнія, что вы вчера хотѣли устроить собраніе для захвата власти и готовитесь через четыре дня устроить такое возстаніе, как было 15-го февраля...“

И слѣдуют соотвѣтствующія угрозы.

Евреи собрали 300.000 и передали ему „для нужд гарнизона“. Он деньги взял, но сдѣлал вид, что это поднесли ему всѣ жители города за введеніе порядка и освобожденіе его от большевиков, и он благодарил „все населеніе Прос-

курова* за то, что оно надлежащим образом оцѣнило труды его казаков,

- Из Каменца была назначена комиссія для разслѣдованія погрома.

Но Семесенко препятствовал ей.

...Наконец Верхолѣ удалось свалить Семесенко.

Он отправился в ставку Коновальца.

Добился приказа о возвращеніи его на фронт.

Устранен был и Киверчук.

Семесенко было страшно неприятно то нравственное удовлетвореніе, которое даст евреям его уход. Но когда он убѣдился, что этот уход неизбежен, он воспользовался тѣм, что страдал осложненной венерической болѣзью, созвал консилиум врачей и через своего ад'ютанта убѣдил их дать заключеніе в том смыслѣ, что ему в интересах здоровья, необходимо временно совершенно уйти от дѣла и эвакуироваться в какой-нибудь лазарет подальше от Проскурова.

Этот Семесенко, залившій еврейской кровью дома и улицы Проскурова, был тщедушный молодой человекъ лѣтъ двадцати трех, начавшій свою службу вольноопредѣляющимся еще в царское время. С дѣланной серьезностью на лицѣ он на всѣх производил впечатлѣніе человека полунинтелигентнаго, нервнаго и неуравновѣшеннаго. Судя по нѣкоторым его резолюціям на докладах, надо признать, что он был человекъ большой сообразительности и крайнѣ рѣшительный.

С большой помпой, в сопровожденіи санитаров и сестры милосердія, Семесенко наконец покинул Проскуров.

...Было убито 1200 человекъ.

Ранено—600.

Из раненых умерло 300..

V.

Сатрапія атамана Козырь-Зырки.

(Исторія Овручскаго погрома).

Овруч—уѣздный город волынской губерніи, с населеніем в 10 000 человекъ, из котораго болѣе двух третей евреи. Еврейское населеніе в массѣ аполитично, замѣтных революціонеров оно из своей среды не дало. В період царских погромов Овруч не пострадал. Первый погром в Овручѣ был при первой радѣ. Польскіе помѣщики, жившіе в городѣ и уѣздѣ, а также бывшіе царскіе чиновники, вѣрные царским завѣтам, сѣяли рознь и внушали вражду к евреям, приписывая их махинаціям рост цѣн на продукты. Благодаря этому,

квартировавшей в Овручѣ украинскій полкъ, при демобилизаціи, разгромил еврейскіе магазины. Этот погром дал повод бывшим в Овручѣ еврейским воинам организовать самооборону, которая дѣйствовала продолжительное время. При гетманѣ погромов не было, но не было недостатка в антисемитской пропагандѣ. Между прочим из Житомира был получен тайный приказ, евреев на государственную службу не принимать, а раньше принятых постепенно увольнять.

Власть гетмана была не популярна среди крестьянства.

Когда нѣмцы стали покидать край, глухое броженіе вырвалось наружу.

Вспыхнули возстанія.

Овручская республика.

В концѣ ноября 1918 года возстали крестьяне поклевской волости, объявили власть гетмана низложенной и образовали овручскую республику. Охранявшіе в Овручѣ гетманскую власть офицеры-добровольцы, около 100 человекъ, бѣжали, не оказав сопротивленія.

Крестьяне заняли Овруч.

Ввели в нем строгій порядок.

Они немедленно освободили из тюрьмы политических заключенных, из числа которых назначили крестьянина Дмитрюка комиссаром города, а еврея бундовца Фридмана его помощником. Крестьяне обратились к еврейской общинѣ с предложеніем организовать из своей среды боевой отряд в 150 человекъ, но евреи, обсудив это предложеніе и признавъ, что создавшееся крестьянское правительство не представляет достаточной гарантіи своей прочности, от представленія такого отряда уклонились.

В это время власть гетмана пала.

Властью стала—директорія.

Между тѣм среди поклевских крестьян, под вліяніем бѣлорусских большевиковъ, которые со стороны Калинковичей являются ближайшими сосѣдями их, стали развиваться большевистскія тенденціи и все больше раздаваться большевистскіе призывы. Создалось большинство из большевиков и меньшинство, готовое примкнуть к украинскому національному движенію.

Стоявшіе во главѣ овручской республики Дмитрюк и Фридман выступили с протестами против большевистских настроеній поколевцев,—и в результатѣ Дмитрюк был убит.

Фридман бѣжал.

Остался зато нѣкто Мѣщанчук.

Он был назначен поколевцами комендатом города и был в существѣ своем антисемит и черносотенец. Он тайно

вошел в соглашеніе с петлюровской властью в Коростенѣ, сообщил ей о большевистских настроеніях Овруча.

И пригласил туда—

Курень смерти.

Этот курень ночью подошел к городу, окружил полевцев и обезоружил их. Затѣм казаки куреня стали обходить еврейскіе дома, чтобы отобрать оружіе. Оружія они не находили...

Но зато находили во многих домах деньги и цѣнное имущество.

Все это они забирали.

...Так начались грабежи в Овручѣ...

Евреи обратились с жалобой к Мѣщанчуку. Тот успокоил их, заявив, что скоро явятся регулярныя войска и тогда грабежи прекратятся. Дѣйствительно 25 декабря в Овруч вступил отряд партизан.

С атаманом Козырь-Зыркою во главѣ.

Встрѣтившим его Козырь-Зырка об'явил, что он явился для водворенія порядка в городѣ. Передают, что Мѣщанчук представил рапорт о положеніи города и пояснил:

— Здѣсь свирѣпствует большевизм и виной тому жида.

Атаман Козырь-Зырка.

О личности Козырь-Зырки в Овручѣ создались легенды.

Нѣкоторые утверждают, что это нѣкій граф из Бѣлой Церкви и что „Козырь-Зырка“ не его настоящее имя, а лишь псевдоним. Другіе увѣряют, что это бѣглый галиційскій каторжник, в подтвержденіе чего ссылаются, между прочим, на татуировку, испещрявшую его руки.

Это молодой красавец.

Жгучій брюнет цыганскаго пошиба, с хорошими манерами, замѣчательный оратор, говорившій исключительно на галиційско-украинском нарѣччі, хотя отлично понимал и русскій язык.

Козырь-Зырка стал ориентироваться.

Первым дѣлом счел он нужным познакомиться с настроеніем различных общественных групп. Для этого пригласил к себѣ городского голову, поляка Мошинскаго, и представителей разных общественных организацій,—преимущественно поляков и бывших царских чиновников.

О чем они говорили между собой?

Неизвѣстно.

Об этом только не трудно догадаться.

Затѣм он рѣшил познакомиться с представителем ев-

рейского общества. Для этого он приказал арестовать и привести к нему еврейского духовного раввина. Раввин был арестован около двух часов дня и приведен в комендантуру.

Там его продержали до десяти вечера, и он все время подвергался издѣвательствам со стороны казаков.

В 10 вечера он предстал перед очи атамана.

Тот принял его крайне грубо.

Послѣ пристрастного допроса об'явил ему:

— Я знаю, что ты большевик, что всѣ твои родные большевики, что всѣ жида большевики. Знай же: я всѣх жидов в городѣ истреблю. Собери их по синагогам и об'яви об этом.

Поздно ночью он отпустил раввина.

Слово и дѣло Козырь-Зырки.

В ту же ночь казаки окружили крестьянскую подводу, на которой ѣхали еврей—гимназист и гимназистка из Мозыря.

Казаки потребовали:

— Отдайте нам жиденят.

Но крестьяне их отстояли.

За то проѣзжавшаго через Овруч молодого еврея из Калинковичей они арестовали и привели к атаману.

— Ты из Калинковичей?

— Да.

И Козырь-Зырка на том основаніи, что он из Калинковичей, которые были в руках большевиков, об'явил его большевиком.

Разстрѣлял.

Были также захвачены проѣзжавшіе из мѣстечка Нарочи два еврея, мелкіе торговцы махоркой и спичками.

— Спекулянты!

Привели к атаману.

Раздѣли до нага.

Избивали нагайками.

Заставили плясать.

При этом одному всунули в рот пачку махорки, другому—коробку спичек. Сам Козырь-Зырка стоял с поднятым револьвером и грозил разстрѣлом, если они перестанутъ плясать...

Затѣм их заставили друг друга сѣчь.

И цѣловать сѣченныя мѣста друг у друга.

...Заставили креститься...

Вдоволь натѣшившись, выгнали на улицу...

...голыми..

Слѣдом выбросили платье.

В городѣ уже начались грабежи.

Но в это время произошел неожиданный случай.

Местъ крестьян.

Отряд казаков отправился в Нарочи для реквизиции кожи. Возвращаясь обратно, отряд сдѣлал привал в одной деревнѣ.

Там казаки перепились.

Когда они поѣхали дальше, то крестьяне устроили засаду и открыли по ним пальбу.

Четыре казака было убито.

Остальные ускакали в Овруч.

Этот олучай произвел огромное впечатлѣніе на Козырь-Зырку и его партизан, и они в ту же ночь покинули Овруч и отступили к Коростеню.

Покалевскіе крестьяне вновь завладѣли городом. Они первым дѣлом ворвались в тюрьму, гдѣ находились еще ранше ими арестованные помѣщики и лѣсничій.

Всѣх их перебили.

Затѣм они напали на нѣскольких помѣщиков, живших в городѣ, изранили их, а также убили жену арестованнаго лѣсничаго и тяжело ранили гостившую у нея сестру и ея ребенка.

Между тѣм Козырь-Зырка возвращался с подкрѣпленіями.

Возвращеніе по трупам.

По пути к Овручу, возлѣ станціи Потаповичи, желѣзнодорожное полотно оказалось испорченным. На разспросы казаков—кто это сдѣлал; кто-то сказал им:

— Жиды.

Тогда казаки рѣшили расправиться с евреями в ближайших селах.

В Потаповичах четыре еврейских семейства.

Казаки вошли к ним и начали их грабить, убивать и насиловать женщин. В одном домѣ, гдѣ хозяин отсутствовал, осталось три его дочери и зять. У одной из дочерей были запрятаны на тѣлѣ нѣсколько сот рублей. Казаки забрали эти и другія деньги, а также и все цѣнное имущество.

Женщин они изнасиловали.

А так как дѣвушки сопротивлялись, то их избили до того, что лица их превратились в сплошной кровоподтек.

Зять, только что вернувшася из плѣна, вывели во двор, гдѣ уже находился другой еврей.

Их подстрѣлили.

Зять был убит наповал, а другой еврей только ранен, но он притворился мертвым и тѣм спасся.

Отсюда они пошли к еврею—кузнецу; незадолго перед

тѣм вернувшася из фронта. Они выпустили в него двѣ пули, а затѣм приготовили к растрѣлу служившаго у него русскаго мальчика, бившагося в истерикѣ. Смертельно раненый кузнец не стерпѣлъ, собрался с силами, поднял голову и промолвил:

— Зачѣм вы его убиваете, вѣдь он русскій.

Казаки заглянули мальчику в штаны.

Убѣдились, что он русскій.

Оставили его в покоѣ.

Но так как кузнец своим заступничеством доказал, что он еще жив,—его доби́ли.

Во дворѣ убили его тестя старика.

Убили мальчика племянника.

Затѣм отправились в село Гешово.

Там проживало нѣсколько евреев, но всѣ они успѣли разбѣжаться. Остался лишь глухой старик меламед. Его казаки захватили с собой и повезли по направленію в Овручу. По дорогѣ они встрѣтили возвращавшагося в свое мѣстечко старика „шохета“. Они его также захватили. И тут-же обоих стариков...

...повѣсили на высоком деревѣ...

Одного при помощи телеграфной проволоки, другого—на ремешкѣ. Этот послѣдній, по рассказам крестьян, нѣсколько раз срывался, но его каждый раз вновь подвѣшивали. Затѣм они их тут же сняли с высокаго дерева и повѣсили на низком деревцѣ, к которому прибили записку:

„Тому кто их снимет, жить не болѣе двух минут“.

И потому крестьяне не давали их снимать.

Лишь когда трупы стали разлагаться, евреям удалось снять их и похоронить.

...Это была прелюдія...

Крoвавый пир сатрапа.

31-го декабря Козырь-Зырка с большими подкрѣпленіями вновь подступил к Овручу и начал обстрѣливать город из тяжелых орудій. Покалевцы в продолженіи часа ему отвѣчали, а затѣм умолкли. Козырь-Зырка продолжал обстрѣл города.

Наконец его банды ворвались в город.

Это было послѣ полудня.

Немедленно казаки разбрелись по городу и начали грабить и убивать евреев.

Один отряд отправился на базар и там захватил около десяти еврейских дѣвушек. Врывались в дома и там совершали убійства. Так нѣсколько казаков погнались за одним евреем, он укрылся в ближайшей дом. Казаки забѣжали в

тот дом, гдѣ по ихъ мнѣнію еврей укрылся, и застали там за столом отца и трех сыновей.

Всѣх они вывели во двор.

Всѣх по очереди разстрѣляли.

Из дома адвоката Глозмана они вывели на улицу самого старика Глозмана и его сына, молодого интеллигентнаго человѣка, члена общины. Затѣм они рѣшили старика освободить и предложили ему уйти.

Старик отказался покинуть сына.

Тогда казаки нагайками стали бить старика, причем ему разбили его единственный глаз, а молодого тут же разстрѣляли. При этом верхом на лошади присутствовал сам Козырь-Зырка. Характерно, что во время этой расправы проходил мимо городской голова Мошинскій. Молодой Глозман, котораго он хорошо знал, обратился к нему с просьбой:

— „Заступитесь... скажите им, что я не большевик... вы знаете.“

Тот прошел дальше.

Сдѣлал вид, что не слышит.

Казаки разсыпались по городу.

Входили в дома, грабили деньги и имущество.

Избивали стариков.

Насиловали женщин.

Убивали молодых евреев.

Многіе из приготовленных к разстрѣлу откупались деньгами, причем сумма выкупа бывала очень значительна. Так в дом Розенмана поздно вечером явилось нѣсколько казаков. В домѣ, кромѣ старухи-матери и двух дочерей, находились два сына, из которых один уже в продолженіе нѣскольких недѣль лежал больной в кровати. Здоровому сыну они, приняв его за русскаго, велѣли уходить, но узнав от него, что он хозяйскій сын, задержали. Потребовали, чтобы и больной сын одѣлся и пошел с ними. Но убѣдившись, что он дѣйствительно серьезно болен, и встать не может, оставили возлѣ его кровати одного казака, а здороваго вывели во двор.

Там они поставили его у стѣны.

Один медленно заряжал ружье.

Молодой человѣкъ стал их умолять не убивать его, обѣщая за себя большой выкуп,

— Дашь двѣнадцать тысяч?—спросил один.

Молодой человѣкъ стал их увѣрять:

— Родные внесут эту сумму.

Тогда казаки ввели его обратно в дом, гдѣ мать и сестры лежали в глубоком обморокѣ. Женщин привели в чувство и тѣ начали искать в домѣ денег.

Нашлось только двѣ тысячи.

Казачи согласились принять эти деньги при условіи, что остальные десять тысяч рублей им будут уплачены на слѣдующій день к десяти часам утра. Дѣйствительно на слѣдующій день в указанный час явились два казака и, получив условленные десять тысяч рублей, об'явили что Розенман отнынѣ может жить спокойно.

— Имя ваше будет записано в штабѣ и больше никто вас беспокоить не будет.

Казачи сдержали слово.

Розенманов больше не беспокоили, между тѣм как к другим евреям на смѣну одним казакам приходили другіе, причем послѣдующіе забирали все, что не успѣвали захватить их предшественники.

Казачи ничѣм не брезговали.

Они снимали с евреев платье, сапоги, бѣлье.

Характерно, что тот казак, который выводил Розенмана для разстрѣла, производил впечатлѣніе интеллигента: у него были выхоленныя руки, на которых красовались дорогія кольца, говорил он с ярко выраженным польским акцентом.

...В другом случаѣ подвыпившій офицер—сотник потребовал от еврея, содержателя мелкой гостиницы, чтобы тот немедленно накормил обѣдом всю его сотню и ему лично выдал пять тысяч рублей. Еврей сказал, что это невозможно сейчас выполнить, так как у него денег нѣтъ, и нѣтъ таких запасов, чтобы накормить цѣлую сотню.

Сотник приказал разложить его...

Стегать нагайками.

Спрятавшаяся было дочь выбѣжала и своим тѣлом прикрыла отца.

Удары посыпались на нее.

Затѣм сотник увел хозяина с собой.

За отцом пошла и его дочь.

Сначала сотник приказал, чтобы она удалилась, но потом ей разрѣшил слѣдовать за отцом. Он привел их к себѣ на квартиру, положил на стол револьвер и приказал дочери, что бы она в продолженіе дня приготовила обѣд для его сотни и пять тысяч рублей для него самого, иначе к вечеру отец ее будет разстрѣлян. Тогда старика осѣнила мысль воспользоваться этим предложеніем для своего спасенія. Он стал увѣрять сотника, что дочь его ничего не с'умѣет сдѣлать, но если тот его самого отпустит, хотя бы на один час, то они деньги и провизію добудут. Послѣ долгих колебаній сотник согласился отпустить старика на полчаса. Старик побѣжал к своему дому, который за это время был казаками до чиста разграблен. Он посовѣтовал своей семьѣ спрятаться гдѣ кто может.

Сам спрятался на чердакѣ у знакомых.

Впослѣдствіи со всей семьей бѣжал,
...В первые дни было убито 17 евреев...

Евреи обратились к городскому головѣ Мошинскому с просьбой отправить депутацію из двух крестьян и одного еврея к атаману, что-бы молить его о прекращеніи рѣзни.

Мошинскій обѣщал.

Но ничего не сдѣлал.

Тогда евреи рѣшились на отчаянное средство.

„Слава атаману“.

Старики, старухи, всѣ,—кромѣ молодых евреев, которые попрятались,—с плачем и воплями направились к дому атамана. Умоляли выслушать их. Атаман согласился принять от пришедших депутацію в числѣ трех человек. От депутаціи он потребовал, чтобы на слѣдующій день на площадь у комендатуры явилось все мужское еврейское население в возрастѣ от 15 до 40 лѣт.

Это требованіе вызвало панической страх.

Всѣ были увѣрены, что трудоспособное еврейство требуется для убоя.

Но нельзя послушаться приказа.

И вот на слѣдующій день еврейское мужское население, в указанном возрастѣ, под прикрытіем стариков и женщин, явилось на указанное мѣсто к зданію комендатуры.

Стояли...ждали... в томленіи...

Вскорѣ подѣхал на автомобилѣ атаман.

Евреи прокричали:

— Слава атаману... слава Украинѣ!

Он вышел из автомобиля.

Обратился к ним с рѣчью, в которой стал перечислять всѣ их „большевистскія преступленія“. Рѣчь он говорил на красивом галиційско-украинском нарѣчій. Он высказал, что имѣет право истребить всѣх евреев и сдѣлает это, если пострадает хоть один казак. В Потаповичах он это уже сдѣлал, причем собственноручно застрѣлил еврея шпіона.

— Я истреблю всѣх евреев Овруча, если хоть один казак пострадает.

И совѣтовал евреям.

— Если среди вас имѣется хоть один большевик, задуйте его собственными руками.

Он кончил свою рѣчь.

Евреи снова прокричали:

— Сла-ва!

Казенный раввин предложил ему привести всѣх евреев к присягѣ на вѣрность Украинѣ, и дать из своей среды боевой отряд.

Атаман отвѣтил:

— Ни в еврейской присягѣ, ни в еврейском отрядѣ не нуждаюсь. Я предоставляю евреям дышать воздухом Украины, но требую, чтоб они помнили мои предостереженія.

Евреи понуро разошлись.

Стали обсуждать, как им смилостивить атамана. Собрали двадцать тысяч рублей и передали их атаману.

— На подарки казакам.

Козырь-Зырка принял деньги, но замѣтил, что на эти деньги много подарков не накупишь.

Потребовал:

— Еще 50.000.

Евреи обѣщали их собрать.

Но так как всѣ были ограблены и разорены, то собрать такую сумму было не легко. Пришлось обратиться к мелким ремесленникам и еврейской прислугѣ и тѣ вносили свои сбереженія. Получив дополнительную сумму, атаман выпустил объявленіе, в котором выразил порицаніе грабжам.

...Но грабежи продолжались.

В то же время Козырь-Зырка мобилизовал всѣх еврейских портных и сапожников и передал им для шитья награбленный у евреев матеріал. Шили сапоги, шинели, мундиры, шаровары. Работать заставляли с восьми часов утра до полуночи, даже по пятницам, причем ѣды во время работы не отпускалось.

Козырь-Зырка продолжал полновластно царствовать.

Зыркин суд.

Он вмѣшивался во всѣ дѣла.

Творил суд.

Одна еврейка владѣла землей, перешедшей к ней по праву наследованія. Первоначальный собственник приобрѣл эту землю от крестьянина путем купли-продажи. Крестьянин, потомок продавца, пользуясь аграрным замѣшательством, еще при первой радѣ пред'явил судебный иск об этой землѣ, и в искѣ ему было отказано. Когда появился Козырь-Зырка и крестьянин убѣдился в полном безправіи евреев, он обратился к атаману с иском о той же землѣ.

Атаман велѣл ему привести мужа отвѣтчицы.

Но тот не повѣрил, что его дѣйствительно вызывает Козырь Зырка, и к нему не пошел.

Тогда атаман послал за ним.

Спросил у него: почему он раньше не пришел. Тот отвѣтил, что он не имѣл основанія вѣрить, что крестьянин дѣйствительно передает волю атамана.

Козырь-Зырка приказал обнажить еврея.

Разложить и дать 25 нагаек.

Это было исполнено в его присутствіи.

Через полчаса послѣ этого он приступил к допросу еврея по поводу земли. Еврей объяснил, что, будучи высѣчен, он не в состояніи говорить вообще, а что касается земли, то она принадлежит не ему, а его женѣ, которая и может сообщить нужная свѣдѣнія.

Атаман потребовал жену.

Та ему пред'явила копию судебного рѣшенія о том, что за нею признано право собственности на эту землю. Козырь-Зырка этим не удовлетворился и потребовал, в раз'ясненіе спора, представленія об'ими сторонами свидѣтелей.

Свидѣтели были представлены.

И всѣ они подтвердили, что еврейка владѣет землей на законном основаніи.

Тогда Козырь-Зырка приказал еврейкѣ выдать расписку в том, что она добровольно уступает землю крестьянину и от каких либо претензій на эту землю навсегда отказывается.

...Расписка была выдана...

Зырькино варьете.

Любил Козырь-Зырка и повеселиться.

Он реквизировал еврейскій оркестр, на обязанности котораго было играть на всѣх казацких вечеринках. Под звуки музыки этого оркестра Козырь-Зырка однажды порол двух крестьян большевиков.

Им было дано несчетное число ударов.

А затѣм их разстрѣляли.

Любил Козырь-Зырка и болѣе „утонченныя развлеченія“.

Однажды вечером привели к нему 9 евреев, сравнительно молодых, и одного пожилого, тучнаго. Их казаки по улицѣ гнали карьером. Когда евреи, запыхавшись, наконец, вошли в квартиру атамана, то сам он лежал раздѣтый на кровати, а на другой кровати лежал тоже раздѣтый со:служивец.

Вошедшим евреям приказали:

— Пляшите.

Стали их поощрять нагайками, особенно тучнаго. Они крутились и кружились по комнатѣ на забаву атамана.

— Пойте... еврейскія пѣсни!..

Оказалось, что никто из них не знает этих пѣсен наизусть. Тогда сослуживец атамана стал на жаргонѣ подсказывать им слова пѣсен.

Евреи повторяли их нараспѣв.

Долго они пѣли и плясали, а Козырь-Зырка и его пріатели весело смѣялись.

Послѣ этого евреев вывели в другую комнату и на них надѣли шутовскіе головные уборы. Их привели обратно к атаману и каждому дали в руку свѣчку.

Разсадили по стульям.

— Пойте!

Они пѣли.

Козырь-Зырка и его пріатель так покатывались со смѣху, что под послѣдним даже провалилась кровать. Евреев заставили поднять кровать и привести ее в порядок, причем лежавшій на ней офицер оставался в своем лежачем положеніи.

Один из евреев не вынес издѣвательств.

Заплакал.

Козырь-Зырка ему замѣтил:

— За слезы полагается 120 розог.

Еврей сказал:

— Я лучше буду пѣть.

— Ну, пой,—был отвѣт.

Еврей опять запѣл.

Дѣлали антракт для отдыха артистов.

Во время одного антракта пріатель атамана сказал:

— Пора им уже спустить штаны.

Но Козырь-Зырка в данном случаѣ на это не соизволил согласиться.

Натѣшившись вдоволь, он отпустил евреев и дал шофера в провожатые, дабы их не разстрѣляли караулы.

Шофер их проводил.

Но потребовал:

— 15.000 за спасеніе жизни.

У них такой суммы не было.

Но шофер каждого проводил до дома, и тот у домашних собирал сколько мог и уплачивал шоферу.

Провокаторы.

Произошел случай со списком, характеризующій психологію обывателя, его растлѣнную вѣками деспотіи душу. Поляки и бывшіе царскіе чиновники в своих навѣтах на евреев распространили слух, что евреи задумали устроить над христианами „варфоломеевскую ночь“, и намѣтили будто бы до 150 жертв. Они утверждали, что существует список обреченных, причем этот список написан рукой занимавшагося мелкой адвокатурой Герцбейна.

Он был арестован.

Среди христіан началось волненіе.

Обратились к Козырь-Зыркѣ, и тот подтвердил существованіе списка, но никому его не показал.

Волненіе усилилось.

Нѣкоторые из христіан стали покидать поспѣшно город.

Надо замѣтить в отношеніи Герцбейна, что он политической вообще не занимался. Он вращался исключительно среди христіан, гдѣ у него было много пріятелей,— в еврейском обществѣ он почти не бывал. Жена его обратилась к пріятелям христіанам с просьбой вступить за мужа, котораго они хорошо знали, как человѣка далекаго от политики и от евреев.

Но—тѣ отказались.

Вѣроятно исторія пресловутаго списка такова. При паденіи гетманской власти, городской голова Мошинскій пригласил на собраніе многих христіан, преимущественно помѣщиков и чиновников, и предложил организовать самооборону на случай прихода петлюровцев. Был составлен список, в который вошло свыше 100 человѣкъ, исключительно христіан. Так как Герцбеин был извѣстен своим хорошим почерком,—а может быть и по другим соображеніям,—Мошинскій обратился к нему с просьбой переписать этот список.

Тот переписал.

Весьма правдоподобно, что кто-нибудь с провокаціонной цѣлью передал этот список в комендатуру, как список намѣченных христіанских жертв.

Жена Герцбейна обратилась к городскому головѣ с просьбой созвать думу для разоблаченія навѣта и возстановленія доброй славы ея мужа. Мошинскій общал... но, когда она к нему вновь явилась, ей сказали:

— Уѣхал из города.

Лишь предсѣдатель городской думы, нотариус Ольшанскій, вошел в ея положеніе, разослал приглашенія на засѣданіе. Но на это засѣданіе явились одни лишь евреи.

Христіане отсутствовали.

Не было кворума, и засѣданіе не состоялось.

Так как слухи о предстоящей „варфоломеевской ночи“ продолжали очень волновать христіан, то нѣкоторые из них вновь обратились к Козырь-Зыркѣ с просьбой раз'яснить насколько эти слухи серьезны. Явились также к нему нотариус Ольшанскій и чиновник Юдин, хорошо знавшій Герцбейна. Они об'яснили, что глубоко увѣрены в том, что Герцбеин не мог быть автором такого списка. Козырь-Зырка им отвѣтил, что сам не придает серьезнаго значенія этому списку и распространяемым слухам и что он для успокоенія христіанскаго населенія издаст соотвѣтствующій наказ. О Герцбеинѣ же он сказал:

— Я его немедленно освобожу.

Объщание освободить он дал и женѣ его.

Объщанный наказ он, дѣйствительно, издал, но Герцбейна, несмотря на всѣ общанія, не освободил...

...Он был разстрѣлян...

Апофеоз.

Владычество Козырь-Зырки продолжалось вплоть до 16-го января, и казаки все это время грабили еврейскіе дома.

Случались и отдѣльныя убійства.

О дѣйствіях атамана дошли слухи до Житомира и оттуда прислали комиссара по гражданским дѣлам. Он оказался человѣком приличным, и евреи отнеслись к нему с полным довѣріем. Но—по его собственным словам—он был безсилен что-либо существенное сдѣлать для них, так как атаман задерживал даже его телеграфныя донесенія в Житомир. Единственное, в чем он успѣл, это организація домовых охран, о чем послѣдовал и наказ атамана. Но эти домовыя охраны, состоявшія главным образом из евреев, реальной силы собой не представляли. Членов охраны казаки грабили.

И даже одного убили.

15-го января атаман об'явил мобилизацію.

С утра казаки начали гнать молодых евреев на вокзал для колки дров и чистки вагонов. Гнали преимущественно молодых евреев, но не брезговали и старыми.

По дорогѣ казаки их грабили.

На вокзалѣ их заставили продѣлывать всякую, даже не нужную, черную работу.

Над ними издѣвались.

Били нагайками и прикладами.

Тѣх, которые были лучше одѣты, отводили в сторону и с них снимали платьѣ и сапоги. К вечеру почти всѣ были ограблены. Один был убит, другой тяжело ранен. И в то время, как они находились на вокзалѣ, казаки грабили их дома в городѣ.

Паника достигла высшаго напряженія.

Над городом нависла мрачная тревога, чувствовалось приближеніе катастрофы. Евреи пребывали в непрестанном ужасѣ.

Они рѣшили:

— Умереть всѣм вмѣстѣ.

Для этого с вечера стали собираться в синагогу. Но синагога всѣх вмѣстить не могла. Стояла невѣроятная духота. Многіе падали в обморок. Нѣкоторые, не будучи в состояніи вынести все увеличивавшейся духоты, выбивали окна и убѣгали куда глаза глядят.

В синагогу входили отдѣльныя казаки.

Грабили кого могли.

Остальные грабили в городѣ.

...Так провели евреи города Овруча ночь с 15-го на 16-е января. Утром 16-го казаки стали распространять по городу слухи, что комиссар по гражданским дѣлам, к которому евреи относились с довѣріем,—как указано было,—приглашает представителей еврейскаго населенія для выслушанія весьма важнаго для евреев наказа, полученнаго из Житомира.

Евреи ухватились за эту вѣсть.

Повѣрили в нее.

Группа, челоѣкъ в 50, направилась к вокзалу.

По дорогѣ их скружили конные казаки и стали их нагайками подгонять. При этом их заставили пѣть „Маіофис“ и другія пѣсни. Несчастные поняли, слишком поздно, что они попали в ловушку. Когда это своеобразное шествіе приблизилось к вокзалу, тогда окружавшіе евреев казаки начали их рубить шашками...

Стрѣляли из револьверов.

Евреи бросились бѣжать вразсыпную.

В догонку посыпались пули.

В то же время у самаго вокзала другіе казаки устроили засаду и открыли по евреям пальбу...

...Разрывными снарядами...

На мѣстѣ осталось 32 трупа.

Многіе оказались ранеными.

Спаслось немного.

Когда кончилась эта расправа, среди казаков показался Козырь-Зырка.

Казаки его привѣтствовали словами:

— Слава Богу, батька, трѣхи пострѣляли жидов.

...В ту же ночь, в виду наступленія от Калинковичей со стороны большевиков, Козырь-Зырка со своей бандой покинул город и направился къ Коростеню.

Так кончилось в Овручѣ владычество Козырь-Зырки.

...Было убито до 80 евреев.

Разграблено 1200 домов.

Случайно уцѣлѣло не больше 15 квартир.

„Всѣ стали товарищами по нищетѣ“.

Исторія одной деревни.

(Погром в Россавѣ).

Россава—деревня, с населеніем приблизительно в 5000 душ, среди которых имѣется 210 еврейских семейств. Находится Россава в пяти верстах от желѣзнодорожной станціи

Мироновки и приблизительно в 20 верстах от города Богуслава. Близость к железнодорожной линии и находящиеся вблизи сахарные заводы сдѣлали Россаву оживленным торговым пунктом. Главным источником пропитанія еврейскаго населенія является торговля мукой, сахаром и крупой. Россаву можно считать зажиточной нѣкогда деревней, во всяком случаѣ мѣстом, гдѣ евреи хорошо зарабатывали. С мѣстным крестьянским населеніем евреи жили дружно.

Россава не знала специфических національных трений, и подстрекателей к погрому там не видно было никогда. Война, разныя мобилизаціи, революція, не внесли никакой перемѣны в дружественныя отношенія.

В февраль этого года Россава задышалась в погромной атмосферѣ свыше трех недѣль, разбушевались страсти и рос произвол. Но даже и тогда россавскіе крестьяне, в лицѣ своего волостного правленія, были защитниками евреев и по возможности уменьшали их страданія.

Начало сдѣлала банда петлюровцев.

11-го февраля петлюровцы прибыли в Россаву из Мироновки, гдѣ помѣщался штаб. Они обошли нѣсколько еврейских лавок и забрали, по погромнымъ понятіям, совершенно „невинные предметы“: папиросы, спички, саѣчи.

И уѣхали обратно в Мироновку.

Почти тоже самое происходило ежедневно до 15-го февраля, с тою только разницею, что грабительскіе аппетиты и число прибывших казаков росло с каждым днем, поведеніе стало болѣе нахальным, увѣренным, начали входить в еврейскіе квартиры и требовать деньги, угрожая револьвером.

И часто избивали.

Налеты носили чистый, так сказать, бандитный характер. Солдаты при своей „чистой работѣ“ не придумывали предлогов и ни в чем не обвиняли.

Единственным обращеніем было:

— Давайте деньги.

В руках петлюровцев.

15-го февраля в деревню прибыла, также из Мироновки, другая банда петлюровцев. Они, по личным описаніям, по погромному методу, из сопоставленія дат, были частью банды Голуба, которая прибыла в Мироновку из Степанцев. Это уже была банда с твердыми грабительскими намѣреніями, с выработанной погромной программой, с лозунгом, мало логичным, но хорошо дѣйствующим:

— „Евреи—большевики, евреи—спекулянты, нужно вырѣзать всѣх евреев“.

И при этом с заряженными ружьями, с нагайками, кро-

вавыми расправами и кулачным требованіем денег. Эта банда принесла с собою специфическій погромный ужас и панику. Она сразу нашла в деревнѣ „своих“, и вокруг казаков снѣвали, как пріятели и полезные совѣтники, мѣстные бандиты и отбросы. Казаки распространились по деревнѣ и навѣщали исключительно еврейскіе дома. Деньги они требовали уже весьма крупныя: 20 и 30 тысяч рублей и в своих требованіях были упорны, непреклонны. Только когда нападали на еврея бѣдняка, довольствовались волей неволей и сотней рублей и еще меньшей суммой. Первое болѣе значительное выступленіе казаков состояло в слѣдующем:

Согнали 30 евреев возлѣ бани.

У всѣх опустошили карманы.

Раздѣли.

Приказали:

— Бѣгать.

По бѣгающим открыли стрѣльбу, но, как видно, только для того, чтобы поугагать „жидов“ и для собственнаго удовольствія, так как оказался один только раненый.

Когда характер погрома начал вполнѣ опредѣляться— как массовыя убійства со всѣми специфическими атрибутами, как напримѣр натравливаніе крестьян на евреев, когда установлены были два готовых к дѣлу пулемета посреди деревни и согнаны были всѣ евреи, стар и мал в качествѣ заложников, обреченных на смерть, как „денежные мѣшки“ и вообще как евреи,— в это время казаки получили вдруг приказ отступить.

И они поспѣшно покинули деревню.

Россава вздохнула свободно.

С 16-го по 18-е февраля в ней царил покойствіе. Из Мироновки прибыли большевики. Еврейское населеніе встрѣтило их очень дружелюбно, угощало чѣм только можно было: пищей, папиросами. Надѣялись, что большевики защитят деревушку от звѣрств и жестокостей петлюровцев. И евреи не обманулись в разсчетѣ. Большевики словом и дѣлом,—напримѣр арестом бандитов,—успокоили населеніе. К какой воинской части большевики принадлежали—не установлено. Они сами себя называли просто: „конной развѣдкой“.

Россава уже начала отдыхать.

Но опять не суждено было россавским евреям свободно ходить по улицам, их дѣлом опять было дрожать гдѣто в темном углу и постоянно торговаться за свою жизнь, за жизнь семьи.

В руках махновцев.

19-го прибыли из Мироновки махновцы на подводах и начали реквизируютъ, исключительно в еврейских домах,

продукты продовольствія, — муку, сахар, крупу. Еврейское населеніе вначалѣ относилось довольно хладнокровно к этим реквизиціям, оно считало их законной необходимостью:

— „Солдатам нужны продукты“.

Но от продуктов солдаты скоро перешли к реквизиціи других цѣнныхъ вещей, — как бѣлье, платье, часы и другіе привлекательныя домашніе предметы.

Еще день...

И солдаты вошли в окончательную погромную роль: распространялись группами в три-четыре человѣка по деревнѣ, грабили что попадалось в руки.

Избивали.

Ставили лицом к стѣнкѣ и, угрожая разстрѣлом, требовали денег.

С ними торговались. Они уступали, приходили к соглашенію, — в общем явленіе уже знакомое для россавскихъ евреев по бандѣ петлюровцев. И эти солдаты при своих налетах на еврейскія квартиры в большинствѣ случаев никаких обвиненій евреям не бросали.

Твердили только одно:

— Давайте деньги.

Видно было, что насилія совершаются потому, что аппетиты у них большіе, надзору никакого нѣтъ и нѣтъ никакой отвѣтственности. Эти солдаты также братались с мѣстными отбросами и, благодаря послѣдним, были хорошо информированы, во сколько нужно оцѣнивать жизнь в том или ином еврейском домѣ, гдѣ можно разрѣшать торговаться и гдѣ не слѣдует ни в комъ случаѣ уступать.

Неудержимый произвол росъ часами.

Дѣйствія становились циничнѣе и безобразнѣе, уже были случаи изнасилованія и нѣсколько на то покушеній.

Не обошлось без человѣческихъ жертв.

При ограбленіи Рябчинскаго убили его на глазахъ семьи, потому что —

„Нужно нагнать страх на жидов“.

Озвѣрѣвъ от произвола и господства над человѣческой жизнью и имуществом, солдагы пьянствовали на улицах.

Возглашали тосты:

— В честь батьки Махно.

Избитые и окровавленные россавскіе евреи убѣдились тогда с отчаяніем, что от солдат избавленія не получат и начали массами покидать Россаву, оставив на произвол судьбы свои дома и уцѣлѣвшіе остатки своего имущества.

22-го февраля махновцы покинули Мироновку.

Тѣм самым и Россаву.

Большевики.

Через день опять из Мироновки в Россаву прибыли солдаты. Они принадлежали к первому золотоношскому полку. Евреи, понято, не пошли их встрѣчать, а ждали во мракъ новых ужасов и свѣжих ран.

Но солдаты обходили дома.

Мягко, сочувственно успокаивали.

Они порицали дѣйствія своих ушедших товарищей, общали подробно изслѣдовать событія, наказать мѣстных участников грабежей, изолировать бандитов. И, дѣйствительно, на слѣдующій день солдаты собрали крестьянской сход, на котором комиссаром был избран Черняковскій, один из приличнѣйших и честнѣйших крестьян в деревнѣ. Солдаты устраивали обыски у подозрительных крестьян. И найденныя вещи возвращали их еврейским владѣльцам. Евреи, увидя, в первый раз за двѣ недѣли, человѣческія отношенія к себѣ, заботу о своей неприкосновенности, просили командира полка поселить в деревнѣ на еврейскій счет сто солдат.

Просьба была исполнена.

Но...

Как видно, горькая доля была суждена Россавѣ.

25-го еврейскіе защитники были отозваны по военным соображеніям в Канев, и деревня осталась совершенно без охраны.

И тут начинаются новые кровавые мытарства.

Наученная прежними событіями Россава поняла свою беспомощность—как легко она может сдѣлаться об'ектом всякаго дикаго, но вооруженнаго аппетита...

И рѣшила послать делегацію в Богуслав.

— Просить охраны.

Ибо извѣстно стало, что там имѣется кой-какая власть.

В Богуславѣ общали делегаціи добиться у Мироновскаго коменданта, чтобы он послал своих людей охранять населеніе. При этом указали, что, если в деревнѣ будут налеты солдат, слѣдует у них требовать пред'явленія мандата.

— А если такового не окажется?..

-- Значит это просто бандиты, которых слѣдует задержать и привести в Богуслав, гдѣ их строго накажут.

Деревня ожила.

Пріѣхало нѣсколько солдат из Мироновки на подводѣ и, под'ехав к дому еврея Цаца, стали выносить и нагружать домашнія вещи. Дали знать об этом комиссару Черняковскому, который немедленно прибыл с нѣсколькими людьми и потребовал у реквизиторов:

— Мандат.

Такового не было.

Черняковский распорядился:

— Сложить обратно вещи.

Солдаты не оказали сопротивления.

Снесли обратно вещи.

Уехали.

Этот случай придал населению мужества к самозащите.

Ошибка.

На слѣдующій день, когда уже было совсѣм темно, десять солдат с красными бантиками, в сопровожденіи мѣстнаго бандита, начали сильно стучать в дверь еврейскаго сапожника.

В квартирѣ начали кричать:

— На помощь!

Один из сосѣдей дал знать в волость.

Напали бандиты.

Сейчас же прибыл комиссар Черняковский с большой толпой евреев и христіан.

Солдаты были обезоружены,

Избиты.

Тогда только один из солдат догадался показать мандат, из котораго явствовало, что он и его товарищи посланы из Мироновки в качествѣ охраны для деревни. К жилищу сапожника они пришли по указанію арестованнаго ими бандита, который увѣряет, что свой револьвер продал сыну сапожника.

Увидѣвъ произошедшую горькую ошибку, присутствующіе попросили извиненія у избитых солдат.

И об'яснили источник недоразумѣнія.

Солдаты согласились, что в происшедшем они тоже виноваты, ибо не представили своевременно мандата.

Солдат успокоили.

Дали поѣсть, угостили вволю куревом.

Ждали отвѣта из Мироновки, куда отправилась делегація к коменданту. Делегація вернулась назад с отрядом из 15-ти солдат с 2-мя пулеметами. Начальник отряда прибыл в воинственном настроеніи.

Он угрожал:

— „Разстрѣляю и разрушу всю деревню“.

Послѣ долгих объясненій и просьб удалось его убѣдить в невинности населенія.

Он смягчился.

Заявил, что произведет разслѣдованіе.

Продолжалось разслѣдованіе недолго и состояло в том, что согнали много молодых людей, евреев и христіан, и избитые солдаты должны были узнавать среди них избивавших.

Солдаты никого не признали.

Хотя часто с колебанием говорили:

— Кажется, я видѣл одного в такой шапкѣ.

Или:

— Пиджак-то похож.

Все же задержали без всяких причин пять человек — четырех евреев и одного христианина, в качестве заложников. Командир, впрочем, увѣрил еврея Левита, что он это дѣлает для удовлетворенія своих товарищей. Заложников он отправляет в Мироновку с запечатанным письмом, в котором просит их освободить.

И еще до разслѣдованія он заявил, что спѣшит:

— Нужно сегодня ѣхать в сосѣднюю деревушку Зелянки, чтобы посчитаться с тамошними крестьянами за старые грѣхи.

Ушел с отрядом.

Но как только солдаты вышли на дорогу Зелянки, слышалась сильная стрѣльба. Это их встрѣтили зелянскіе крестьяне. Солдаты были слишком малочисленны против такого нападенія и разбѣжались.

Командир забѣжал в Россаву.

И спрятался в крестьянском домѣ.

Кто-то, как видно, указал зелянским крестьянам его убѣжище.

Его вытащили на улицу.

Разстрѣляли.

Вскорѣ прибыл большой отряд с пулеметами из Мироновки.

Зелянскіе крестьяне разбѣжались, Солдаты их преслѣдовали до самих Зелянок.

У деревни к большевикам на встрѣчу вышли старые крестьяне с бѣлыми флагами, просили прощенія за своих сыновей и клялись, что больше этого никогда не повторится.

Послѣ короткаго раздумья солдаты простили деревушкѣ.

И направились обратно в Россаву.

Кровавая месть.

..Тут, совершенно неожиданно и психологически необъяснимо, они учинили вдруг кровавую расправу над евреями..

Маленькими группами в 2-3 и 4 человека пустились они по еврейской части деревни, не пропустивши ни одной лавки еврейской, ни одного дома еврейскаго.

Тут уже часто слышен был мотив:

— Нужно вам отомстить, вы разстрѣляли нашего командира.

Вслѣд за этим требованіе:

— Давайте деньги... золото... серебро...

Свирѣпый удар нагайкой.

Обнаженной саблей.

Прикладом.

Тут уж не помогал выкуп деньгами: получали ли деньги или нѣтъ—все равно приступали к звѣрским дѣйствіям. Солдаты не экономили времени: одна и та же группа могла проводить в какой нибудь-квартирѣ цѣлые часы, вымышляя самые фантастическіе методы истязаній. Одного еврея солдат, требуя денег, бил рукояткой револьвера по зубам.

Всего окровавил.

Потом приказал сѣсть ему на стул.

Голой саблей ворочал ему зубы.

Затѣм всунул саблю в горло так, что брызнула струя крови.

Послѣ этого поставил его лицом к стѣнѣ...

Выстрѣлил в него.

Затѣм опять посадил на стул около стѣны и саблей нанес такой сильный удар по головѣ, что даже в стѣнѣ остался глубокой слѣд.

...Другого еврея, молодого, заставили раздѣться и лечь.

Стали пороть розгами.

Он обмер.

Его привели в чувство и заставили лечь лицом на землю.

Выстрѣлили в него... и не попали.

Затѣм положили голую шашку на шею и стали считать до трех, предупредив:

— Как отсчитаем три, отрубим голову.

Сабля врѣзалась глубоко в шею.

Затѣм приказали встать.

— Сми-и-рно!

Затѣм опять лечь.

Стали пороть розгами.

Он снова обмер.

Его привели в чувство холодной водой и опять начали истязать.

Послѣдовал приказ:

— На колѣни.

Опять встать.

Сми-и-рно.—

Еще раз.

Опять встать.

— Сми-и рно.

Опять.

— На колѣни.

И приказ:

— Жуй землю.

Минут десять смотрят, как молодой человек с тестем стариком жуют землю.

Все это происходило на глазах жены этого еврея, которую,—это уж можно привести как мелочь,—хотѣли в присутствіи мужа изнасиловать...

...Фактов, которых никакая фантазія не могла бы придумать, Россава насчитывает много...

Кровавая вакханалія была так велика, элементарнѣйшее человѣческое чувство до того заглохло, что, когда ребенок заплакал при убійствѣ матери его...

...солдат воткнул ему револьвер в рот...

Парализованную женщину 74 лѣтъ, которая уже свѣше четырех лѣтъ переносит нечеловѣческія страданія, сбрасывают с кресла и избивают шомполами так, что от кусков безжизненного тѣла остались какіе-то обрывки мяса.

Евреев, спасающихся из деревни, хватали на дорогах, ставили в шеренгу, избивали и затѣм разстрѣливали, или наоборот: разстрѣливали и мертвых рубили шашками. В большинствѣ случаев с казнью не торопились. Медленно, как любитель, удлиняющій ощущение, тянули они минуты агоніи, чтобы подольше держать человѣка с мыслью о неминуемой смерти, которая вот-вот наступит. Найденные на дорогах трупы так обезображены, что родители не узнавали своих собственных дѣтей.

...Изнасилованія...

О них, по понятным соображеніям, не рассказывают. Только в опущенных глазах еврейских дѣвушек замѣтно существованіе ужасной тайны.

В домах, покинутых хозяевами, убѣжавшими в смертельном испугѣ искать убѣжища, солдаты забирали из домашних вещей все, что только они находили для себя полезным и удобным. Мебель и большія зеркала превращали в щепки, книги разрывали. В нѣкоторых домах взломаны желѣзные кассы, для чего приходилось не мало поработать.

...Оторваны обои, сломаны полы, разрушены печи. .

Искали, видно, спрятанныя деньги.

Вообще солдаты искали и находили деньги в таких мѣстах, что неопытный человѣкъ никогда бы не добрался туда. Много награбленных вещей солдаты отдавали крестьянам мѣстных и окружных деревень.

Россавскіе крестьяне активнаго участія в погромѣ не принимали. Но каждый раз, когда насытившіеся погромщики бросали крестьянам крохи со своего богатаго стола, они их охотно подхватывали и уносили к себѣ.

Лучшіе из них не могли помочь ничѣм.

Свирѣпые насильники хозяйничали на просторѣ, как настоящіе:—

„хозяйева жизни“.

...Разказы потерпѣвших кошмарны...

Крестик.

(Равсказ Мойши Зарахинскаго).

...Вечером зашел в квартиру вооруженный солдат, трезвый, стукнул кулаком о стол и потребовал сдать ему оружие.

Я заявил:

У меня нѣтъ... обыщите.

Тогда он сказал:

— Оружіе не важно, дай 20.000 рублей.

У меня было только 100 рублей, и я отдал их ему, отдал часы и другія вещи, но он все требовал названную сумму и, в случаѣ отказа, грозил изнасиловать мою дочь, двадцатилѣтнюю дѣвушку. Он схватил ее за руки.

Стал тащить ее.

Я бросился к нему и, не помня себя, завязал с ним борьбу. Случайно я замѣтил, что затвор ружья открыт, что пули там нѣтъ, и это дало мнѣ мужество бороться с ним. Он нѣсколько раз ударил меня прикладом, но я сзади вицѣпился в него и мѣшал ему совершить гнусное насиліе над дочерью.

Так мы боролись около часу.

Видя, что он цѣли не достигнет, солдат приказал мнѣ раздѣться, отдать ему одежду и указать, гдѣ живет еврей портной.

Я все исполнил.

И он удалился.

Мы оставили дом на произвол судьбы.

Дочь мою пріютила сосѣдка христіанка, которая сочувственно отнеслась к нашему горю. Понедѣльник утром, когда дому крестьянки стала грозить опасность обыска, она одѣла дочь мою в крестьянское платье, накинула ей на шею крестик.

И благословила ее в путь.

Дочь моя направилась в ближайшее село. По дорогѣ ей пришлось проходить льдом через рѣчку. Она была очень взволнована, не замѣтила перед собой проруби и, попав в нее, погрузилась по пояс в воду. Выкарабкавшись с трудом, она забрела в христіанскую хату, гдѣ ее переодѣли снова в крестьянское платье.

Одѣли крестик.

И отпустили.

Она ушла в Богуслав.

Ея жених убит в тот же день.

...И вот я, разоренный, разбитый и обнищавший, влачу один свое жалкое существованіе, счастливый уже тѣм, что удалось мнѣ своими слабыми силами спасти честь своей дочери...

Расход.

(Разсказ старика—еврея).

...Меня окружила группа всадников, приказала вести к моему дому и по дорогѣ спрашивала:

— „Кто стрѣлял против нас“.

Не дойдя до дому, потребовали денег и грозно говорили:

— Отправим в штаб Духонина.

Денег у меня не было, и они повели меня куда-то в сторону. Распоряжался один в казацкой буркѣ, повидимому старшій. Я спрашивал—куда они ведут меня, на что они неизмѣнно отвѣчали:

— „В расход“.

Нашли укромное мѣсто, приставили к стѣнѣ, велѣли закрыть глаза.

И выстрѣлили.

Но выстрѣл попал в крышу.

Опять требовали...

— Денег... десять тысяч... или выведем в расход...

Я ничего не мог предложить им.

Они снова повели меня.

Зашли в чью-то полуразрушенную квартиру. Велѣли мнѣ лѣчь на кровать лицом вниз и стали наносить удары шашкой. Ударили раз двадцать. У меня не было уже болѣе сил терпѣть. Я предложил им повести меня в деревню—авось удастся у кого-нибудь раздобыть денег. Они согласились и уже уменьшили требованіе до тысячи рублей. Я повел их к дому Очаковского. Там замѣтили меня, поняли мой жест и вынесли 250 рублей.

Но они сказали:

— Нѣтъ... мало.

Я попросил у Очаковских еще денег.

Дали еще 150.

...Отпустили ..

„Солдат арміи труда и революціи“.

(Разсказ Ильи Шмулевича).

В воскресенье 2-го марта уставшій от трехдневных волненій и бессонных ночей, я спал позже обыкновеннаго. Когда я еще лежал в кровати, в нашу квартиру вошли два большевика и, увидя меня, приказали итти „на сход молодежи“, который происходил в домѣ мѣстнаго еврея Могилевскаго. Отправились. Оборачиваясь, я замѣтил, как один из солдат слѣдит за тѣм, куда я иду. В домѣ Могилевскаго было

собрано 20 евреев и 5 мѣстных крестьян, причем среди евреев были и малолѣтніе. Здѣсь я узнал, что сюда согнаны для допроса всѣ встрѣченные на улицѣ большевиками молодые люди. Войдя в комнату, гдѣ, как мнѣ сказали, засѣдал Революціонный Трибунал, я спросил:

— Зачѣм меня потребовали?

Мнѣ отвѣтили:

— Ты арестован.

И приказали войти в другую комнату, которая находилась под охраной часового. Революціонный Трибунал состоял из десяти человек, среди которых я замѣтил россавскаго комиссара и всѣх обезоруженных наканунѣ солдат. Нас выводили по одному для допроса. Когда настала моя очередь, и я предстал перед Трибуналом, один из обезоруженных солдат сказал, что твердо помнит, как молодой человек в такой же фуражкѣ бил его. Я пробовал возразить, что таких фуражек в селѣ много, и потому фуражка не является признаком моей прикосновенности к происшедшему недоразумѣнію. Но мои слова были оставлены без вниманія. Меня под конвоем повели под арест.

Нас собрали 8 человек, из них 6 евреев.

Переписали.

Без всякой видимой причины освободили трех, а оставшіеся 5 человек под конвоем из двух вооруженных солдат и побитаго наканунѣ большевика—еврея, позели, как сказали, для вторичнаго допроса в какую-то канцелярію. Провожавшіе нас солдаты по дорогѣ об'явили:

— Ведем на разстрѣл.

Попавшіеся навстрѣчу солдаты, узнав, куда нас ведут, хотѣли нас разстрѣлять, даже щелкали затворами, но кончилось тѣм, что безжалостно избили прикладами. Эго повторялось нѣсколько раз, но в каждом подобном случаѣ нас отстаивал провожавшій нас большевик еврей, и, только благодаря ему, мы, хотя и сильно побитые, трясушіеся от ужаса, но, однако, живые прибыли в канцелярію, которая оказалась ближайшей за селом экономіей. В канцеляріи нас, совершенно не допрашивая и тайнственно молча, начал избивать кулаками какой-то молодой солдат, именующій себя комендантом. Насытившись кулачной расправой, комендант приказал нам стать в шеренгу лицом к стѣнѣ.

И зарядил револьвер.

Чувствуя неминуемость смерти, в изступленіи, не понимая даже значенія слов, стал я говорить,—горячо, вдохновенно...

— Я бѣдный рабочій... большевик по убѣжденію.

Говорил, что готов проливать свою кровь за торжество коммунизма, что у меня с большевиками общія цѣли и общіе враги...

Страстность моих слов и часто перерывающийся от всхлипываній голос, повидимому, смягчили грознаго коменданта. Он согласился нам подарить „временно“ жизнь— отправить для дальнѣйшаго слѣдствія на станцію Мионовка. И ядовито замѣтил:

— Я собственно вашему брату еврею мало довѣряю,— слишком вас много среди нас.

Конвой наш был увеличен еще на два солдата. И нас повели по направленію к Мионовкѣ. По дорогѣ нас встрѣтил офицер, котораго солдаты называли помощником комиссара. Узнав от конвойных, куда нас ведут и зачѣм, он сказал, что считает лишним и несвоевременным с нами считаться.

— Я их сейчас здѣсь застрѣлю.

Но, к нашему счастью, револьвер оказался в неисправности, и поэтому приказал нас вести дальше, до слѣдующаго удобнаго случая. Он послѣдовал за нами.

Через нѣкоторое время появилась навстрѣчу кавалерія в большом количествѣ и с нѣсколькими автоматическими ружьями.

Политком велѣл кавалеристам остановиться.

— Приготовьте винтовки, сейчас надо разстрѣлять этих контр-революціонеров.

Нѣсколько солдат слѣзло с лошадей. Зарядили винтовки. нас поставили в ряд, чтобы было удобнѣе разстрѣливать. Стоя в ряду перед лицом смерти, один из нас, Константиновскій, лишился ума и стал истерически громко смѣяться. Другой из приговоренных, Подольскій, почему-то глубоко засунул руки в карманы и не в состояніи был их высвободить: или в нем погасло сознание, так как на приказаніе политкома вынуть из кармана руки, Подольскій остался неподвижен и бессмысленно глядѣл перед собою вдаль. Это „неисполненное приказаніе“ привело политкома в такое бѣшенство, что, обнажив шашку, он ударил его нѣсколько раз по головѣ так сильно, что разбил ему череп... и мозги вывалились наружу.

Подольскій упал.

Моя смерть была неотвратима.

И я, уже коснѣющим языком, с послѣдними искрами потухшаго сознанія, снова принялся быстро, быстро говорить. Я говорил о моей преданности большевикам и борьбѣ рабочаго класса за свое освобожденіе.

Мои слова были безсвязны.

Но в них была искренность уходящаго от жизни.

В мою пользу сказал один из конвоиров:

— Этот жид сам явился.

Политком разрѣшил мнѣ отойти в сторону.

Я отошел.

Около меня очутился и единственный не еврей, бывший в нашей группѣ обреченных.

Раздалась дробь винтовок.

Упали мои товарищи по несчастью.

Нас обоих, оставшихся в живых, повезли дальше по направлению к Мироновкѣ. Припоминаю, что с убитых была снята одежда и обувь. По дорогѣ я и мой товарищ были обысканы нашими же конвоирами, у меня отобрали 20 рублей. Нас ввели, послѣ цѣлаго ряда встрѣч и неизбежных угроз, на мироновскую телеграфную станцію, гдѣ находилась какая-то канцелярія. Здѣсь нас стал допрашивать политком пятого полка, молодой человек лѣт двадцати. Он начал свой допрос с того, что поставил меня и товарища к стѣнѣ.

И стал в нас цѣлиться из револьвера.

Но источник слов моих был, повидимому, неизсякаем. Я с несвойственной мнѣ горячностью стал почти что не просить, а спорить, требовать. Я стал требовать суда и слѣдствія.

— Ибо мнѣ смерть не страшна, говорил я, а ужасает то, что погибаю от рук своих же идейных товарищей, что умираю позорной смертью врага революціи... а мнѣ дороже жизни имя честнаго революціонера, которое сохраню в глазах моих товарищей.

Слова мои подѣйствовали на политкома.

Он спросил меня:

— Вы еврей.

Я отвѣтил:

— Я не еврей, а солдат арміи труда и революціи,

Это мое заявленіе окончательно расположило политкома в мою пользу. Послѣ минутнаго совѣщанія со своими приближенными, политком объявил мнѣ:

Вы оправданы и можете итти.

Я просил политкома выдать в том удостовѣреніе, что бы я мог оградить себя от могущих быть неприятностей, Политком сначала отказался, так как не имѣл печати, а потом выдал мнѣ записку карандашем:

„Солидарен с совѣтской властью“.

Первый же патруль меня задержал, не придав значенія запискѣ. Я вернулся к политкому, и он выдал удостовѣреніе по формѣ.

Я вторично пустился в путь.

Встрѣчный патруль меня остановил и, когда я пред'явил свое удостовѣреніе, один из солдат спросил меня:

Какой національности.

Я отвѣтил столь счастливой для меня фразой:

— Я солдат арміи труда и революціи.

Солдат на это сказал:

— Я сам интернационалист, однако интересно:

Не еврей ли вы.

Я отвѣтил:

— Для интернационалиста вопрос о принадлежности к нации немислим.

Солдат, махнув рукой, как бы желая отвязаться от чего-то неприятнаго, отпустил меня...

„Успокоеніе“.

...3-го марта погром в Россавѣ окончился...

Солдаты покинули деревню, россавскіе евреи стали собирать убитых и хоронить в братскую могилѣ. Так закончила маленькая деревня свою длинную исторію грабежей, жестокостей и убійств. Через двѣ недѣли, когда пробрались сюда люди от комитета помощи, оставалась еще неприкосновенной декоративная, так сказать, сторона безконечно большаго несчастья: поломаныя двери, окна, обломки дерева, стекла... всякаго рода испорченныя товары...

...и кровь, еще несмытая, человѣческая кровь—в пустых домах, в открытых магазинах, на улицѣ...

.. Никому и в голову не приходит убирать, подметать и чистить,—до того каждый еще обят ужасом несчастья, до того еще сильна овладѣвшая всѣми апатія...

...и отчаянія...

VII.

„Уманьская рѣзня“.

Умань—уѣздный город кievской губерніи с населеніем в 60-65 тысячъ человѣкъ. Из них приблизительно, в средних цифрах, евреев 35-40 тысячъ, украинцев и русскихъ тысячъ 20 и поляков около 3 тысячъ. Евреи составляют подавляющее большинство в городѣ, занимая центральныя улицы и весь охватывающій их район, кромѣ нѣкоторыхъ улочек, гдѣ живет зажиточное польское населеніе, украинско-русское чиновничество и вообще мѣстная, так называемая, христіанская аристократія. Предмѣстья заселены в подавляющемъ большинствѣ мѣщанами. Еврейское населеніе занимается главнымъ образомъ мелкими ремеслами и торговлей. Довольно великъ был процентъ вольныхъ профессій: врачей, юристов, акушерок, фельдшеров, маклеров по торговлѣ хлѣбом, а также процентъ людей тяжелаго труда: ломовиков, носильщиков, водовозов, пильщиков, чернорабочих. Громаднѣйшая часть еврейскаго населенія жила в бѣдности и нуждѣ, за исключеніемъ десятка бога-

чей и сотен состоятельных. Взаимное отношеніе между евреями и другими частями населенія никогда по существу не были хорошими, особенно начиная с 1902-3 года, начала гоненій на евреев за их „революціонность“ и событіи октября 1905 года, когда чернью, при сочувствіи христіанскаго чиновничества и духовенства, был устроен погром с 3 жертвами.

Потом были годы „худого“ мира.

Революція 1917 года в началѣ содѣйствовала улучшенію отношеній, но уже во дни власти Директоріи, отношеніе к евреям было полно ненависти и желанія мстить. Власть обвиняла их в том, что они сплошь большевики. Гайдамаки издѣвались на улицах над евреями, избивали их, грабили, при полной безнаказанности. Были и случаи убійств. Одного еврея схватили на улицѣ и за казармами замучили на смерть, сломав руки и ноги, и кинули голову в помойную яму.

...Жили в непрестанном кошмарѣ..

„Тихій період“.

11-го марта ночью войска Директоріи эвакуировались и утром вошли совѣтскіе партизанскіе отряды. „Начались грабежи и насилія“,—повѣствует уманская хроника, пока эти отряды не смѣнили болѣе дисциплинированные. Но 17-го марта большевики бѣжали. Вошли гайдамаки. Еврейское населеніе пережило невѣроятную панику, однако думским дѣятелям удалось отговорить начальника отряда от намѣренной устроить погром. 22-го марта гайдамаки бѣжали, вступили большевики. Это был 8-й украинскій совѣтскій полк, куда зачислились в большом количествѣ извѣстные Умани профессиональные воры, грабители и другіе преступники, бѣжавшіе из тюрьмы. „Снова, но в больших размѣрах, начались грабежи населенія, преимущественно еврейскаго“,—повѣствует хроника. Насилій над людьми не было, однако.

Затѣм идет період относительнаго спокойствія.

Он продолжался мѣсяца полтора.

Совѣтская власть наложила на город 15-ти-миліонную контрибуцію, бѣльевую повинность, и произвела ряд весьма крупных реквизицій. Часть богатаго и зажиточнаго населенія была арестована, часть побывала на общественных работах. К этому же времени относится начало крупной противосовѣтской агитаціи, поведенной врагами ея среди христіанскаго населенія, преимущественно украинско-русскаго чиновничества, духовенства и окраиннаго мѣщанства.

Главныя мотивы ея—антисемитскіе.

В кругах отсталых и темных масс распускали слухи о том, что власть принадлежит „жидам“, что они закрыли православныя церкви и превратили их в конюшни, что боль-

шевики это почти исключительно „жиды“, что они отберут у мѣщан всю их собственность. И распускался еще ряд провокационных и подтасованных извѣстій, слухов и выдумок.

А в городѣ росла дороговизна, безработица.

Дѣйствія большевиков, среди которых было много ограниченных и невѣжественных людей, раба чрезвычайки, конфискации, реквизиции и ряд слишком рѣзких мѣропріятій в разных областях жизни, сбивали с толка и сильно озлобляли темную мѣщанскую массу, искони являющуюся послушным орудіем в руках почти сплошь юдофобскаго духовенства, чиновничества, служилаго и торговаго элемента. Большую роль играл в этом усугубленіи вражды к еврейскому населенію мѣстный священник Никольскій, челоуѣкъ большого вліянія. Еще при Керенском, он вел яростную монархическую и антисемитскую агитацию, за что был выслан из Умани в Кіев. Но это обстоятельство тогда еще чуть не вызвало погрома в городѣ, так как мѣщане силою вознамѣрились не выпускать священника из города, и он был возвращен в Умань по просьбам представителей еврейскаго населенія. Это не избавило их от его кровожадных призывов...

Так было в городѣ.

В деревнѣ же шла организациія возстанія против совѣтской власти, которую вели агенты Директоріи и вообще крестьяне и деревенскіе интеллигенты. Велась агитациія среди уманьскаго гарнизона, имѣющая тоже главным мотивом антисемитизм, хотя и велась украинскими лѣвыми эсерами.

Штогрин и Клименко были ея руководителями.

В серединѣ апрѣля они подняли вооруженное возстаніе гарнизона, арестовали исполком, смѣстили евреев комиссаров. Но карательный отряд из Винницы разоружил гарнизон и установил порядок. Штогрин и Клименко бѣжали в уѣзд и своей агитацией в короткій срок возстановили против совѣтской власти все селянство уманщины. Неизмѣнным козырем этой агитациі явилось указаніе на то, что власть над народом захватили „чужемцы“...

— „Пришлые... жиды“.

Штогрин сам уманец, учившійся в уманьском училищѣ садоводства, был видным политическим дѣятелем и пользовался симпатіями, как защитник интересов крестьян. Он требовал представленія лѣвым эсерам мѣст в исполкомѣ и вообще реорганизациі совѣта и исполкома так, что бы в большинствѣ был представлен христіанскій элемент. Не добившись этого, сдѣлался руководителем повстанцев. В послѣдствіи на допросѣ Ч. К. ему ставили обвиненіе, что он вел антисемитскую агитацию.

И спрашивали:

— Неужели вы не понимали, что это может вызвать еврейскій погром.

Он заявил, что действительно звал крестьян на погром:
— Ибо иначе поднять крестьян нельзя было.

Он был застрѣян.

Послѣ разстрѣла его повстанческая волна усилилась, поднялись крестьяне почти всѣх окрестных деревень и под предводительством Клименко пошли в город. Все время знали, что повстанцы стоят кругом города, однако вступленія их в самый город не ждали.

Но вскорѣ стало ясно, что слабым совѣтским отрядам не справиться с ними, ибо число их все росло, возстаніе охватило всю Уманьщину. Повстанцы, получивши извѣстный антисемитскій универсал Григорьева, присоединились к нему и общим штурмом пошли на город.

Совѣтскія войска отступили.

Повстанцы хлынули в беззащитный город со всѣх дорог. Первая волна состояла из деревенских крестьян самых различных возрастов, начиная от подростков и кончая бородатыми стариками. Многіе вооруженные косами, граблями, а то и просто большими бѣлыми палками. Крупная часть была вооружена винтовками, револьверами самых различных систем, шашками, саблями. Вообще первое движеніе толпы в город производило впечатлѣніе побѣднаго движенія одолѣвших город деревенских крестьян. Главная масса вошла со стороны вокзала около 11 часов утра 12 мая.

„Уманьская рѣзня“.

Безпрерывно стрѣляя, большею частью вверх, повстанцы бросились к помѣщеніям бывших совѣтских учреждений. Разрѣзали провода, забрали оружіе. Еврейское населеніе в паникѣ попряталось по домам, в чердаках и погребах. Многіе нашли пріют у знакомых им христіан-интеллигентов, благодаря чему они избавились от грабежа, избіенія или убійства. Извѣстно до 30-ти случаев укрыванія у себя христіанами евреев и активнаго и пассивнаго заступничества за них. Было около пяти случаев, когда христіане с опасностью для себя самых, заступились и спасли от разгрома или смерти евреев.

Бѣгая по учрежденіям, крестьяне искали:

— Коммунистов.

Потом стали врываться в частныя квартиры, преимущественно еврейскія, и кричали:

— Выдавайте коммунистов.

В трех квартирах, гдѣ побывали деревенскіе крестьяне, они искали только оружія или коммунистов, не грабя и не убивая никого.

Так было, однако, до 5-ти часов 12 мая.

К этому часу к повстанцам примкнули успѣвшіе вооружиться частью припрятанным для такого случая, частью раздобытым оружіем мѣстные мѣщане, из предмѣстья, а также воры, грабители, убійцы, бѣжавшіе в свое время из тюрьмы и гулявшие на свободѣ. Элементы искони антисемитскіе, они немедленно измѣнили всю картину событій. Под вліяніем яростной антисемитской агитаціи, они пришли в кровавое возбужденіе. Надо замѣтить, однако, что меньше всего крови пролило чисто деревенское крестьянство, из среды котораго иногда находились защитники невинных. Наконец, за деньги мнѣгіе евреи откупались от крестьян. Рѣзали и разстрѣливали преимущественно цыгане, пришедшіе вмѣстѣ с повстанцами, городскіе мѣщане, жители окраины и предмѣстій и преступники, а также крестьяне села Старые Баны, откуда был родом разстрѣлянный Штогрин.

...Обычная картина...

Разсыпавшіяся по городу отдѣльныя толпы обходили квартиры, гдѣ производили обыски и осмотр людей и документов, ища оружія и коммунистов. Исключая трех случаев, гдѣ обыски производились идейными повстанцами или по предписаніям повстанческой власти, обыски неизмѣнно кончались открытым грабежом, избіеніями и убійствами.

Требовали:

Коммунистов и оружія... или к стѣнкѣ.

Или начинали с крика:

Денег... давайте денег, жида!

И истязали и убивали до и послѣ полученія денег.

Руководимые мѣстными преступниками, направлялись в хорошо извѣстные им квартиры богатых и зажиточных евреев. Во многих мѣстах подбрасывали оружіе, что влекло за собой или громадный выкуп или разстрѣл всѣх захваченных в квартирѣ. Случаи убійства цѣлых семейств многочисленны. Был случай убійства цѣлой семьи Богданиса, в которой был старик 95 лѣтъ, зять его, дочь, внук и правнук. Были случаи примѣненія пытки и звѣрских мученій, отрѣзаніе рук, ног, ушей, носа, грудей у женщин.

...Убили мужа и отца женщины, заслонившей их своим тѣлом. Она сама при этом была ранена пулей в грудь. Женщина эта была беременна и на другой день родила мальчика, при чем в квартирѣ на полу лежали три трупа убитых, в том числѣ ея мужа и отца.

...Много изнасилованных...

Много случаев глубочайшаго моральнаго растлѣнія. За красным крестом на полѣ было разстрѣляно 5 евреев, из которых один, старый еврей, с бѣлой бородой, не был убит сразу, а долго мучился в агоніи. Это привлекло к себѣ вниманіе христіанских дѣтей даннаго района.

Они стали добывать его камнями.

Недалеко оттуда бандитами же был разстрѣлян какой то еврей, упавшій убитым. Его подняли и привязали веревками стоя к забору, а потом долго упражнялись в стрѣльбѣ в человѣческую мишень.

...Во дворѣ дома Когана было разстрѣляно 9 мужчин и одна молодая беременная женщина. Эта женщина бросилась спасать мужа и упала, сраженная пулей прямо в живот. Убийцы тотчас же стали выражать сожалѣніе, что стрѣляли в эту молодую красивую женщину и даже пытались спасти ее: предложили матери взять ее в больницу и вылѣчить. Особенно один был потрясен добровольной и героической смертью этой женщины. Во многих домах, куда он врывался при дальнѣйших налетах, он хмуро, с сожалѣніем говорил:

Ось убили мы в домѣ Когана гарну жидивку. Як вона подивилась на менѣ перед смертью, то я вже очи той жидивки николи не забуду.

...Как разнообразны душевныя движенія в этой темной звѣриной массѣ. Студента К. тащили уже к разстрѣлу, требовали каких-то два револьвера и никакія убѣжденія и просьбы родителей не помогали. С ним вели еще 2-х молодых людей. Вдруг один из них упал в обморок, произошла заминка. Громилы их оставили уже в покоѣ и хотѣли уйти. Но через нѣкоторое время вернулись за студентом. Увидѣвъ, что тот не убѣжал во время замѣшательства и готов с ними идти, они с удовольствіем констатировали:

— А вин не утик.

И оставили его в покоѣ.

...Один мѣщанин укрыв двух братьев-евреев от погромщиков, но затѣм, напад врасплох на спящих, ограбил и убил обоих, выбросив их тѣла на чужой огород.

Три дня шли убійства.

12, 13 и 14 мая.

Всѣ трупы найдены голыми или полураздѣтыми. И в то время, как город постепенно превращался в обширное еврейское кладбище, христіане мирно жили в домах своих, благочестиво возжигая лампы перед иконами. Какому Богу они молились? Часто, когда в одной половинѣ дома, у евреев, шел разгром и убійства, в другой половинѣ христіане чувствовали себя спокойно, оклеив стѣны крестами и выставив на окнах образа. Достаточно было иногда, по свидѣтельству большинства евреев, что-бы христіанин удостовѣрил, что он знает данных евреев, как благонадежных и честных людей, что-бы бандиты никого не трогали. Случаи защиты так рѣдки, но тѣм рѣзче они стоят перед глазами. На торговой улицѣ христіанин офицер спас своим вмѣшательством цѣлую улицу, в то время как в других случаях чиновники,

интеллигенція вполнѣ равнодушно наблюдала сцены погрома и убійств своих сосѣдей, не дѣлая никаких попыток вмѣшательства. В иных случаях были даже картины злорадства, особенно со стороны поляков, закрыванія дверей перед молившими о защитѣ, а иногда и прямого наускиванія.

Но надо отмѣтить, что даже черносотенный священник Никольскій, укрывал у себя евреев.

...Ученики идут всега дальше учителей.

14-го массовый погром кончился.

В приказѣ главнокомандующаго писалось:

— „Жидовска влада скинута“.

Разрѣшено было похоронить убитых.

Из домов и улиц сваливали на телѣги тѣла и свозили их на еврейское кладбище, гдѣ предали землѣ в огромных 3-х общих ямах. Отдѣльных могил евреям копать не позволяли. Когда согнанные для уборки и похорон трупов евреи, в числѣ коих были отцы, матери, жены, братья, сестры и дѣти убитых, плача рыли яму, повстанцы всячески смѣялись и издѣвались над ними.

Передразнивали их.

Не давали женщинам плакать, грозя оружіем.

Проходившія мимо кладбища группы повстанцев, при видѣ похорон, запѣвали веселыя пѣсни. Однако, нѣкоторые крестьяне, особенно женщины, плакали при видѣ огромных куч убитых.

..Через нѣсколько дней родственники убитых отправились на кладбище, чтобы разрыть братскую могилу и перенести трупы в отдѣльныя могилы. Но толпа мѣщан,—в большинствѣ участники погромов,—преградили им дорогу и заявили, что не позволят беспокоить мертвецов.

— Нельзя их тревожить, а то они разсердятся и будут нам мстить...

...Всего убито до 400 человек...

Мытарства.

Рѣзня в Умани кончилась.

Но она раскинулась по всей Уманщинѣ.

Вездѣ, гдѣ только жили евреи, их громили и убивали, причем, процент убитых и разгромленных евреев в селах и мѣстечках неизмѣнно был выше процента пострадавших евреев города. В рѣзнѣ и погромах принимали главное участіе бродившія по уѣзду повстанческія банды. Но во многих мѣстах, наряду с крестьянами чужих сел, в погромѣ и убійствах принимали участіе и односельчане евреев, зачастую сосѣди, знавшіе их десятками лѣт и наблюдавшіе жизнь этих трудовых, почти поголовно живших в бѣдности и нуждѣ, евреев.

Оставшіеся в живых бѣжали.

Бѣжали с насиженных мѣст куда глаза глядят,—по дорогам, запруженным повстанцами.

Многіе погибали в пути.

Тѣла их не отысканы понынѣ.

Часть бѣжала в Умань, гдѣ ютилась среди городской бѣдноты в синагогах, под открытым небом.

...Но и в самой Умани, хотя рѣзня кончилась, не кончились еврейскія мятарства Гоненія и преслѣдованія еврейскаго населенія в самых разных видах не прекращались во все время пребыванія повстанцев. Самым тяжелым видом преслѣдованія был отказ окрестных крестьян и мѣстных торговцев и торговок продавать что-бы то ни было евреям, особенно сѣстные припасы. Повстанцы-крестьяне говорили:

— Уморим жидов голодом.

Окраинные и живушіе вблизи дорог мѣщане, и агитировали среди крестьян не продавать евреям ничего, а сами скупали у них продукты за безцѣнок и взвизчивали цѣны. Они же распространяли слухи, что евреи отравили колодцы, вызывая у крестьян опасенія прѣзжать на базары. Пришлось даже назначить комиссію из врачей, которая опубликовала обращеніе к населенію,—что воду можно пить. Иногда у евреев отнимали купленный ими у добрых крестьян хлѣб..

Избивали и арестовывали при этом.

Часто на базарѣ отказывались продавать хлѣб крестьянам, с виду похожим на евреев.

— Ма быть жидивка.

В то же время часть штаба Клименко и повстанцев была не довольна им за то, что он запретил дальнѣйшіе погромы и рѣзню евреев и открыто обвиняли его, зло говоря:

— Продялся жидам.

Евреи жили под вѣчной угрозой.

Но на селянском с'ѣздѣ, созванном повстанцами, многіе украинцы говорили рѣчи против погрома и в защиту евреев, при чем с'ѣзд, руководство на котором принадлежало не лѣвым эсерам, каким считал себя Клеменко, а сторонникам Директоріи—принял и выслушал еврейскую делегацію. И с'ѣзд отрицательно отнесся к погрому и враждебно к городским мѣщанам, духовенству и чиновничеству, единственно виновному, по мнѣнію с'ѣзда, в погромѣ. Крестьянство же, по мнѣнію ораторов, не принимало никакого участія в этом злом дѣлѣ, прикрытом лозунгами борьбы с большевиками. Доказано, что из числа убитых евреев не оказалось:

— Ни одного „коммуниста“.

Было убито без суда и приказа властью крестьян лишь два коммуниста, но оба убитых—христіане украинцы.

...Так шла борьба вокруг еврейскаго вопроса.

А евреи жили в непрестанной паникѣ.

Придавленное и ошеломленное пережитым, еврейство сидѣло по домам, не выходило на улицу. Всѣ приказы и требованія властей открыть магазины и приступить к обычной дѣятельности не имѣли никакого вліянія.

Город имѣл жуткій, онѣмѣвшій вид.

Улицы были безлюдны.

Не выходили даже христіане.

.....

...Между тѣм повстанческая армія разлагалась, боевое настроеніе повстанцев падало. Крестьяне уходили по домам, унося вооруженіе. Многие увозили на подводах в деревни награбленное при погромѣ различное еврейское добро и товары из магазинов. Часть крестьян ужасалась тому, что пролито было столько невинной крови, и, не ожидая хороших послѣдствій, разѣхалась по домам. Неувѣренность и тревога охватила повстанцев, особенно в послѣдніе дни, когда совѣтскія войска перешли в наступленіе.

22-го мая артиллерійская стрѣльба.

Всю ночь шел бой.

И вот в Умань вступили красно-армейцы.

...8-ой украинскій совѣтскій полк...

„Тотчас же с перваго дня прихода этого полка в Умань,—повѣствует уманская хроника,—начались в городѣ нескончаемые массовые грабежи, главным образом еврейскаго населенія, носившіе в нѣкоторых мѣстах и в нѣкоторые дни характер сплошнаго погрома“. Вооруженные люди с красными бантами, красными шарфами и перевязками, верхом на убранном красными ленточками лошадях, с нагайками, револьверами, шашками, ружьями и во многих случаях даже пулеметами, врываются в квартиры. Начав с какого-нибудь предлога, или просто без предлога, производили разгром и расхищеніе.

Требовали:

— Денег.

Забирали цѣнности.

Избивали... издѣвались... пытали.

И убивали.

В теченіе шести недѣль все населеніе Умани, особенно еврейское, было в полной власти организованных, отлично вооруженных отрядов, бандитов и погромщиков, с которыми высшія военныя власти не могли справиться. Многие квартиры жителей евреев и христіан, были разгромлены по нѣскольکو раз; из них было забрано буквально все, что в них находилось, включая подушки, одеяла...

И даже грязное бѣлье. Никакой защиты никто не оказывал.

Было, правда, до десяти случаев разстрѣла бандитов, но они всё принадлежали к составу полка. Главные организаторы разгромов остались вполне безнаказанными, будучи хорошо известными высшим властям. К тому же настроеніе весьма многих солдат полка было ярко антисемитским и случаи оказанія защиты евреям вызывали в них злобу и ярость против защитников и защищаемых. Не раз хлопотали представители уманьской власти о переводѣ этого полка, но смѣна не могла произойти из-за критическаго положенія на фронтах, к тому же полк считался крупной боевой единицей и показал себя грозной для повстанцев силой, разгромив на голову в нѣкоторых боях отряды атаманов Тютюнника, Попова и Клименко.

Громил он и населеніе.

Совершались насилія, превосходившія по своему характеру ужасы погрома. Бывали случаи, когда бандиты среди бѣлаго дня, на улицѣ, в присутствіи многих вооруженных людей, раздѣвали до гола мужчин и женщин, насилуя послѣдних чуть ли не на улицах, на виду прохожих, безсильных что-либо предпринять.

...Голой красноармеец среди бѣлаго дня на Нижне-Николаевской улицѣ, послѣ купанія в бадѣ из-под бѣлья, набросился на проходившую 35-ти-лѣтнюю женщину.

И изнасиловал ее...

Избиенія, ограбленія, пьяные скандалы, издѣвательства и стрѣльба стали самыми обычными явленіями, на которыхъ никто даже не жаловался. Украшенные огромными красными шарфами и бантами, вооруженные люди останавливали изрѣдка проходивших улицу евреев вопросами:

— Ты жид?

И избивали нагайками до полусмерти.

Вражда к евреям и антисемитизм были самыми яркими признаками людей в красных шарфах и бантах, грозивших безпрестанно:

— Перерѣзать всѣх жидов.

...И приходивших в ярость от соприкосновенія со всѣм, что имѣло отношеніе к евреям. Не покупали даже сѣмячек у бѣдных христіанских женщин, запоздорѣнных в том, что онѣ жидовки, и отказывали в милости нищему мальчику на том же основаніи:

— Жид.

...Неподалеко в селѣ едва не зарубили еврейскую дѣвушку за то, что она по их мнѣнію:

Красотой смущает мужчин.

...В то же время в 8-м полку находилось довольно большое число евреев-добровольцев, часть которых состояла

из мѣстнаго преступнаго элемента—евреев-воров—они, если не грабили сами, то приводили за обѣщаніе награды в квартиры зажиточнаго населенія, хорошо им извѣстнаго...

...Всякая торгово-промышленная и иная жизнь была совершенно парализована в городѣ и в уѣздѣ. Магазины и мастерскія, несмотря на всѣ приказы, оставались закрытыми в теченіе двух мѣсяцев, и улицы даже днем продолжали оставаться жутко-безлюдными. По ним видны были лишь исключительно вооруженные люди, по большей частью пьяные, раз'ѣзжавшіе по тротуарам, оглушая воздух пьяными пѣснями, руготней и стрѣльбой в воздух.

...Днем и ночью...

...Еврейское населеніе, обнищавшее и лишзненное того жалкаго добра, которое осталось послѣ повстанческаго погрома, оставшіеся зачастую без кормильцев, убитых во время погромов, без всяких средств к существованію, терроризованное антисемитски-настроенными бандами в красных бантах, переживали неописуемо-мучительные дни. Жизнь стала в глазах многих неимѣющей большого значенія. Люди жаждали только какого-либо избавленія от мучивших их бандитов. Страстная жажда избавленія родила ряд фантастических выдумок, вродѣ договора между Антантой и Германіей относительно защиты послѣдней еврейства на Украинѣ.. или сообщенія о том, будто на Украину в помощь истребляемаго еврейства двигается какой-то еврейско-американскій отряд, имѣющій прійти в Умань к опредѣленно-указанному числу. Мучительная жажда избавленія стала всеобщей..

Наконец...

8-й полк ушел ..

Но на смѣну приходили другіе.

Мѣнялся фронт.

Отовсюду грозили повстанцы.

...Страшныя банды с страшными атаманами...

Грядущее сулило только ужасы.

...так и до сего дня...

VIII.

Чернобыльскія хроника.

(Дневник еврея).

7-е апрѣля.

В шесть часов вечера по городу разнеслись упорные слухи, что наступлет Струк. Спустя час появился верховой с развѣдкой, разгоняя толпу:

— По домам, Струк наступает.

Словно радио, эта вѣсть облетѣла весь город, ужас охватил жителей. Всѣ стали удирать: кто лодкой, кто подводой. На улицах чувствовалось нѣчто предвѣщающее катастрофу, — зловѣщее, таинственное. Всюду слышался стук затворяемых ставень. Потом наступила тишина, как перед грозой. Всѣ попрятались, с замираніем сердца ожидали.

В 9 часов вечера началась пальба.

До полночи трещали ружья и пулеметы.

Дрожа от ужаса, мы не находили себѣ мѣста, гдѣ укрыться, надѣясь все на побѣду большевиков, как вдруг раздался специфическій, извѣстный нам по предыдущим вступленіям звук трубы.

И крик:

— Кавалерія вперед, пѣхота к работѣ.

Мы поняли, что Струк вступил в город.

Прислушивались в смертельном томленіи.

По всѣм улицам, со всѣх сторон, раздавались выстрѣлы, звон разбитых стекол, гул, шум, душераздирающіе визги и крики. Вооруженные бандиты врываются в квартиры и стрѣляют, убивают.

Подходят к каждому дому с криком:

— Жиды коммунисты, откройте, а то убью...

— Перерѣжем...

— Утопим всѣх как собак... Хозяин, отчини.

Мы таились в ужасѣ и оцѣпненіи.

Вот подходят к нашему дому.

Начали стучать, послышался громовой удар, выстрѣл у наших дверей. Я рѣшил пожертвовать своей жизнью, — дѣтей спрятал в погреб и открыл дверь. С озвѣрелыми лицами, налитыми кровью глазами, кричали:

— К стѣнѣ, жиды-коммунисты. Уже успѣли прійти с позиціи и попрятаться дома.

Цѣлили револьвером.

— Гдѣ твои молодые коммунисты?

А кто-то сзади кричал:

— Для чего вы нашу церковь осквернили?

Я упал от ужаса с плачем.

Молил о пощадѣ.

Они кричали:

— Если хочешь остаться живым, отдай все твое добро.

Обыскали.

Забрали часы и 3 тысячи рублей.

Ушли, говоря:

— Все равно завтра всѣх жидов потопим.

Я пошел к дѣтям, успокоил их, что вот отдѣлался деньгами и остался живь.

Дѣти меня провожали плачем, а я их просил до утра не выходить из погребя.

Кругом слышны были адскіе крики, дѣтскіе визги, выстрѣлы в домах и крики:

— Гвалд... ратуйте... за что убиваете?!

Отовсюду несутся истерическіе дикіе крики терзаемых евреев.

Спустя час снова стук у моих дверей.

— Жиды, отчините!

Ворвались.

— К стѣнкѣ.

Снова цѣлят в меня.

— Оружіе давай... деньги давай... убьем.

Я им отдал три тысячи рублей.

Забрали мыло, духи, электрическіе фонари, разбрелись по комнатам, забрали одежду.

Ушли, заявляя:

— Все равно завтра вас отправим в Екатеринослав самоплавом.

Смѣялись уходя:

— Ох... будет завтра всѣм жидам... перерѣжем и перетопим.

К пяти часам постучала новая партія.

Она, как оказалось позже, спасла нас от смерти. Среди нея находился нѣкій Харитон Сергѣенко, жившій у меня еще во время нашествія Лазнюка.

С плачем умолял я его о защитѣ.

Он говорил:

Почему убили Гордѣенко, почему жиды-коммунисты на позицію выступили.

Я ему раз'яснил, что мирные граждане в этом не повинны.

Он спросил, гдѣ дѣти, и посоветовал мнѣ позвать дѣтей, увѣряя, что не допустит банд.

8-го Апрелья.

Утром узнал, что по всему городу варфоломеевская ночь не миновала ни одного еврея. Я подхожу к окну. . передо мной ужасная картина, ледяющая душу. Бандиты с голыми шашками носят тюки и драгоцѣнности, базар полон крестьянскими телѣгами,—оказалось: перед наступленіем Струк распорядился чтобы всѣ крестьяне с подводами слѣдовали за арміей грабить и принимать участіе в погромѣ; солдаты и крестьяне взламывают замки и двери и расхищают товар. Из квартир тащат подушки, перины, одежду, сахар, домашній скраб.

Распивают по улицам вино и наливку.

Вот и к нашему дому под'ѣзжает подвода, но Сергиенко выходит к ним и говорит:

Здѣсь уже все забрано.

Забѣгает бандит в еврейском капотѣ.

— Жиды-коммунисты, спекулянты, гдѣ вы?

Но Сергиенко его прогоняет.

Днем Струк устроил у церкви митинг для арміи и крестьян, присутствовала тысячная толпа.

Он призывал:

— Бей жидов, спасай Украину!

Он говорил:

Жиды оскверняли церковь, выбросили иконы из гимназіи, убили Гордиенко...

У народа разгорѣлись страсти.

С под'ѣмом, с энтузіазмом пошли убивать, топить и грабить. В наш двор ворвалась банда солдат и крестьян, они в диком озвѣреніи кричали:

— Гей, вы... у вас в погребѣ спрячутся коммунисты.

Насѣдали на меня.

— Чи ты русскій, чи ты жид?

Я вооружился смѣлостью и отвѣтил:

— Всѣ равны.

— Ага, значит жид.

Ударили прикладом.

— Ходим в штаб... али на Екатеринослав.

К счастью подскочил Сергиенко и уговорил не трогать меня. Они обыскали дом, погреб и ушли. К вечеру я узнал, что в городѣ ужас и трагедія. Сафьяна и Гуревича заставили пойти бросать в рѣку убитых евреев. В домѣ Запольскаго ранили старика, убили сына, остальных двух сыновей забрали с собой, заставили их собрать убитых и бросить в рѣку, послѣ чего и их самых туда бросили. Десять человек забрали из синагоги, избивали, продѣлывали над ними инквизиционные пытки, заставляли их пѣть на улицѣ.

Разстрѣляли и бросили в рѣку.

9-го Апрелья.

Погром продолжается во всей своей широтѣ, каждого попадающагося молодого еврея принимают за коммуниста и убивают. Бандиты расхаживают по городу, грабят и ведут к рѣкѣ, но, прельщаясь деньгами, большею частью освобождают. Мѣстные мѣщане расхаживают по городу, как будто это к ним не относится, и со скрытым злорадством взирают на ужасы...

10-го Апрелья.

Погром продолжается.

Ходят по домам, все попадающее под руки, забира-

ют, ищут у евреев оружія, многих арестовывают. Дома, оставленные жильцами, разрушаются вплоть до превращенія в пепел.

Пронесся слух:

Большевики наступают на пароходъ из Кіева. В теченіе получаса город опустѣл, солдаты уѣхали к рѣчкѣ Ушѣ. Но наступленіе оказалось мифом, и солдаты, возвратившись, говорили:

— Ваше счастье, что не было наступленія, а то бы ни одного жида не оставили в Чернобылѣ.

К вечеру сильные обыски.

Нѣкоего Смоленскаго нашли на чердакѣ, повели в штаб, но по дорогѣ застрѣлили.

11-го апрѣля.

Нѣсколько спокойнѣе.

Награбленное попрежнему носят, но рѣже.

Струк через старосту заявил, чтобы евреи собрались в синагогу. Трепет всѣх охватил. Я тоже пошел в синагогу.

По дорогѣ остановили солдаты:

— Жид, куда идешь?

Я отвѣтил:

— Пан атаман пригласил нас в синагогу.

— В синагогѣ я видѣл много женщин, рыдающих, и нѣсколько стариков. Я призывал прекратить плач и стон и обдумать, как облегчить создавшееся положеніе.

Вдруг заходит пьяный Алеша.

Он успѣл уже многих потопить и теперь, в каскѣ, держа в одной рукѣ голую шашку, в другой револьвер, обращается к нам с рѣчью:

— Жидовня! Всѣх вас надо с корнем убить, дѣтей, мелодых, да и стариков изрубить.

Я со слезами умолял его о пощадѣ.

Доказывал нашу невинность.

Грозя мнѣ револьвером, он отвѣтил:

— Я со Струком не считаюсь, я сам по себѣ. Если дадите мнѣ 100 000, оставлю вас в живых.

Мы обѣщали собрать, и он ушел.

Всѣ, как один человек, рѣшили отдать до послѣдней копейки, искупить себя от смерти, и тут же собрали нѣкоторое количество денег и выбрали специальную комиссію.

Спустя полчаса вошел Струк.

Я обратился к нему с привѣтственной рѣчью, обѣщав за всѣх ему повиноваться, разъясняя ему, что мы невинные страдаем и являемся козлом отпущенія.

Мы не коммунисты, вѣдь виновные удрали всѣ до одного.

Он отвѣтил:

— Погром постараюсь прекратить.

12-го апрѣля.

Еврейскія женщины поодинокѣ, как бы крадучись, стали появляться на улицах. У меня в домѣ собралась коммиссія. Струк потребовал денег для содержанія арміи. Ему дали 30.000 рублей и предводителям его, Кравченко, Фещенко и другим, по 5000 рублей, всего 60.000 рублей.

13-го апрѣля.

Погром принялъ хроническій характер.

По всѣм домам бандиты продолжают свое дѣйствіе, бывают единичные случаи убійства и бросанія в рѣку, получаютсѣ свѣдѣнія о погромах из окружающих деревень. В Гацановичах крестьяне убили старика, жену его и дочь. В Кошовкѣ отца и сына, в Нагарцах зажгли еврейскій дом и загнали туда евреев..

14-го апрѣля.

Кравченко прислал новую замѣтку:

„Негайно доставити 25.000 рублей, а то будете считаться нашими врагами и коротить по часу войскового стану“.

Мы собрали.

Послали к нему с деньгами делегацію.

Он отвѣтил, что фактически „хлопцам дали 24 часа погулять, но хлопцев нельзя удержать“. Все же обѣщал завтра выпустить об'явленіе о прекращеніи грабежа,

15-го апрѣля.

Появились на улицах нѣкоторые евреи, удрученные, мрачные, с поникшей головой. Замѣтно кой-какое движеніе на базарѣ. Бандиты расхаживают по городу, проявляя свои дѣйствія. К вечеру по арміи был приказ, что через час прѣзжает к ним делегація из Межигорья от Зеленаго, обсуждать совмѣстное наступленіе на Кіев, и еврейским музыкантам велѣно встрѣтить делегацію церемоніальным маршем. Евреи, вмѣсто исправленія традиціоннаго „седера“, удрали в погребя, попрятались по норах, предчувствуя новую бѣду. По ночам налеты на квартиры, насилія, издѣвательства, грабежи.

16-го апрѣля.

Арестовывают много невинных молодых людей, мотивируя, что они коммунисты. Ходят по квартирам со списком

коммунистов. Однофамильцев избивают шомполами, шашками до потери сознания.

17-го апрѣля.

Каждая минута грозит новой провокаціей. В домах дѣлают тщательные обыски, подбрасывают ружья, потом ведут в штаб, вымогают послѣдніе гроши и забирают послѣдніе крохи.

18-го апрѣля.

Одну еврейку тащат к рѣкѣ по той причинѣ, будто какой-то русскій мальчик заявил, что эта женщина сказала: у русских будет такая же пасха, как у евреев. Цѣлую семью тащат к рѣкѣ за то, что они будто бы имѣют сношеніе с Кіевом. Канун русской Пасхи еще больше волнует нас. Собравшіеся в церкви волнуются: кто-то пустил слух, что евреи бросят бомбу в церковь. По дорогѣ в Чернобыль возили убитых деревенских евреев, но из одчай деревни вышло нѣсколько крестьян и побросали их в рѣку.

19-го апрѣля.

Получена на имя комиссіи замѣтка: „негайно доставити в штаб сто пар бѣлья и пять костюмов“. Бѣготня по всѣм улицам, многіе отдают послѣднюю рубаху, ибо все увезено и разгромлено. В теченіе дня с трудом достали 60 пар бѣлья и отнесли в штаб. По городу расклеены об'явленія о прекращеніи грабежа. Патрули останавливают грабителей, нагруженных тюками, говоря лаконически:

— Знаете, приказано не грабить, ступайте.

20-го апрѣля.

Нѣт минуты без волненія.

Приходят пострадавшіе ко мнѣ, заявляют о постигшем горѣ: у того корову забрали, у другого лошадь, у третьяго подушку послѣднюю. По ночам творятся ужасы.

Вдруг забѣгает одна дѣвушка в слезах.

— Гвалд, с из шлехт, идин. Печатаются у Рыслина об'явленія о поголовном избіеніи евреев.

Нѣсколько челоувѣк пошло узнать.

Жена Рыслина прибѣгает взволнованная.

— Евреи, спасайтесь, гдѣ можете, нашего наборщика патрули заперли в типографіи и под угрозой заставляют печатать „Выдозву“.

Вѣсть облетѣла город.

...Новая бѣда, новое несчастье.

21-го апрѣля.

10.000 экземпляров „Выдозвы“ разослали по деревням и роздали солдатам. Мы пошли к Струку совмѣстно со священниками и судаем. Он отвѣтил, что грабежей больше не будет, ловить будут только коммунистов, а невинных жертв не будет больше.

22-го апрѣля.

По городу распространяются воззванія, что жидаы, капиталисты, коммунисты церковь осквернили, сами деньги дѣлают, царя хотят. Пьяные солдаты расхаживают по городу, входят в дома, стрѣляют. Идут повальные обыски по ордерам, забирают послѣдній фунт сахару и муки, изрывают штыками в погребѣ, на чердаках и во дворѣ, переворачивают все вверх дном. Сѣно увозят в штаб. Мальчишки русскіе бѣгают по улицам и призывают солдат:

— Идемте, у нас на улицѣ у русскаго жид прячется.

Толпой солдаты бѣгут ловить его.

Русскіе начертили у ворот кресты.

Написали:

— „Здѣсь живет христіанин“.

Евреев в дом не впускали.

23-го апрѣля.

Пошел с членами комиссіи к Кравченко просить о вылавливаніи трупов из рѣки. Он отвѣтил—Струк не разрѣшает, это может взволновать населеніе, и наотрѣз отказал. В городѣ тревожно, обыски продолжаются.

Нѣкоторых арестованных, избитых до потери сознанія, за большую сумму денег удалось освободить.

24-го апрѣля.

Многіе крестьяне, пользуясь случаем, пред'являют иски к евреям. Один еврей успѣл из деревни Корогод ударить, а свою корову оставил у сосѣда-крестьянина. Теперь тот пришел в Чернобыль и заявил:

— Слухай, Янкель, три года назад ты у меня одолжил 30 рублей и не отдал. Теперь отдай за ци гроши корову, бо вона-тоды стоила 30 рублей и дай росписку, что не маешь претензій, а то у меня тут сын в арміи, и он тебя убьет.

Еврей, конечно, согласился.

25-го апрѣля.

Требуют новую контрибуцію в 40.000.

Отдаем послѣдніе гроши. Бандиты, прѣзжіе с Межигорья, избивают по улицам, грабят. Заходят в дом, требуют:

— 1000 рублей или дѣвушку.

В городѣ снова паника, дѣвушки в отчаяніи согласны покончить жизнь самоубійством, но не попасть в руки насильников.

Ко мнѣ зашел командир кавалеріи Уланов, пьяный поздравил с праздником, просил одолжить пару тысяч. Рассказывает, что вчера у них в штабѣ разбирался вопрос, как поступить с евреями.

Я говорил им, что не надо всѣх убивать, отошлем их в Палестину.

...Просили мы нѣкоторых мѣщан уговорить Струка разрешить им вылавливать трупы, но он отказал:

— Воду можно пить,—сказал он,—жиды уже навѣрное доплыли до Кіева. Много денег вы взяли у жидов за просьбу. Лучше вы мнѣ доставьте того жида, что заплатил вам, и бросьте его в рѣку, так я вам дам награду.

26-го апрѣля

Струк увѣряет солдат, что Кіев окружен. Обѣщает им при взятіи Кіева 10-ти-дневный погром. Объявлена мобилизація. Универсал призывает бить жидов-коммунистов. Со всего уѣзда стекаются тысячи мобилизованных, среди евреев волненіе и паника. По городу маршируют солдаты с оркестром музыки. У волостного правленія произносят зажигательныя рѣчи против коммунистов.

27-го апрѣля

Частыя провокаціи. Увидали у одного краску от крыши и сказали, что это христіанская кровь. Евреев этого дома избивали. К одному в дом зашло нѣсколько солдат, выстрѣлили из окна и закричали:

— Жиды в нас стѣляют.

Поднялся шум, переполох. изувѣченных евреев потащили в штаб и расправлялись с ними.

28-го апрѣля.

Струк уѣхал в Горностайполь. Кравченко отправляет экспедицію для погрома в Камарин и произносит рѣчь:

— Ни одного жида не оставьте там, ни одного жида, всѣх жидов в Днѣпр, остальных в Палестину.

Оркестр провожает их маршем.

29-го апрѣля.

Еще отправляет солдат в села убивать евреев. Кравченко за деньги разрѣшил вылавливать трупы. К вечеру

приѣхали из Камарина, нагруженные чемоданами и награбленным, хвалятся:

— Потопили 58 дѣтей и женщин.

30-го апрѣля.

К Струку через развѣдчиков попало в руки письмо одной еврейки, отправленное из Чернобыля в Камарин к мужу: „Двѣсти бандитов отправляются в Камарин, удержите“. Струк передал по телефону приказ ночью Кравченко:

— Всѣх убить за шпіонаж.

Через час телеграмма.

Если дадут 60.000, оставьте их.

Разбудили членов комиссіи, к утру узнали всѣ евреи. Собрались в синагогѣ, разразился плач, рыданія, взыванія к Богу, крики, истерики.

Бѣдные евреи говорят:

— У нас нѣтъ денег, пойдем сами бросимся в рѣку.

Многіе заложили корову, лошадь, послѣднюю цѣнность, кожевники продали сырую кожу русским, каждый нес послѣднюю лепту искупленія.

Собрали 60.000 и отдали Кравченко.

1-е мая.

Кравченко уѣхал. Стало спокойно.

2-го мая.

Струковцы удрали. Подходят большевики.

...Что-то с нами будет...

IX.

Дьявольскій план.

(Картина губерніи с птичьего полета).

Подольская губернія охвачена сильной волной повстанческих движеній, которые вмѣстѣ с петлюровским нажимом вылились в опредѣленную для еврейскаго населенія форму: поголовное вырѣзываніе еврейскаго населенія без всякаго из'ятія во всѣх мѣстечках и городах. Бандиты, сбодренные своей безнаказанностью, в продолженіе всего своего существованія, обнаглѣли и дѣлали свое темное дѣло не спѣша, как будто им неоткуда ожидать противодѣйствія. Этим положеніем и об'ясняется то обстоятельство, что очень много мѣстечек совершенно стерто с лица земли, а остальные для своего возрожденія требуют затраты колоссальных сил, вре-

мени и денег. Все население, случайно уцѣлевшее от рук бандитов, раз'ѣхались по большим городам. Остались только тѣ, которые не могли уѣхать. Они, эти оставшіеся, предоставлены самим себѣ. Достаточно войти небольшой группѣ бандитов, чтобы дорѣзать оставшееся население. Банды— часто дѣтскія, игрушечныя. Вздумалось деревенскому молодцу,—зѣвнул, почесал затылок, подманил чуть-ли не леденцами восемь-десять подпасков, взяли дубинки,—вот и бэнда. И евреи, с искаженными лицами от подобострастія и горя, цѣлуют их запыленные штанишки и платят контрибуціи лишь бы спасти свою жизнь. Но и это не всегда удается. Такія условія жизни в мѣстечках и городах придают послѣдним специфическій вид: разрушенныя дома с темными отверстиями вмѣсто дверей и окон...

...Безлюдныя и мертвыя улицы... и площади...

Гробовая тишина, испуганныя лица.

Еще до сих пор нам не удалось получить точныя доклады с мѣст о положеніи погромленных городов. Поскольку имѣются свѣдѣнія от инструкторов, погромы, как по своей формѣ, так и по количеству жертв, бывают от повстанческих банд, число этих погромов увеличивается с каждым днем, сообразно с возрастающим повстанческим движеніем. Положеніе ухудшается еще тѣм, что от этих погромов создается впечатлѣніе, что всѣ повстанческія движенія есть чисто погромныя, т. е., что вся цѣль этого движенія—уничтожить совершенно физически и матеріально еврейское население, хотя руководители его и стараются придать движенію болѣе политической характер. Ведется среди крестьян страшная агитація против евреев, распространяются всевозможныя слухи, будто в других губерніях евреи вырѣзают крестьян, жгут их имущество, уничтожают церкви. Все это служит поводом для неслыханных звѣрств и кошмарных ужасов, производимых повстанцами над евреями при входѣ в какое нибудь мѣстечко.

В губерніи нѣтъ почти ни одного города и мѣстечка, которые не пережили бы всѣ ужасы погрома послѣдняго времени. Причем ясно обозначилось, что погромы, учиненныя повстанческими бандами и петлюровцами дали самое большое количество жертв. Наоборот, разгромы, учиненныя нѣкоторыми совѣтскими деморализованными частями, болѣею частью выливались только в формѣ грабежа.

Большинство оставшагося в живых разореннаго населенія не имѣет ни продуктов, ни бѣлья, ни обуви.

Буквально все имущество разграблено.

Люди запуганы, живут в погребах.

Вид городов и мѣстечек напоминает пустыню.

Можно проѣхать в разгромленный город или мѣстечко и на улицах не встрѣтить живой души.

Почти каждая семья насчитывает 2-3 убитых, осталось в живых большею частью по одному человеку от семьи.

Раненые и искалеченные.

У кого отрублена рука, кому нанесены 3-5 огнестрельных ран.

Разгромленные остались в той одежде, в которой были в момент погрома.

Всё оставшиеся в живых запуганы.

...дичатся людей...

Производят тяжелое впечатление.

Результатом всего этого явилось массовое бегство по подольской губернии, оставшееся в живых и опасющееся новых погромов еврейское население цѣликом покидает свои разрушенные города и мѣстечки.

И бѣжит... не зная куда.

Положение создается катастрофическое.

При настоящем продовольственном кризисѣ и экономической разрухѣ, никакой город не может принять сразу новых нѣсколько тысяч человек, кормить их и удовлетворить их продуктами. Погромленные остались без вещей, нѣт у них бѣлья, распространяются эпидемическія болѣзни, свирѣпствует сыпной тиф. Бѣженское движение имѣет теперь еще громадное политическое значеніе, в том смыслѣ, что оно, так сказать, фиксирует уничтоженіе еврейскаго мѣстечковаго населенія...

...и даже господствует мнѣніе у евреев, а также и у не евреев, что такое будет рѣшеніе вопроса: раньше вырѣжут населеніе маленьких мѣстечек, оставшіеся убѣгут в болѣе крупныя, а в концѣ концов—и послѣднія уничтожат.

ЧАСТЬ II-я.

Голоса жизни и смерти.

I.

Котел коммуны.

„Я приѣхал в Коростень устраивать столовые в самый разгар гражданской войны. Коростеньскому району принадлежит заслуга быть первым районом погромов на Украинѣ. Но здѣсь трудно установить момент настоящаго подлиннаго погрома,—выступленія происходили здѣсь неоднократно и стали как бы бытовым явленіем. Дѣло в том, что Коростень является центром военных дѣйствій, важным пунктом в стратегическом отношеніи, лакомым куском для воюющих в гражданской войнѣ сторон. Здѣсь все время военный лагерь, неподалеку позиціи то польско-петлюровскаго, то внутренняго фронта, и вся власть фактически принадлежит воинским частям, которыя бывают, как извѣстно, и „хорошими“ и „плохими“. К моему приѣзду под влияніем неудач на фронтѣ, а также из за мобилизаціи начались во многих селах и деревнях выступленія против „коммуны“ и „жидов“. Неожиданно для многочисленных еврейских семейств, живущих в окрестных селах и деревнях,—по 3-4 семейства в одном мѣстѣ,—стали появляться вооруженные крестьяне, созывали сходы, организовали возстанія против совѣтской власти и, как необходимый ритуал таких возстаній, ограбленія и убійства евреев. Населеніе этих заброшенных, никому из нас невѣдомых мѣст, бросилось в свою столицу „Коростень“, оставило на произвол судьбы все свое имущество, подвергшееся ограбленію со стороны мѣстных крестьян, бросило даже семейства...

Разбрелись кто куда.

— „Куда глаза глядят“...

Ужас положенія их заключался в обреченности: вѣдь за ними гнались всюду.—По их душу, выражались бандиты. Травили и выслѣживали, как дичь.

Жертвой становились давнишніе жители села или деревни, также ненавидящіе „коммуну“, как и тѣ, кто их убивал во имя „борьбы с коммуной“. В эти мѣстности и не проѣхать уполномоченному, их не зарегистрируешь на анкетном листѣ, одинокія могилы этих мучеников не увидят на иллюстраціи г. г. американцы.

Рѣдко брал в массах верх разсудок.

Так в мѣстечкѣ Ушомирѣ повстанцы-крестьяне никого из евреев не тронули. Они созвали евреев в синагогу и об'явили:

— Мы явились не для расправы с евреями, а для борьбы с коммуной, и если вы, евреи, окажете нам в этой борьбѣ содѣйствіе, то все будет хорошо.

И предупредили, что-бы евреи не шли на предстоящую мобилизацію, об'явленную большевиками. И евреи заявили властям, что они пойдут на сборный пункт только в том случаѣ, если пойдут и крестьяне.

Но это—исключеніе.

Столица района—Коростень—считалась, повидимому, крестьянами цитаделью коммунизма, и они зорко слѣдили за всѣм, что здѣсь происходит. И когда я приступил к организациі столовой для пострадавшаго от погромов населенія и стал устанавливать котел,—тот самый страшный „общій котел“, этот подлинный символ коммуны, которым агитаторы пугают крестьян,—слух прошел об этом по окрестности и повсюду стали говорить:

— В Коростенѣ жида уже строят коммуны.

И посылали евреев:

— Идите до Коростеня, там уже готов котел.

Испуганные в окрестностях евреи, боясь, что их обвинят в устройствѣ коммуны, просили меня не устраивать у них столовых по образцу коростеньской.

2.

Раввин.

В мѣстечкѣ Словечно крестьяне живут в перемѣшку с евреями, так: изба крестьянская, изба еврейская. Только центр мѣстечка заселен евреями. Русское населеніе мѣстечка в большинствѣ бѣдное, земли мало, и они шли на заработки, которые находили в послѣднее время у евреев и были та-

ким образом с евреями связаны. Евреи по своему имущественному положению не отличались от мужиков и также нуждались, как и крестьяне, ходили согнутыми, оборванными и забитыми. В то время, как по всей Украинѣ бушевали погромы, здѣсь христіане относились к евреям благожелательно и даже общали защищать мѣстечко от погромщиков из других деревень. Но это отношеніе немного измѣнилось, когда большевики заняли город Овруч и захватили уѣзд.

Они хмурились и говорили:

— „Жидовская власть“...

Но евреев не трогали.

Однако антиеврейское движеніе уже началось по окрестностям. В деревнѣ Тхорино, под лозунгом:

— Долой спекулянтов-коммунистов.

Не впускали еврейских вдов в деревню, куда они ходили за куском хлѣба и картофеля для своих детѣй. Уже мѣстами стали бить евреев и отнимать послѣдній кусок хлѣба.

И вот в это самое время получился из Овруча декрет о том, чтобы метрическая регистрація перешла от священника в отдѣл управленія вслостіеого исполкома. Немедленно же был созван волостной сход всѣх окружных деревень.

На сходѣ обсуждался декрет.

Настроение было возбужденное и антисемитское, крестьяне в один голос кричали:

— Це все от жидов... они хотят закрыть церковь и удалить священника.

Евреев на сход не допустили.

Даже еврея-члена комбѣда-прогнали:

— Жиды нам не потребны.

Исполком не принял никаких мѣр, чтобы успокоить народ и объяснить им цѣль и сущность декрета, напротив, намекал, что надо протестовать и не принимать декрета. Уходя со схода, крестьяне кричали:

— Буде вам коммуна, буде вам церкви закрывать.

От встревоженных евреев отправилась делегація к священнику с просьбой объяснить крестьянам, что евреи здѣсь не причем. Священник обѣщал это сдѣлать и заявил, что за его прихожан нечего бояться. Но несмотря на это, через два дня распространился слух:

— Ночью будет погром.

Вечером по улицам стали попадаться крестьянскіе парубки из окрестных деревень. Было немедленно назначено дежурство: человек 30 евреев дежурило до часу ночи. Кроме того, было нанято 5 надежных крестьян, и вмѣстѣ с милиціонерами поставлены на стражѣ. Но тут появился начальник милиціи и стал разгонять еврейскую варту, говоря, что он обойдется и без нея.

Вартовые умоляли его разрешить остаться.

Вместо отвѣта, он сдѣлал нѣсколько выстрѣлов.

Со всѣх сторон мѣстечка показались бандиты и погромщики с винтовками, вилами, ломами, они спѣшили с криками:

— Ура-а... бей жидов... бей коммунистов.

Послышался треск разбиваемых стекол и дверей. Нельзя описать ужас и крики женщин и дѣтей, внезапно проснувшихся от звѣринаго воя бандитов и ружейных залпов. Евреи стали разбѣгаться по огородам. Со всѣх сторон хлынула толпа мужиков и баб с мѣшками, и принялись ломать двери и грабить.

Еврейскія женщины прыгали в окна.

Прижимая к груди дѣтей, онѣ пытались бѣжать, но их встрѣчали выстрѣлы и побои.

Ужас увеличивался с каждой минутой.

В мутном сумракѣ ночи мечутся женщины с криком и воплями:

— Гдѣ мои дѣти?

Спѣшно тащат награбленное.

Здѣсь избитая женщина валяется, там тяжело раненый.

...Так до утра...

При свѣтѣ зари грабители-крестьяне всѣх сосѣдних деревень разсѣялись, оставив за собой осколки стекол, разбитыя двери и пустые дома, с избитыми там стариками, которые не могли скрыться.

Евреи с плачем стали возвращаться к своим домам, а мѣстные крестьяне с насмѣшкой говорили:

— Мы вас не трогали, это другіе показали вам, как быть большевиками.

В этот день началось бѣгство евреев из мѣстечка. Они шли по всѣм дорогам, спасаясь в деревни и в Овруч, пѣшком, потому что подвод нельзя было достать. Они шли со своим жалким скарбом, со случайно захваченными вещами, женщины с дѣтьми на руках. По пути крестьяне злорадствовали и надсмѣхались над бѣглецами. Лишь мѣстами женщины и крестьянки сокрушенно качали головой, и что-то сочувственно шептали.

Кто остался — попрятался по рвам, по кустам, по огородам.

Милиція пьянствовала весь день.

Слышались буйныя пѣсни.

К вечеру ужас усилился: стали привозить убитых из деревень, тѣх бѣглецов, которые думали там найти спасеніе.

На утро в четверг их хоронили.

...Крики и отчаяніе...

С равнином во главѣ рѣшили собраться на площади и умолять бандитов не продолжать больше мучить мѣстечко.

Раввин был замѣчательным челоѡком в общинѣ, он считался красой еврейской ортодоксіи всего овручскаго уѣзда. Кромѣ своих богословских знаній, он был и свѣтски хорошо образован. Его всѣ уважали, и даже крестьяне обращались к нему за разрѣшеніем своих споров и поступали по его слову.

Теперь он стоял перед ними просителем.

Приглашен был и мѣстный священник,

Когда всѣ собрались, евреи принесли бандитам хлѣб-соль.

Раввин произнес рѣчь:

— Дайте нам всѣм уйти живыми или же убейте всѣх на мѣстѣ, говорил он, не мучьте по одиночкѣ.

В отвѣт ему кричали:

— Це вам коммуна, це вам жидовское царство.

Раввин стал плакать перед ними.

Просил и умолял.

Но в отвѣт звучали насмѣшки.

Тут выступил священник с рѣчью.

— Хотя евреи все это заслужили,—говорил он,—они издали декрет об отдѣленіи церкви от государства и во многом другом грѣшны, но все же по евангелію нельзя убивать и грѣшных людей.

Помолчал и добавил:

А впрочем... дѣлайте как хотите.

Не переставали весь этот день грабить и бить встрѣчавшихся по дорогѣ евреев.

Евреи бродили по мѣстечку, как безумные, не зная куда им укрыться на ночь. В деревни уже боялись бѣжать, ибо видѣли результаты: смерть сторожила со всѣх сторон. К вечеру было немного успокоилось: начальник мѣстнаго почтоваго отдѣленія с нѣкоторыми крестьянами устроили митинг и вынесли резолюцію не допускать дальнѣйших грабежей и убійств. Он устроил дежурство по мѣстечку и разогнал кой-каких негодяев. Но евреи не довѣрили кажущемуся спокойствію. Они всѣ собрались в один дом и там всѣ вмѣстѣ тихо сидѣли.

В три часа ночи волна бандитов смыла всѣ заставы. Ворвались в дом, гдѣ собрались евреи,—убили тѣх кого успѣли, остальные разбѣжались.

Тяжело ранили раввина.

Ночевавшіе в огородах по рвам, по кустам, услыша крик и плач бѣжавших по мѣстечку, покинули свои ненадежныя убѣжища, начали в паникѣ бѣжать по улицам. Но тут их встрѣтили градом пуль и многих убили и ранили. Большинство евреев бросилось бѣжать по дорогам на Овруч.

Оставшіеся с раввином стали заботиться о его спасеніи: он был тяжело ранен в грудь.

Повели его в больницу.

Вмѣстѣ с ним и других раненых.

По дорогѣ бандиты ударом штыка покончили с раввином.

Перебили раненых.

Кого ни встрѣчали,—дѣтей, женщин, стариков—всѣх разстрѣливали.

У одной женщины подняли штыком четырехлѣтняго ребенка в воздух...

И закололи".

3.

Необычное.

„Глубокой ночью на улицах Словечно я услышала дикія крики, ружейные выстрѣлы, звон разбиваемых стекол и сразу поняла, в чем дѣло. Разбудила всѣх своих дѣтей, поторопилась скорѣй забраться в кладовую, потому что там нѣтъ окон и безопаснѣе от пуль. До утра мы находились в кладовой, и в дом к нам никто не заглянул.

Утром я вышла на улицу.

Увидала многих крестьян: всѣ мои хорошіе знакомые и друзья; обратилась к ним с просьбой пріютить меня и дѣтей.

Они отказали.

Кругом евреи с ужасом дѣлились впечатлѣніями о событіях минувшей ночи и с тревогой говорили о предстоящей. Я с дѣтьми рѣшила уйти из мѣстечка.

Вскорѣ сынок мой Цалик уже сопровождал нагруженную подводку с остатками нашего добра. Посадив дѣтей на воз, мы тронулись по направленію к Овручу. Но на выѣздѣ из мѣстечка мы встрѣтили бѣгущих евреев, они кричали нам, что выѣхать не дадут, мѣстечко окружено со всѣх сторон и на всѣх дорогах заставы.

Мы повернули назад.

Воз опрокинулся, все разсыпалось.

Я взяла малых дѣтей на руки и все оставила на дорогѣ, захватила только цѣнности: серебряныя ложки и вилки, бокалы; все это забросила в ближайшій огород, и пошла, гонимая сзади бандой. Разыскала остальных дѣтей. Замѣтив, что многіе бѣгут в дом Аврума Вера, не зная куда дѣваться больше, поспѣшила с дѣтьми туда же. Трудно мнѣ передать пережитое в этом земном аду... Да, да... всѣ комнаты битком набиты евреями. Старики, женщины, дѣти укрылись под столами, кроватями, кушетками. Когда раздался с улицы первый выстрѣл, всѣ как по командѣ бросились на пол. Тут же раздался сильный стук в двери.

Двери сейчас же открылись.

Вошли бандиты.

Мы умоляли их нас не трогать, предлагая деньги. Они взяли их, больше 40.000, а предводитель обратился к нам:

— Я вам дал сроку два дня убраться отсюда. Вы не ушли .. теперь я с вами расправлюсь.

Приказал выходить из комнаты,

Первым вышел мой зять, за ним дочь Эстер, третья была я с ребенком на руках. При выходѣ были устроены кордоны. Они рубили, кололи, били шашками, штыками и прикладами. Мои дѣти,—Эстер и ея муж,—получили сильные раны, я отдѣлалась ударом приклада в плечо. Передо мной—мои дѣти, полуживые, а позади—крики сотен оставшихся...

На площадь гнали десятками евреев.

На улицах уже всюду валялись трупы наших братьев и сестер. Я видѣла картину, приводившую меня в оцѣпенѣніе.. Никогда я не забуду: среди убитых лежала жена одного из сосѣдей, а ее добивал ногою в голову крестьянин.

...О, Боже, неужели ты этого не видишь...

Всѣх нас собрали в кучу.

У мужчин были сняты сапоги.

Раздались крики:

— Русскіе на боку.

Два бандита уже угрожали нам расправой.

Я начала умолять их не трогать нас, предлагала отдать им всѣ наши драгоценности, заброшенные мною в огород. Тѣ согласились, и мы пошли.

Я думала:

Что будет, если кто-нибудь забрал их.

Но все было в цѣлости.

И я отдала им.

Один из них дает мнѣ три ложки и говорит:

— На получи, может, останешься в живых и будет тебѣ чѣм кушать.

Но другой выдернул их у меня.

— Ступай!

Счастливые освобожденіем, мы тронулись в путь, чтобы хоть как-нибудь уйти из этого проклятаго мѣста.

Моя дочь снимает свою блузку, всю в крови, набрасывает на меня.

Мама, на тебѣ крови не видать,—говорит она, прикройся, это может по дорогѣ и спасет тебя.

Я не возражала, пошли дальше.

Мои раненые дѣти едва плелись.

Когда проходили мимо дома крестьянина Косынки, его мать взошла омыла раны дочери и говорила:

Скорѣй удирайте, а то совѣм плохо будет.

На второй верстѣ нас снова догнали тѣ двое, что забрали драгоценности, вмѣстѣ с крестьянским мальчиком 12-ти лѣтъ, вооруженным маленьким ружьем. Угрожая разстрѣлом, потребовали отдать все, что осталось. Они ушли. Опять мы были свободны. Падая от истощенія, мы добрались до села Петриши.

Но крестьяне отказали нам в пріютѣ.

Ни за что подводу не хотѣли дать, что-бы доѣхать до ближайшаго села. Голодные, оборванные, измученные, как бы проклятые Богом, поплелись мы дальше. По пути встрѣчные мужики кричали нам вслѣд:

— Коммунисты... большевики.

Крестьянскій мальчик догнал нас и снял пиджак с моего зятя, говоря:

— Жаль пиджака-то, жиды... выпачкается кровью.

И, уходя, выкрикивал насмѣшки и издѣвательства.

Насилу добрались до лачужки одного мужика, живущаго в лѣсу на пятой верстѣ от станціи Петруши,

И нам показалось, что мы во снѣ.

Было так необычно...

...Как чудо. .

Мужик сказал нам:

— Зйдите в избу... не бойтесь, не бойгесь.

И стал хлопотать, накрывать на стол.

Накормил нас супом.

Говорил ласковыя слова.

Мы готовы были плакать и цѣловать его.

Мы благодарили его и хотѣли уйти дальше.

Но надвинулась ночь.

Он оставил нас ночевать.

А утром запряг лошадей и отвез поглубже в лѣс, гдѣ находилось уже много евреев. Мы попросили у евреев-одолжить нам нѣсколько рублей, чтобы вознаградить мужика.

Но он наотрѣз отказался.

— Нѣтъ, нѣтъ, что вы...

И, ласково простившись, уѣхал^а.

4.

Старики.

Я живу на самом краю Словечно, и домик мой старый, кривой, полуразвалившійся. Мы с женой люди бѣдные и очень старые. Первые дни погрома к нам никто не заходил, и мы уже думали, что на нашу хижину никто не обратит вниманія

Но утром зашел сосѣд и ограбил нас.

Угрожая револьвером, заставил покинуть дом.

Мы пошли в мѣстечко.

На улицах валялись трупы, повсюду протекала человеческая кровь. Шло сильное зловонье от трупов и крови. Всѣ дома были разбиты, окна, двери поломаны, в домах побитая посуда, мебель, разорвано и побито все. В одном домѣ особенно было много трупов. Трупы лежали один на другом... Трупы женщин и дѣтишек. В одном домѣ я видѣл туловище без головы, голова лежала возлѣ. Даже печи разрушены в домах.

Шли как безумные, не зная куда, зачѣм.

Увидѣли бѣгущую толпу евреев.

Присоединились к ней и побѣжали.

Направились всѣ вон из мѣстечка, но по какому направлению ни пытались бѣжать, вездѣ стояли люди и стрѣляли в нас. Всѣх нас бѣгущих согнали в один дом. Собрались там много евреев мужчин, женщин и дѣтей. Вошли бандиты, двери заперли и потребовали денег. Получив их, дали залп в окно помѣщенія.

Пуля ранила в голову мою старуху.

Опять вошли, стали рубить всѣх шашками и дрючками,—меня ранили в руку. Я притворился мертвым, чтобы спастись. Один из бандитов крикнул:

— Эй, кто из вас жив, вставайте!

Всѣ лежали.

Они ушли.

Я поднялся, нашел жену среди трупов женщин и дѣтей, и мы вышли из помѣщенія. По улицам везли убитых на телѣгах. Жена моя едва могла двигаться без посторонней помощи. Мы направились в свою избушку. По дорогѣ нам кричали, чтобы мы уходили из мѣстечка, чтобы ни одного из „жидов“ тут не осталось.

На вопрос, куда же нам идти: повсюду в нас стрѣляют?

Отвѣчали:

— В могилу.

В домѣ мы застали разрушеніе.

Моя жена впала в обморочное состояніе, никаких средств остансвить кровь не было. Тряпками мы кое-как завязали наши раны. Моя жена подошла к лужѣ во дворѣ и в этой лужѣ приводила себя в чувство. Мы рѣшили отправить дочь нашу из мѣстечка, она молодая, ей еще нужно жить.

Но она отказалась оставить нас.

Тогда мы всѣ втроем поплелись в Овруч“...

5.

Борьба за жизнь.

„Незадолго до погромов в Словечно явился ко мнѣ на дом завѣдывающій районом лѣсного дѣла Савчинскій и сказал, что крестьяне на своем тайном сходѣ рѣшили покончить с „жидами-коммунистами“. Он счел своим долгом порядочнаго человѣка предупредить нас. С товарищем по службѣ мы тотчас отправились к мѣстному уважаемому дѣятелю Ратнеру, гдѣ застали еще нѣсколько человѣк. Нас выслушали, но опасенія наши стали разбивать, ссылаясь на искони установившееся хорошее отношеніе между евреями и крестьянами. Мы вышли немного успокоенные. Однако ночью же разразился погром. Мы услышали дикіе крики:

— Начинай!

Бросились прятаться на „вышках“.

Ночью грабили обезлюдившія квартиры, разбивали все, уничтожали.

Утром по мѣстечку распространился слух, что крестьяне рѣшительно высказались по еврейскому вопросу:

— Какая нам польза, что вырѣзали пару десятков евреев. Вѣдь будет же восстановлена какая-нибудь власть, тогда оставшіеся евреи будут указывать на участников крестьян и будут взыскивать с них награбленное. А потому слѣдует вырѣзать всѣх от мала до велика, чтобы некому было жаловаться и взыскивать.

Евреи собрались в синагогѣ, обсудили вопрос и рѣшили: они всѣм обществом дадут крестьянам росписку, что ни при какой власти не предъявят никаких исков, но с условіем, что мѣстным исполкомом будут приняты самыя энергичныя мѣры для прекращенія грабежа и насилій.

Отправили депутацію в исполком.

Предсѣдателю и секретарю изложили нашу просьбу, и просили дать отвѣтъ немедленно, я со своей стороны убѣждал их в необходимости мира:

— Вѣдь еврейскаго населенія насчитывается в мѣстечкѣ до 2000 человѣк и, если крестьяне начнут поголовно рѣзать, все-таки, на худшій конец сотни двѣ спасутся бѣгством,—и они поднимут шум на всю страну,—им вѣдь нечего будет терять,—и тогда виновные будут наказаны и всѣм не одобровать.

Предсѣдатель обѣщал устроить засѣданіе.

— Через два часа дам отвѣтъ.

Но прошло и больше времени, а отвѣта все не было. Снова пошли мы в исполком. Секретарь объявил нам, что крестьяне, члены исполкома, не желают пойти с евреями ни

на какіе переговоры, а мысль, что они за выступленіе против евреев могут понести какую-нибудь кару, кажется им прямо таки „смѣхотворным“. И получив такой отвѣтъ, снова, собрались в синагогѣ и порѣшили немедленно устроить народное собраніе из всѣх евреев и крестьян мѣстечка.

На собраніи член исполкома—крестьянин стал прямо призывать к погрому.

Евреи одѣваются в шелк и мѣха,—говорил он,—евреи, ничего не дѣлая, живут припѣваючи.

Другой стал говорить:

— Жиды у меня, как перец в носу...

Напрасно мы протестовали против обвиненій и надругательств, слова наши не производили никакого впечатлѣнія на крестьян.

Собраніе разошлось.

Один из организаторов погрома подошел к нам и предложил поладить дѣло за деньги. Мы пошли в дом Ратнера, сговорились и вручили ему 25.000 рублей. Удѣлили и члену исполкома 1000. Получив деньги, они посоветовали нам собраться в один дом, чтобы лучше охранять было. Мы так и сдѣлали. В двухэтажном домѣ Ратнера приютилось нас 300 человек. В полночь постучался к нам предсѣдатель исполкома, он просидѣлъ у нас 3 часа. Сквозь сіяющія дыры окон в это время было видно, что крестьяне и крестьянки несут награбленное свертками и тюками. В 3 часа ночи к нам пришел предсѣдатель ревкома, сообщил нам, что все время разгоняются громилы и подал знак предсѣдателю исполкома,—они вышли вмѣстѣ, сказав, что скоро вернутся вмѣстѣ.

Но уже больше не вернулись.

На дворѣ раздался свист и хлопанье в ладоши. Дом стали обстрѣливать. Посыпались пули. Я с сыном юркнул через кухню в кладовую. Там уже много мужчин, женщин и дѣтей. Услыхав выстрѣлы в комнатах, выбили ставню в кладовой и стали вылѣзать во двор. Я туда же пошел через дверь.

В дверях встрѣтился бандит.

Отрѣзком рельса в полтора аршина длиной, он замахнулся над моей головой с криком:

Куда-а ты, жид..

В отчаяніи я выхватил рельс из его рук.

Размахнулся над его головой.

Он откинулся.

Рельс успѣлъ задѣть только край его плеча.

Он бросился бѣжать с криком:

Хлопцы, утикайте... бьют... назад.

Я с рельсом устроился за дверью, ведущей в столовую, и готовился оказать отчаянное сопротивленіе. Вбѣжал другой бандит, направил дуло винтовки в дверь, за которой я

притаился, и выстрѣлил. Пуля попала случайно в проходившую невѣстку Ратнера и убила ее. Я ударил по стволу винтовки, и убійца поспѣшил скрыться. Считая позицію свою незащищенной, я перебрался в верхній этаж. Бандиты не появлялись больше. Мы всё, находившееся еще в домѣ, через окна стали выбиратья во двор, чтобы прятаться, кто куда может: по погребам и сараям.

Клозеты были забиты сплошь людьми.

Вошел в хлѣв, застал там жену и сына.

Кругом шептались, рассказывали ужасныя сцены.

...Один рассказывал, как он притворился мертвым и с него долго-долго стаскивали сапоги, а он сдерживал дыханіе. Потом убѣжал, за ним гнались и стрѣляли. Дорогой мужик поймал его и, вмѣстѣ с другими евреями, повел на кладбище хоронить мертвых.

— А потом мы вас убьем, и вас уж сами похороним, а то нам дуже богацко работы с вами. А як хотите жить, то идить до попа и прохайте его, щоб вин вас всих выкрестив.

...Другой передавал о том, что вынес в домѣ Абрама Бера. Там они писали и раздавали каждому именныя записки, потому что бандиты могут искрошить человѣка до неузнаваемости и тогда по запискѣ можно будет установить имя убитаго. Когда бандиты стали ломиться в дом, евреи легли на пол один на другого, по 10-15 человѣк в кучѣ. Их стали буквально рѣзать, рубить топорами, шашками. Спаслись лишь тѣ, кто лежал внизу этих куч. Вырѣзывали груди у женщин, крошили дѣтскія тѣла. Потом, когда стали укладывать на телѣгу трупы, рассказчик уложил труп своей сестры и вдруг увидѣл, платье—слишком ему знакомое, на телѣгѣ лежал труп его жены. Как оказалось, жена его с ребятами выскочила из окна, но какой-то парень ударил ее штыком в бок. Она упала, возлѣ ней сидѣли дѣти—самыя маленькія. Умирая, она безпокоилась за участь дѣтей и сказала им, чтобы они уходили, так как убивают и дѣтей. Дѣти напоили мать, облили ее холодной водой и убѣжали по дорогѣ из мѣстечка...

В хлѣву мы пробыли долго, прислушиваясь к тишинѣ. Потом пошли через огороды искать убѣжища у крестьян. Но нас никуда не пускали и говорили, что бандиты только ушли за патронами, но скоро вернутся и тогда покончат со всѣми. Тогда мы рѣшили оставить мѣстечко, составили партію в 250 человѣк—мужчин, женщин и дѣтей.

И пошли по ночным дорогам на Овруч.

Близ деревни, в трех верстах от мѣстечка, по нас зади стали стрѣлять, но мы твердо рѣшили не возвращаться, а лучше погибнуть на мѣстѣ.

И прибавили шагу.

Бандиты опасались стрѣлять в сторону деревни, чтобы не попасть в крестьян“.

6.

Исключительный случай.

„Ушомир жил тревожною жизнью: из разных мѣст кругом поступали свѣдѣнія об избіеніи евреев. В Ушомир стали с'ѣзжаться крестьяне всѣх окрестных деревень, всѣ вооруженные. И была крестьян такая масса, что ими наполнилось все мѣстечко. Вошли они со всѣх сторон, и обходили как бы дозором всѣ улицы.

Евреи в тревогѣ попрятались по домам.

Но крестьяне стали успокаивать евреев, говоря, что они к ним ничего не имѣют, что они имѣют рвиду только Коростень, гдѣ засѣла коммуна, и что они рѣшили посчитаться только с коростеньскими евреями.

Евреев же ушомирских они просили к ним присоединиться.

Выдавали им какія-то свидѣтельства с печатью.

Взимали за свидѣтельства по 10 рублей.

Выдавали они их всѣм евреям от 16 до 40 лѣт, и при этом грозили, что если кто не получит свидѣтельства, то будет убит. Этим они как бы приобщили ушомирских евреев к своему движенію. Многих из пришедших крестьян мы хорошо знаем. Старики из них говорили, что они идут неохотно, но их принуждают к этому. Крестьяне не только не трогали никого, но ничего у евреев не брали, а если что брали, то платили за все.

Утром всѣ они ушли в Коростень.

В тот же день, отступая, прошли обратно через Ушомир. Но они бѣжали на этот раз боковыми улицами, многих из них убили.

На другой день появилась группа вооруженных всадников, которые бросились на базар и стали избивать встрѣчных евреев. У них был звѣрскій вид, рѣзко отличавшій их от мирнаго вида бывших раньше повстанцев-крестьян.

По базару пошла тревога.

Всѣ бѣжали, кто куда мог.

Но тут явились на базар мѣстные крестьяне и стали защищать евреев:

Они спрашивали всадников:

— Зачѣм вы сюда пришли?

— Расправиться с евреями,—отвѣчали тѣ.

Крестьяне заявили, чтобы они не смѣли трогать ни одного еврея, так как ушомирскіе евреи идут вмѣстѣ с

крестьянами, а если тронут хоть одного еврея, то крестьяне по своему расправятся с всадниками.

Тѣ стали отговариваться.

— Мы пришли не для того, что-бы убивать евреев, а выловить снаряды, которые петлюровцы бросили в рѣку.

И вскорѣ скрылись.

... Так благородно поступили с нами ушомирскіе крестьяне"...

7.

Бѣгство.

„В нашей колоніи Горцик живет около 100 семейств нѣмцев-колонистов, а среди них около 10 еврейских семейств, занимающихся мелкой торговлей и молочным хозяйством. Жили мы с нѣмцами всегда дружно. Во время петлюровскаго движенія нам стало плохо. Петлюровцы постоянно врываются в колонію, отбирали у нас имущество, а раз забрали моего брата и, несмотря на защиту нѣмцев, увели его с собой и по дорогѣ разстрѣляли. Между тѣм заволновалось крестьянство окрестных деревень и начало организовать свои полки против большевиков. Крестьяне страшно не довольны были большевиками за то, что они принуждают будто бы всѣх сельских и городских жителей:

— „Кушать из одного котла“.

То есть вводят коммуны.

А виновниками коммуны они считают евреев.

И вот в четверг 11-го іюля появились в нашей колоніи первые повстанцы окрестных деревень.

В теченіе нѣскольких минут колонія была переполнена ими. Они двинулись к полотну желѣзной дороги. Всѣ были вооружены, у всѣх было одно стремленіе: выгнать большевиков из Коростеня. Вечером человек 12 из них вошли к нам и велѣли мужчинам идти с ними к вокзалу.

Мы пробовали отказаться.

Мы никак не ожидали, что крестьяне, с которыми мы до сих пор жили в согласіи, так звѣрски смотрѣли на нас и поступали.

Мы вынуждены были пойти с ними.

По дорогѣ зашли в другой еврейскій дом и еще забрали двоих, так что всѣх арестованных нас стало пять человек. Мы опять стали просить их отпустить нас объясняя им, что мы такіе же крестьяне, как они сами, что мы вовсе не коммунисты, и они напрасно арестовали нас.

Но они отвѣчали:

— Раз жидаы, то уж и коммунисты... и всѣх вас надо перестрѣлять.

Мы поняли, что напрасно говорить.

Шли молча.

Вокзал был переполнен крестьянами-повстанцами, которые с зловѣщим любопытством смотрѣли на нас. Каждый по своему обвинял нас и каждый выдумывал для нас наказание.

Отовсюду звучало одно:

--- Смерть.

Мы слушали и молчали.

Так просидѣли до часа ночи.

К этому времени прибыли с позиции 5 повстанцев, они обобрали и раздѣли нас почти до гола. Они уже успѣли убить двух „коммунистов“ евреев, и никто из повстанцев не сомнѣвался в принадлежности этих убитых к коммунистам.

Дошла очередь и до нас.

Они устроили совѣщаніе и порѣшили, что нас нужно заколоть штыками. По военным соображеніям они отказались от прежняго своего намѣренія—разстрѣлять нас, так как боялись, что стрѣльба вызовет панику среди повстанцев, разрыбавших полотно желѣзной дороги. Выполненіе смертной казни взяли на себя эти 5 новоприбывших.

Каждый взял за руку одного из нас.

И повел.

Ночь была темная.

Даже на ближайшем разстояніи ничего нельзя было отличить. Предсмертныя судороги охватили нас. Языки наши прилипли, и мы не могли произнести ни одного слова. Каждый был погружен в свои мысли и старался не думать о предстоящей смерти.

Мы все-таки надѣялись жить.

Наконец молчаніе прервал мой отец.

Он стал просить убійц пощадить хотя меня,—единственного кормильца остающихся сирот.

Но тѣ на мольбы старика отвѣчали:

Каждый за свои грѣхи погибает.

Вдалекѣ темнѣл большой дремучій лѣс.

Нас туда и вели.

Трех старших, моего отца и еще двух евреев, шедших за нами, прикололи штыками. Убійцы так ловко это сдѣлали, что несчастные не успѣли вымолвить слово, как, обливаясь кровью, упали. Остались в живых только я и еще один еврей Гольдис.

Убійцы взялись за нас.

Державший Гольдиса, приказал ему лечь грудью кверху, для того, объяснил он, чтобы еврей видѣл, как его будут убивать.

Но Гольдис не послушался.

Лег спиною кверху, чтобы хоть не видѣть как вонзится штык в его тѣло. Однако убійца настаивал на своем, и бѣдному еврею пришлось подчиниться. Злодѣй поднял штык высоко, чтобы возможно ловчѣе вонзить его в грудь еврея, а бѣдняга лежал и все это видѣл. Но в это время, когда штык должен был вонзиться в его тѣло, он схватил его обоими руками и не дал опуститься ниже. Убійца хотѣл вырвать штык из его рук и потянул к себѣ винтовку. Но это послужило только в пользу Гольдиса, который не выпуская штык из рук, был поднят с земли. Мужик с большой силой потянул к себѣ винтовку, и на этот раз еврей выпустил из рук штык.

Мужик не удержался на ногах и упал.

А Гольдис убѣжал.

Я только слышал, как стали кричать:

— Лови-и-те!

Мужик, державший меня, не имѣл штыка, и рѣшил застрѣлить меня. Для того, чтобы я не удрал, один из них держал меня за руку. А другой выстрѣлил.

Пуля проскользнула мимо щеки.

Но не задѣла.

Он прицѣлил опять к щекѣ.

Выстрѣлил.

Но я отклонил голову и пуля опять не задѣла меня.

Третій раз он выстрѣлил.

Пуля ранила руку державшаго меня.

Тот отпустил меня на миг.

Я не теряя времени побѣжал.

Убѣжал я почти в одно время с Гольдисом.

По нас открыли стрѣльбу.

И опять пролетѣла пуля, которая задѣла только кожу моей спины.

Мы побѣжали без оглядки.

Нѣтъ возможности описать того ужаса, какой мы чувствовали в это время.

Я не знал, что дѣлаю. Какая-то сила толкала меня прочь от этого ужаснаго мѣста, и я ей повиновался, бѣжал... пока не прибѣжал к дому одного нѣмца.

И там мы скрылись.

12 дней просидѣли мы у этого нѣмца, боясь показаться на свѣт.

Семьи убитых убѣжали в Ушомир.

Два недѣли лежали убитые в лѣсу, пока не стали разлагаться. Нѣмцы боялись заразы, и рѣшили закопать их в землю.

Но мужики не допустили их к лѣсу*.

8.

Австріец.

10 еврейских семейств в селѣ Давидовкѣ жили всегда в мирѣ с мѣстными крестьянами. С появленіем петлюровцев отношенія ухудшились. Они увидѣли, как звѣрски поступают пеглюровцы с евреями, видѣли, что евреев можно безнаказанно грабить и убивать, и рѣшили:

„Потеребить немного своих жидаков“.

Они обвиняли нас в том, что мы продаем хлѣб большевикам, что мы виновны во всѣх реквизиціях, которыя совершают большевики.

Пріѣхал как-то отряд красноармейцев в колонію Горщик, в 7 верстах от нас, и там арестовал нѣсколько нѣмцев-колонистов в качествѣ заложников для выдачи молодых людей, подлежащих мобилизаціи. Крестьяне нашей деревни, услыхав о том, рѣшили присоединиться к другим селам, уже возставшим против большевиков, и вооружившись пошли разрушать полотно желѣзной дороги и наступать на Коростень. Мы уже оставили дома и, в тяжком предчувствіи разбѣжались по деревнѣ, чтобы спрятаться у крестьян. Но ни в один крестьянскій дом нас не впустили. Два кулака нашего села приказали крестьянам никого из евреев не укрывать.

У одного из кулаков жил сапожник австріец.

Нѣкоторым из нас удалось спрятаться в одном крестьянском сараѣ, и мы там таились нѣсколько дней. Но вот пришли два крестьянских парня нашего села с „фронта“, т. е. от линіи желѣзной дороги, и заявили крестьянам от имени своего коменданта, чтобы они собрали всѣх евреев в один дом и оттуда их никуда не выпускали. Мы рѣшили свои норы оставить и стать под их защиту. Вдруг вошли в наш арестный дом четверо чужаков-соколовцев с намѣреніем нас перебить, но хозяин дома, которому мы внесли 200 рублей, чтобы не дал нас в обиду, не позволил им выполнить их замысел.

И они ушли ни с чѣм.

Так просидѣли мы еще сутки.

Тут вошли к нам 7 других чужаков-соколовцев.

И обобрали нас.

Сын мой в это время прятался в сараѣ.

Видя, что бандиты вошли в дом, он рѣшил выйти из сарая и спрятался во ржи, потому что слышал их разговор убить всѣх. Об их таком рѣшеніи мы ничего не знали и были рады, когда они собрались уходить, не обнаружив спрятавшихся.

Но тут вошел сапожник-австриец.

Вооруженный винтовкой, он стал срамить бандитов за то, что они не убивают жидов.

Тѣ все же ушли, никого не тронув.

Австриец пошел за ними.

Кто-то из крестьян указал ему мѣсто, гдѣ спрятался мой сын и с ним нѣкоторые другіе. Австриец пригласил товарища, бандита нашего села, и с ним вмѣстѣ отправился на поиски.

Нашли моего сына.

И с ним еще еврея.

Убили их.

Вынули из кармана деньги с документами и пошли отыскивать остальных, нашли и хотѣли убить, но нѣкоторые крестьяне не допустили этого, боясь мести большевиков— «жидовских защитников».

Я указал на мое несчастье.

Хотѣл пойти забрать дорогой мнѣ труп.

Но крестьяне не хотѣли выпустить меня.

А через час пришли другіе и с злорадством заявили мнѣ:

— Собаки уже грызут твоего сына.

Не вытерпѣло мое сердце.

Вырвался из дому.

Побѣжал к штабу повстанцев.

Просил у них повозку, чтобы забрать своего сына, валялся как собака у ног их.

Вымолил повозку.

Поѣхал забрать труп.

Потом вырыл могилу в кладовой и там на время похоронил своего сына.

Пришли крестьяне и велѣли вынуть труп, чтобы, разлагаясь, он не заразил воздух.

...Зарыли его в полѣ...

В это время повстанцы скрылись, разбитые: и пришли большевики. Крестьяне освободили нас и приказали просить большевиков не сжигать села. С хлѣбом и солью, с болью в сердце, мы вынуждены были защищать, оправдывать крестьян».

По глухим углам.

„Мой муж был рабочим на стеклянном заводе, близ села Обиход, уже 15 лѣт. В час ночи подѣхало к заводу 12 человек бандитов.

Страшно испуганные, мы бросились к дверям и открыли их бандитам, думая этим смягчить их, но они сейчас же по входѣ в избу выстрѣлили из винтовки и убили моего мужа.

А потом стали бить меня прикладами.

Я, обезумѣв от ужаса, не издала ни одного звука, и это избавило меня от вѣрной смерти.

Забрав из хаты что могли, бандиты ушли.

Дѣти подняли страшный крик.

Бросились к своему дорогому отцу, думая оживить его.

Но труп уже остыл.

А бандиты, не довольствуясь этим убійством, бросили бомбу в хату.

К счастью, разрыв ея никого не убил“.

„В деревнѣ Буки убили двух пожилых евреев. После убійства одного из них, вторично явились бандиты и хотѣли убить жену и дѣтей его.

Бандит уже поднял винтовку, цѣлясь.

Но тут подбѣжал случайно подоспѣвшій крестьянин и закричал:

Что ты дѣлаешь?..

Убей лучше раньше дѣтей, не оставляй сирот!

С этими словами он выхватил винтовку у бандита.

Тѣм спас все семейство“.

„Парни села Шершни, гдѣ мы живем, заперли дверь нашего дома. А потом вломились к нам вооруженные люди. Они назвали себя соколовцами, хотѣли убить мою жену и требовали денег. Когда же она заявила, что денег нѣт, они стали кричать:

— Всѣ коммунисты!

Жена сказала, что мы не коммунисты.

Но они закричали:

— Вы жида-коммунисты, сжигаете наши деревни!

Они забрали всѣх нас, вмѣстѣ с дѣтьми, и повели к командиру на ту сторону рѣки. Туда же из других дворов свели еще евреев, всего человек 18.

Всѣх поставили в ряд.

Один из крестьян распорядился зарядить винтовки,

Но хорошо заряжайте, заявил он, так, чтобы можно было сразу в человек уложить.

Тогда моя дочь и невестка стали умолять о спасении, обещая отдать за это спрятанное во дворѣ золото. Их повели ко мнѣ во двор. Отдали все что имѣли, до двух тысяч рублей.

Они ушли".

.....

„Когда в Слоvecно начались убійства, там оказались знакомые мнѣ мужики из деревни Бѣгун, я с ними рѣшил ѣхать. Крестьяне как будто охотно согласились взять меня с собой и мою семью.

Пріѣхали в Бѣгун.

Я просил раньше завести к знакомому крестьянину, но того не оказалось дома. Хата его была заперта. Мы вынуждены были заѣхать к тому мужику, который нас привез.

Он спрятал нас в амбарѣ.

Послѣ этого он поѣхал опять в Слоvecно, и мы, считая его своим доброжелателем, просили его передать знакомым мужикам, чтобы они спрятали оставшіяся вещи наши и прислали нам хлѣба.

Он вернулся уже ночью.

Семья моя спала.

Мнѣ же не спалось.

Я слышал какой-то странный разговор хозяина с его женой.

До меня донеслись слова:

— Что бы там ни было, а ты спрячь вещи, чтобы они не нашли.

Хозяйка вошла к нам и с тревогой заявила, чтобы мы уходили, так как она боится за себя и за своих дѣтей, если нас найдут у них.

Мы вышли.

Мужик повел нас в другое мѣсто.

Было темно.

Мы не знали, куда он ведет нас.

Он говорил, что ведет к амбару брата, но привел совсем в другое мѣсто. Там сейчас же подошло нѣсколько человек с винтовками и шашками.

С криком:

— Руки вверх!

Выстрѣлили в воздух.

Начали грабить нас.

Потом подошли к моему сыну Давиду.

Выстрѣлили в него.

Он упал тяжело раненый.

Моя старуха жена, желая спасти другого сына, стала перед бандитами.

Ее прокололи штыком.

Застрѣлили другого моего сына.

Жена моего старшаго сына стала перед бандитами с ребенком на руках, надѣясь спасти мужа своего, который еще жил, хрипѣл и просил дать ему пить... и рукой он дѣлал движеніе—закрыть ребенка.

Стали бить меня по головѣ полѣном.

Я упал, окровавленный.

Так из всей нашей семьи осталась только невѣстка с восьмимѣсячным ребенком, которая стала за мной ухаживать, но вскорѣ впала в полубезумное состояніе. Она цѣловала руки у мужиков, просила о помощи. Но безумный вид этой несчастной женщины с распущенными волосами, с ребенком на руках, вызвал у них только смѣх.

Они ушли.

А потом еще раз явились справиться.

— Живы-ли?...

.....

„Мы жили на станціи Турчинкѣ, но петлюровцы все ограбили у нас, а сами мы спаслись только чудом и переѣхали жить в Кутузово. Но там дороговизна была ужасная, и я вынуждена была послать своих двух мальчишек домой, в Турчинку, чтобы достать немного провизіи.

Утром мальчишки ушли.

И больше мы их не видѣли.

Крестьяне убили их.

— „Чтобы уменьшить число крестьянских поработителей“, говорили они.

Их убил, как „маленьких щенят“, мужик села Топорищ, который находился в повстанческом отрядѣ, он снял с них одежду... и бросил голые трупы в яму.

Лишь на слѣдующій день узнала я об участи дѣтей моих, с большим трудом пробралась в село и увезла дорогіе трупы.

В это время отступили петлюровцы, в село вошел 9-й красноармейскій полк. Но он немного уступал своим предшественникам. Нѣтъ слов для описанія лишений. Вынуждены были спать мы на голой, сырой землѣ, потому что постели были разграблены крестьянами. Питались одними сухарями. Послѣ ухода 9-го полка, провѣдали свое добро. От имущества ничего не уцѣлѣло. Что было спрятано у крестьян, больше не было возвращено. Мы застали только обломки наших домов. Окна были внутри, мебель сожжена, крыши раз-

рушены. Осталось только поплакать немного на развалинах когда-то родных и милых построек.

Тут пришли соколовцы.

Крестьяне подняли новое возстаніе против большевиков и евреев. Ни один еврей не смѣл выходить за порог дома. Из мѣстечка не выпускали, ежедневно грабили.

Требовали контрибуцію.

Опять были разбиты соколовцы.

Пришел большевистскій отряд.

Было разстрѣляно 15 повстанцев, а остальные разбѣжались. Но когда красноармейцы хотѣли разстрѣлять двух пойманных мужиков, евреи упросили отпустить своих недавних угнетателей. За то, когда этот отряд оставил мѣстечко, банда опять ворвалась и подожгла мѣстечко со всѣх сторон. Стрѣляли при этом в евреев, задумавших тушить пожар. Только разразившаяся гроза не дала огню распространяться. Снова евреев не выпускали из мѣстечка под угрозой разстрѣла, и они не смѣли появиться на улицах.

Я переѣхала с дѣтьми в Коростень.

...Не имѣю ни хлѣба, ни рубахи, что бы прикрыть свою наготу".

10.

Мальчики.

„Было наступленіе на Коростень.

Слышалась со всѣх сторон ружейная и пулеметная стрѣльба. Еврейское населеніе всей округи попряталось, зная, какая опасность ему угрожает. У нас в селѣ Бѣлошицах появилась развѣдка из двух сосѣдних крестьян. Один был вооружен винтовкой, у другого простая палка со штыком.

День был праздничный.

Крестьяне сидѣли кружком, когда появились развѣдчики, и тотчас началась шумная бесѣда. Развѣдчики уговорили наших мужиков присоединиться к ним и возстать против большевиков.

— За громодянску владу.

Долго уговаривать не пришлось.

Крестьяне единогласно рѣшили присоединиться к повстанцам. И первым дѣлом они нарядили погоню за успѣвшими разбѣжаться евреями.

Нѣсколько крестьянских мальчиков-подростков вскочили на лошадей и помчались за жидами-коммунистами, как они кричали. Им удалось настигнуть нѣсколько еврейских мальчиков, бѣжавших в Коростень.

Тѣ увидали своих прежних сотоварищей.
 Увидали их вооруженными.
 Поспѣшно спрятались в рожь.
 Но тѣ соскочили с лошадей, нашли, поймали их во
 ржи...

И стали бить чѣм попало.
 Шпіоны—кричали они.
 Долго сыпались удары.
 Потом погнали их обратно домой.
 ...Женщины и дѣти шатались по полям, и никто не хотѣл
 впустить их в дом“.

11.

Единственно уцѣлѣвшая.

„Мнѣ сорок лѣтъ, я торговка.

7-го апрѣля я сѣла в Кіевѣ на пароход „Барон Гинсбург“. Пароход отправился в д. Суховичи за сахаром. Его арендовали 3 сухачевских еврея, которые уже от себя взяли пассажиров. Я сѣла на пароход заспанной измученной и не осмотрѣлась—кто и сколько пассажиров с нами ѣхало. Я забралась в угол и дремала. Проснулась я от шума, Евреи были ужасно встревожены и перепуганы.

— Что дѣлать... стрѣляют.

Дѣйствительно я услышала ружейную трескотню и удары пуль, пробивавших стѣнки парохода.

Я вся содрогнулась и растерялась.

Все несчастье, что произошло потом,—не сохранилось почти в моей памяти. Я все видѣла, слышала и дѣлала, как в летаргическом снѣ. Я еле вспоминаю, как пароход причалил к берегу и как к нам ворвались 5-6 озвѣрѣвших бандитов с ружьями.

Они стучали ногами об пол и командовали:

— Евреи отдѣльно, русскіе отдѣльно!

Русскіе отошли в сторону.

Раздалась новая команда:

— Женщины отдѣльно!

Мужчин вывели, должно-быть на палубу.

Нас осталось, кажется, три женщины под конвоем нѣскольких бандитов.

Потом нас вытащили на палубу.

Мы рыдали, теряли сознание.

Бандиты взяли сначала за престарѣлую женщину и бросили ее в рѣку—как была в одеждѣ,

Потом бросили меня.

Я лишилась чувств.

Не знаю, как доплыла до берега.

Надо думать, что меня вынесло течением, и я нащупала руками болотистую землю и выкарабкалась на болотистый остров, заросший прутьями. Сколько я там лежала—не знаю. Когда я пришла немного в себя и начала осматриваться, я увидела, что на другом берегу рѣки происходит что-то необычайное: там стрѣляли, шумѣли, кричали. Я глубже забралась в тростник и лежала там. Одежда прилипла к тѣлу, всѣ члены окоченѣли. Так пролежала я два дня и двѣ ночи.

На третій день, на разсвѣтъ замѣтила лодку с двумя крестьянами, поняла, что тут все равко погибну, и рѣшила попросить мужиков, чтобы они перевезли меня на другой берег. Мужики согласились и перевезли меня до села Межигорья.

Я вошла в корридор женскаго монастыря.

Спряталась под ступеньками.

Сколько там пролежала—не знаю.

Когда раскрыла глаза, увидала возлѣ себя сестру милосердія, которая приводила меня в чувство. Она отнеслась ко мнѣ с большим состраданьем, забрала меня в свою келью, дала мнѣ теплаго молока.

Сняла с меня одежду и высушила ее.

Посадила у печки.

Гладила мою голову и утѣшала с большой сердечностью.

Она подержала меня у себя нѣсколько часов, а послѣ этого велѣла уйти, потому что из-за меня:

— Монастырь может постичь несчастье.

Я ушла.

Но идти в деревню побоялась.

Я пряталась в монастырском дворѣ, в хлѣвѣ для свиней,—он был пустой. Я лежала на сырой и грязной землѣ. Но и тут недолго продолжался мой покой.

Мужик привез свиней.

Он меня не обидѣл, отнесся ко мнѣ сочувственно, только сказал:

— Уйди.. уйди.

И об'яснил, что боится.

Так в течение 5-6 дней бродила я из хлѣва в хлѣв, из одной дыры в другую. Питалась сама не знаю чѣм, а если и знаю, то не могу этого назвать. В деревнѣ все время стоял сплошной гул: стрѣляли, играли на гармоникѣ и до глубокой ночи пѣли веселыя пѣсни".

12.

„Слушай, Израиль!“

„7-го апрѣля я выѣхал из Кіева в Чернобыль на пароходѣ „Казак“. Ёхало 25 знакомых евреев и около 20 русских. Уже носились в это время слухи, что по дорогѣ появились вооруженныя банды, но мы себя чувствовали довольно спокойно, так-как с нами ёхало 15 красноармейцев с пулеметами и цѣлым ящиком ружей и пуль.

Под Межигорьем пароход обстрѣляли.

Военный чернобыльскій комиссар, ёхавшій на нашем пароходѣ, вышел на палубу и замѣтил, что с берега махают бѣлыми флагами. Увѣренный, что это военный сигнал для ревизіи парохода, он приказал капитану причалить к берегу.

Пароход пристал.

Тотчас вѣжало на палубу человек 8 молодых крестьян, одѣтых в полушубки, вооруженных кто ружьем, кто палкой. Они скомандовали, держа ружья на изготовку:

— Русскіе в сторону, всѣ евреи поднимите руки!

Русскіе пассажиры и солдаты сейчас же отдѣлились от нас.

Бандиты нас окружили.

Обыскали.

При этом рвали с нас платья и щипали, забрали всѣ цѣнныя вещи, имѣвшіяся при нас: деньги, часы, у женщин срывали даже серьги.

Пришло еще нѣсколько крестьян.

Выстроили нас по двое.

Выгнали на берег.

Мы там застали почти все еврейское население села Петровичи: стар и млад, дѣвушки и женщины с дѣтьми на руках. Нас согнали всѣх вмѣстѣ, в одну кучу. От петровичских евреев мы узнали, что утопили всѣх евреев, ёхавших на пароходѣ „Барон Гинсбург“. Петровичских евреев арестовали всѣх ночью, и только что привели сюда на берег, чтобы их тоже утопить. Они рассказывали, что вечером собрался крестьянскій сход и обсуждал вопрос:

— Что дѣлать с евреями?

Старые крестьяне, часто бывшіе в еврейских домах и выросшіе вмѣстѣ с евреями, высказались на сходѣ, что село не может взять на себя такой грѣх.

— Лучше евреев выгнать из села,—говорили они,—и то, что им суждено, пусть случится с ними подальше от наших глаз.

Но молодежь настаивала, что теперь подходящее время и нельзя откладывать, нельзя выпускать евреев из рук.

Теперь топят и убивают евреев по всей Украинѣ, и Петровичи не должны отставать.

...На берегу нас держали долго.

А потом погнали в деревню.

Мы пробовали спрашивать у бандитов:

— Куда нас ведут?

В отвѣтъ послѣдовали побои.

Нам велѣли молчать и процѣдили сквозь зубы:

— На слѣдствіе...

Привели нас в гостиницу при женском монастырѣ, всѣх заперли в одной комнатѣ и закрыли ставни.

Было еще рано: часов 6-7.

Вскорѣ явились к нам вооруженные бандиты и между ними много пожилых петровичских крестьян. Они нас обыскали и сняли с нас все, что им понравилось.

Позже пришла другая банда.

Она повторила то же самое.

Послѣ нея—третья.

Мы остались в одном бѣльѣ, а тѣ из нас, которые имѣли несчастье носить хорошее бѣлье, остались совсѣм голые. Среди приходящих крестьян было много хорошо знакомых петровичским евреям. Евреи стали просить своих знакомых крестьян, чтобы они их спасли. Но тѣ вмѣсто отвѣта искали глазами: что бы еще имѣющее цѣнность с нас стащить. Среди них были и такіе, которые горячились:

— Жиды-коммунисты, вы превращаете наши святые лавры в конюшни, вы убиваете в Кіевѣ наших братьев.. мы вас будем мучить точно так же, как вы обходитесь с нашими!

А другіе с особым смаком рассказывали—как всюду рѣжут евреев, выкалывают им глаза, женщинам отрѣзают груди...

Мы поняли, что погибли.

Мы лежали тихо, без слов, на землѣ.

У женщин даже изсыкли слезы.

Только изрѣдка ребенок заплачет, попросит ѣсть.

Днем привели к нам еще 12 евреев, которых задержали на рѣкѣ в лодкѣ, и еврейскаго коммунистическаго агитатора Шаповала, который ѣхал с нами из Кіева и был снят с парохода вмѣстѣ с красноармейцами. Шаповала привел человек средних лѣтъ, здоровяк с виду, в красной военной формѣ. Мы узнали потом, что это главарь банды. Шаповал нам передал по секрету, что с этим человеком можно столковаться и откупиться деньгами.

Среди нас пошел шопот:

— Откупиться можно... откупиться.

Мы припали к его ногам.

Обнимали их, цѣловали.

Умоляли подарить нам жизнь, обѣщали ему золотыя горы.

Человѣкъ в красном холодно посмотрѣлъ.

— Дайте 30.000 рублей.

Петровичскіе евреи стали просить:

Выпустите двух из нас в деревню, и мы взм принесем требуемыя деньги.

— 60.000, послѣдовал отвѣтъ.

— Даже 100.000. Держите наших жен и дѣтей в качествѣ заложников, отпустите нас в деревню, мы вам принесем.

Человѣкъ в красном не дал отвѣта и ушел, сказав, что зайдет позже.

Заходили и уходили крестьяне и, находя голых людей, с которых больше нечего брать, скверно ругались.

Вернулся человѣкъ в красном.

Мы снова почувствовали надежду на спасеніе.

Цѣловали его сапоги.

Умоляли.

— Отпустите двоих в деревню, и они принесут деньги.

Он отвѣтил:

— 900.000 рублей.

Мы обѣщали.

Но он подумал и сказал, чтобы ему указали адреса, и он уже сам получит деньги.

Мы назвали нѣсколько имен.

Он ушел.

Наступила ночь.

Он не возвращался.

Для нас стало ясно, что мы пропали. Мы молились Богу, прочли „Видуй“, предсмертную исповѣдь, — попросались друг с другом и забились в угол, отдавшись каждый своим послѣдним думам. Я нашел блок-нот с карандашом, и мы начали писать завѣщанія. Для всѣх нехватило бумаги, и очень многіе выцарапали свои имена на стѣнах монастырской гостиницы. Завѣщанія мы передали совѣм развалившейся старухѣ-еврейкѣ; мы вѣрили, что над нею сжалятся.

Около часу ночи вошло 6 бандитов.

Отдѣлили 17 человѣкъ, и велѣли им идти.

Они простились с нами и ушли.

Через скважину ставни мы видѣли, что их ведут по направленію к рѣкѣ.

Прошло времени с час.

Увели вторую партію 15 человѣкъ, а потом пришли за остальными. Каждый держался со своими близкими и родственниками. Когда нас вывели, была уже глубокая ночь. Я шел вмѣстѣ со своими двумя хорошими знакомыми. Мы рѣ-

шили погибнуть вмѣстѣ. Нас привели обратно на пароход и продержали там около получаса. Мы почувствовали, что пароход отходит от берега. Бандиты взяли одного из моих друзей и вывели его. Я хотѣл идти за ним, но меня отбросили.

Прислушиваюсь.

Кругом тихо.

Вдруг:

...плюх...

Будто бросили бревно в рѣку.

Повели моего второго товарища.

Через 2-3 минуты снова:

...плюх ..

Вывели меня.

Я был в порванных кальсонах и „талес-котен“,—легкое обрядовое одѣяніе, носимое под сорочкой.

Вели меня два солдата.

Один сорвал „талес-котен“.

Я их цѣловал, умолял отдать мнѣ его,—думая, что это поможет узнать меня и похоронить на еврейском кладбищѣ.

Но они не отдали.

Привели меня на палубу.

Уже схватили меня, что-бы бросить в воду, но я, закрыв глаза, крикнул:

— Шма-Исроэль... (Слушай, Израиль).

Я бросился сам в воду.

Волной отбросило меня под пароход.

Пароход мчался дальше, а меня понесло течением. Я еще был в сознании и тянулся в лѣвую сторону рѣки, к черниговскому берегу. Не имѣю представлений, как долго я боролся с водой, какія силы меня понесли. Мнѣ представляется, что я ухватился за пень в рѣкѣ, тянулся сам не знаю куда. Меня уже совсѣм оставили силы, когда я замѣтил, что близок к берегу.

Я выполз на берег.

Откачался на песокъ, чтобы освободить свои внутренности от воды и немного согрѣться. Потом пустился нагишом в холодоую сырую ночь дальше в дорогу.

Замѣтил огонек.

Пошел на него.

Ко мнѣ подбѣжали два мужика и велѣли мнѣ остановиться. Я начал их умолять не задерживать меня, рассказал им, что я рѣзник из ближняго мѣстечка, что в дорогѣ на меня напали бандиты и обобрали. Мужики кликнули кого-то. Показался человѣкъ, который меня спросил по-еврейски:

— Кто вы?

Я назвался.

Моей радости не было конца.

Человѣкъ бросился мнѣ на шею, это был мой добрый знакомый. Он переговорил с мужиками, с которыми вез вмѣстѣ на продажу рыбу.

Мнѣ дали мѣсто в лодкѣ.

Укрыли полушубками.

Когда начало свѣтать, мы под'ѣхали к деревушкѣ Страхолѣсье. Зашли в крестьянскую хату. Мужик оказался добродушным, смотрѣлъ на меня сочувственно, качал головой.

Дал мнѣ надѣть старыя лохмотья.

Позволил взобраться на печку.

Мнѣ казалось, что моя жизнь внѣ опасности.

Но тут зашли два молодых мужика.

— Что... тут жиды?

Да, нехай, их.

Приказано вести в штаб. На этих днях должны вырѣзать и утопить всѣх жидов.

Хозяин начал их просить оставить нас в покоѣ, потому что сам Бог нас спас.

Грѣх вмѣшиваться в его дѣла.

Молодые колебались и присѣли.

Мужик выпустил нас через окно второй комнаты.

— Удирайте скорѣе.

Мы пустились в рошу.

Оттуда в болотистую мѣстность, куда обычно люди не ходят. Мы по пояс зашагали по болоту, и в водѣ, ища такого тайнаго мѣста, гдѣ бы не могли нас найти. Мы шли по мѣстам, гдѣ нѣтъ и слѣда человѣческой жизни. Часто мы прятались в рощах, когда замѣчали вооруженных людей. Еще очень много нам пришлось пережить. Но в концѣ концов добрались мы до какой-то фабрики, гдѣ русскіе рабочіе нас немного одѣли, согрѣли, дали поѣсть и достали подводу, на которой мы доѣхали до Кіева“.

13.

На рѣкѣ.

„Дом мой, в Чернобылѣ находится на берегу рѣки среди русскаго населенія. Во время разлива, дом со стороны города окружен водой и доступ к нему возможен только садами и полем. 8-го апрѣля я из окна увидѣлъ, как два молодых еврея, неумѣло правя веслами, плавают на лодкѣ. Против моего дома они остановились, и оглядываясь назад на берег, бросили в воду два трупа. Я впоследствии узналъ, что эти евреи, по приказанію бандитов, поджидавших их на берегу, бросили в рѣку убитых евреев. Бандиты, по окончаніи работы, их изувѣчили.“

Послѣ выѣхала на середину большая лодка.

Такія лодки у нас называются „зуб“.

В ней было три бандита и 10 евреев, сильно избитых, с кровоподтеками на лицах. Вид их был ужасен: всѣ они были без фуражек, волосы всклокочены, бороды спелены от крови, глаза безумные, нѣкоторые были лишь в нижнем бѣльѣ, превращенном в клочья.

Бандиты стали их в одиночку, живыми, кидать в рѣку.

Семеро вскорѣ утонули.

Трое были вынесены теченіем на менѣе глубокое мѣсто и, достав дно ногами, стали ходить по водѣ, пробирались к моему дому.

Бандиты принялись в них стрѣлять.

Несчастные нагибали головы... пули их миновали. И много было выпущено пуль, пока были всѣ они перебиты“.

14.

Страшный жених.

„Мнѣ 19 лѣтъ, живу при родителях.

7-го апрѣля ночью, когда мы узнали о кровавых расправах с евреями у нас в Чернобылѣ, вся семья наша спряталась на чердакѣ. Квартиру мы оставили открытой и в нее, по каким то неясным соображеніям, вызванным очевидно растерянностью от ужаса, перебрался с семьей наш сосѣд еврей. Сидя на чердакѣ, мы слышали, как ночью в дом вошли солдаты. Они о чем то грозно кричали и три раза выстрѣлили. Повозившись еще нѣкоторое время, ушли. Потом опять был слышен шум и треск, явились другіе солдаты... притихло и опять солдаты... Так в теченіе всей ночи. Мы поняли, что в нашем домѣ происходит что то ужасное, но, опасаясь за свою жизнь, не рѣшились покинуть своего убѣжища.

Утром я осмѣлилась спуститься с чердака.

Сосѣд лежал раненый и почти все наше имущество было расхищено и попорчено.

Днем вошел к нам в сопровожденіи двух солдат знакомый военный русскій.

— Саша, назвала я его.

Он мнѣ чрезвычайно обрадовался.

Спросил о моих родных и, когда я ему сказала, что они испуганные происходящим в нашем городѣ, боятся показываться, успокоил меня и сказал, что мнѣ и родным нечего тревожиться, так как он нам выдаст расписку, обезпечивающую жизнь и остатки имущества.

Он выдал такую записку:

„Прошу этого еврея больше не тревожить“.

По моей просьбѣ он остался у нас на квартирѣ. Он у нас спал, ѣл, выпивал и отлучался лишь по своим „военным надобностям“. Он знал меня еще с первых дней пребыванія Лазнюка в нашем городѣ. Он находился тогда в числѣ других рядовых солдат, бывших на постой в нашем домѣ. Он был тогда оборван, буквально бос, и вернулся лишь недавно из австрійскаго плѣна. Родом он крестьянин, лѣтъ 30-ти, высокій, полный, колоссальной физической силы. В одном лишь нашем городѣ ему приписывают свыше 10 убійств, совершенных им собственноручно. Еще при Лазнюкѣ он проявлял нескрываемуя ко мнѣ симпатію и часто оскорблял меня своими нѣжностями и вниманіем. Уѣхав с отрядом Лазнюка, он присылал мнѣ любовныя письма, которыя, понятно, оставались безответными. Теперь он вернулся прекрасно одѣтым и состоял командиром 11-го баталіона.

Он почти всегда носил на плечах пулемет.

Желая ему угождать, мы готовили ему самыя изысканныя блюда, доставали в городѣ спиртные напитки, и „бутылка“ обязательно не должна была сходить со стола. Я сама подавала ему пищу.

Сама должна была сначала попробовать ее.

Обязательно должна была пить с ним.

Он мнѣ предложил выйти за него замуж.

Когда я указала на разницу религій, он авторитетно заявил:

— Религія чепуха.

Когда я пробовала приводить другіе мотивы, препятствующіе нашей женитьбѣ, он однажды так разозлился, что я буквально была на волосок от смерти. Приходилось его увѣрять в моей любви к нему.

Я говорила:

Я выйду за тебя, как только мои родители оправятся от пережитого.

Бандиты с требованіем денег и угрозами в наш дом больше не являлись и даже не показывались на нашей улицѣ. В домѣ наших сосѣдей тоже поселился командир струковских повстанцев и завел роман с дочерью хозяина, молодой дѣвушкой, которая имѣла на него большое вліяніе, благодаря искусно разыгранной преданности и влюбленности.

По вечерам почти всѣ еврейскія молодыя дѣвушки, живущія на нашей улицѣ, собирались в нашем домѣ или в домѣ сосѣда. Здѣсь проводили вечера в обществѣ обоих командиров.

Ужинали, выпивали, танцевали и пѣли.

Всѣ дѣвушки себя держали так, как будто всѣ влюбленные в этих героев, стараются отбивать их друг у друга, страшно ревнуютъ.

Это умиляло командиров.

Они всецѣло были в нашем распоряженіи.

Когда на нашей или прилегающей улицѣ врывались бандиты в еврейскіе дома, мы при помощи „женихов“ наших прогоняли их. Когда они пьяные засыпали, мы дежурили всю ночь на пролет на улицѣ: может быть появятся бандиты, может быть гдѣ нибудь по близости будет произведено насиліе над евреями, что бы быть всегда готовыми разбудить главарей и при их помощи разсѣят буйствующих. Наша улица, населенная исключительно евреями и при том состоятельными, исключая ночи на 8-е апрѣля, почти не пострадала.

Командиры своеобразно гордились этим.

Назвали нас:

— Бабій штаб.

А Саша даже требовал, что бы улица называлась его именем.

Поздно ночью, когда при зловѣщей тишинѣ слышны были отдаленные выстрѣлы, и мы всѣм содрогающимся существом своим понимали, что это прервалась послѣ издѣвательства и пыток жизнь еврея, — на нашей улицѣ слышалось пѣніе, вынужденный хохот, звуки мандолины...

Это мы забавляли „женихов“.

Чтобы упрочить их расположеніе, мы им вышивали шелковые пояса, рубахи; выдумывали именины, чтобы приподнести им торты с поздравленіями: называли их уменьшительными именами.

Они относились к нам нѣжно.

Смотрѣли, как на своих будущих жен.

Но...

„От своей природы не уйдешь“.

Раз, когда моему „жениху“ не понравился обѣд, он грубо прогнал меня и потребовал от моего отца серьезно, угрожая револьвером, 5000 рублей.

А однажды, став атаманом, позвал меня.

— Бронька, сними мнѣ сапоги... я стал атаманом“.

15.

В упряжкѣ.

Вечером в Чернобылѣ раздалась сильная ружейная и пулеметная стрѣльба, это была перестрѣлка между большевиками и наступающими струковскими повстанцами. К полуночи стрѣльба прекратилась, и повстанцы заняли город. Уже через полчаса в мой дом ворвались солдаты. Они скверно ругались и требовали выдачи коммунистов; кричали, что

евреи сскверняют христианские храмы, грозили разстрѣлом, но удовлетворялись тѣм, что открывали и взламывали все. Группа смѣняла группу всю ночь. К утру моя квартира представляла собою нежилой чердак, в котором валяется хлам от разных ненужных и испорченных вещей. А за окнами все слышался топот лошадей, отдѣльные выстрѣлы, неясные крики, гул...

Утром зашел ко мнѣ мальчик лѣтъ 17-ти.

Он был в военной формѣ с винтовкой и нагайкой в руках. Приказал мнѣ слѣдовать за ним. Из окна я замѣтил, что его поджидают два солдата в полном вооруженіи.

На мой вопрос:

— Куда меня ведут?

Мальчик ударил меня нагайкой по головѣ так сильно, что потекла кровь.

На дворѣ было холодно.

Я попросил разрѣшенія накинуть на себя пальто.

Он меня снова ударил.

Привели меня в штаб, втокнули в комнату, охраняемую двумя часовыми,—там я застал человекъ 10 евреев, по большей части стариков. Нѣкоторые были сильно окровавлены с опухшими лицами. Я стал спрашивать часовых и входивших солдат:

— Зачѣм меня сюда привели?

Лаконически отвѣчали:

— Топить.

Но один на это возразил:

— Сегодня уж без допроса нельзя топить, допрашивать будут.

Терзающе тянулось время.

Никто не допрашивал, только проходившіе солдаты отпускали по нашему адресу такія циничныя шутки, что мы все больше убѣждались в неминуемой смерти.

В комнату вошел все тот-же мальчик и, указав на меня и другого еврея, старика 60-ти лѣтъ, приказал:

— Ступайте за мной!

Во дворѣ стояла телѣжка.

Возлѣ нея два солдата.

Меня и старика запрягли в телѣжку.

Постегивая нагайками и понукая, как лошадей, погна-ли по улицѣ. Нашим конвоирам доставляло это великое удовольствие, они все время от души хохотали, заражая своим смѣхом и попадавшихъ по пути солдат. Пригнали к одному дому, гдѣ во дворѣ лежал убитый еврей. Лицо его было обезображено до неузнаваемости, пальцы рук отрублены, на шеѣ огнестрѣльная рана.

Заставили положить убитаго на телѣжку.

Снова запрягли нас.

Погнали к рѣкѣ.

Забава постегиванья и понукиванья продолжалась всю дорогу. Нас заставляли бѣжать „по кавалерійски“, „по собачьи“, под непрерывный задушевный хохот солдат.

Мы проѣхали по центру города.

По дорогѣ нам попадались мѣстные жители христіане, нѣкоторые из них сочувственно качали головой, а другіе отворачивались: очевидно не по нервам было такое зрѣлище.

Прибыли к рѣкѣ.

Нас заставили покойника бросить в рѣку, так, чтобы один из нас держал его за голову а другой за ноги, и раскачивали для болѣе дальняго паденія. Труп был брошен в рѣку по всѣм указанным нам „правилам“.

Один из провожавших сказал:

— Ну, а теперь этих.

Другой схватил моего спутника старика, чтобы бросить его в рѣку.

Но мальчик сказал:

— Нужно отвести телѣжку на мѣсто.

Этот мотив спас нам жизнь.

Мы опять запряглись.

Опять на нас посыпались удары нагайкой, так что когда мы прибыли в штаб, были сильно окровавлены. В штабѣ мы нашли тѣх же евреев, но уже избитых, искалѣченных. Через нѣкоторое время солдат, стоявшій у дверей в другую комнату, вытянулся.

Вошел „Сам“.

Он держал в рукѣ фотографическую карточку.

Сравнил ее с находившимся здѣсь евреем, человѣком уже пожилым, сильно окровавленным, и ничего не проговорив, гордо держа голову, удалился.

Наша участь была повидимому рѣшена:

— В рѣку.

Об этом нам говорили и говорили без умолку, входившіе и выходившіе солдаты.

Но тут вошел вахмистр.

С револьвером в рукѣ, качаясь на ногах, со слюной у рта, стал он заплетаящимся языком говорить солдатам, что бы нас освободили.

— Человѣческую жизнь надо щадить,—говорил он.

Нас освободили.

16.

На чай.

„Вошли солдаты...“

Старик отец отдал всѣ деньги.

Но они увидѣли на постели мою жену, она больна была воспаленіем легких, и у нея тоже потребовали денег. Она указала на свое опасное положеніе, но была грубо выброшена из кровати, тщательно обыскана, а кровать разворочена.

За нее вступилась мать.

Цѣлуя руки, просила пожалѣть больную женщину, но в отвѣтъ ее ударили ручной гранатой в голову, и она лишилась чувств.

Стали грабить.

Убили отца, ранили сестру.

Очистили все.

Ушли, навьюченные.

Когда пришли другіе, уже застали полный разгром.

Один сказал:

— Пойдем, товарищ, здѣсь уж все сдѣлано.

А другой обратился ко мнѣ:

Давай по крайней мѣрѣ, на чай... не стану же я к вам, жидам, ходить для „плезиру“.

17.

Цадик.

„Когда в Чернобыль гошли повстанцы, наша квартира, по чьему то указанію, была окружена отрядом солдат челоуѣкъ в 200, во главѣ со старшим, который выдѣлялся своими веселыми свободными манерами и изящной одеждой.“

Они постучали в дверь.

Мы медлили, потому что боялись открыть.

Тогда стали стрѣлять.

Мы сейчас же открыли.

Зашли в дом, потребовали хозяина, а когда отец подошел к ним, увели его на улицу. Поставили около дома, обыскали, — нѣтъ ли оружія и спросили:

— Чѣм занимаешься?

Отец, как галиційскій еврей, плохо понимает русскую рѣчь, и вмѣсто отвѣта на вопрос он начал что-то лепетать. Замѣтив на отцѣ большой „талес-котен“, шелковый кафтан, „штраймль“, — головной убор цадиков, — и его длинную сѣдую бороду, предводитель обратился к нему:

Ты раввин. Поклонись арміи!

Отца заставили стать на колѣни, снять с головы „штраймль“ и поклониться.

Отпустили.

Вскорѣ началась канонада.

К ночи вступили в город повстанцы-струковцы.

В полночь ворвались к нам два солдата, полные злобы. Хотя дверь была открыта, они выбили при входѣ окна, и держа ружья на готовѣ, обратились к отцу:

— Деньги... а то убьем вас всѣх.

Отец отдал им всѣ деньги, бывшіе при нем, что-то очень много. А солдаты кричали:

— Жиды коммунисты... они оскверняют церкви и убивают священников... надо вырѣзать всѣх жидов!

Они разбили всѣ шкафы и комоды, не смотря на то, что тѣ были открыты, и вынули оттуда без разбора все, что попадало им под руки, сколько только могли.

Потом всю ночь партія за партіей заходила,—все с одними и тѣми же ругательствами, с угрозами смерти... и по боями.

Мы сидѣли и ждали...

Вот еще... еще...

— Жиды... коммунисты...

Ломали, уничтожали все, что не могли взять с собой, и забрали все, что только захотѣлось.

...Наконец, замѣтив в слѣдующей комнатѣ отца, потребовали от него снять с себя брюки и отдать им. Отец предложил им другіе, но они настаивали на своем. Отец принужден был отдать им брюки, оставшись в одном нижнем бѣльѣ.

Это страшно на него подѣйствовало.

До того времени он довольно хладнокровно относился внѣшне к тому, что забрали и разрушили все наше имущество, накопленное в теченіе долгих поколѣній и заключавшее в себѣ драгоценности богатой, именитой раввинской семьи. Когда сняли с него брюки, он разрыдался, и все его тѣло сотрясалось.

Он в этом актѣ почувствовал ужасное униженіе.

Когда стало свѣтать, он ушел в молельню, находившуюся вблизи, а я осталась дома со своими сестрами. К полдню мы услышали топот лошадей и дикіе крики солдат, вступающих на нашу улицу, потом выстрѣлы...

И задыхающійся голос из синагоги.

Стало тихо.

Я вошла в синагогу и никого там не нашла, а там было, кромѣ отца, еще 8 стариков, молившихся в талес и тфилин. Я вернулась на улицу. Со всѣх сторон мчались пьяные

солдагы на разгоряченных кожах с голыми саблями и ружьями на готовѣ. Потом я узнала, что отца и стариков увели к рѣкѣ. Еврей, живущій у рѣки, рассказывал, что там над ними безмѣрно надругались.

Приказывали им пѣть еврейскія пѣсни.

Плясать...

Отца недавно вытащили из рѣки и похоронили.

Вся семья наша валялась остальное время погрома у сосѣдей. На нас уже не производили никакого дѣйствія ни частыя посѣщенія бандитов, ни угроза револьвером или замахиваніе саблей. Мы отупѣли, оглохли. Когда вернулись домой, нашли пустые, продырявленные стѣны, перья разорванных постелей, поломанныя окна и двери, кучу расщепленной мебели и разбитаго стекла, разорванные испачканныя книги“.

18.

Гости.

„Случайно, раз'ѣзжая по торговым дѣлам, познакомился я в разное время и даже подружился с нѣкоторыми руководителями повстанческаго движенія в наших краях. Это поставило меня впослѣдствіи в совершенно исключительныя условія, о которых я сейчас и разскажу.

Совѣтская власть в нашем городѣ не выдержала натиска повстанцев. Послѣ короткой перестрѣлки красные отряды разбѣжались и повстанцы, во главѣ с атаманом, вступили в город.

Я был в домѣ своих знакомых.

В полночь вошли солдаты, страшно озлобленные, стали требовать выдачи коммунистов, но удовлетворились денежным выкупом и разгромом вещей.

Меня привѣтствовали:

— А вот коммунист.

Сильно избили.

Группы смѣнялись безконечно.

К утру дом был основательно разгромлен, обстановка разгромлена, старик-хозяин с поврежденным черепом. Я не в состояніи был двигаться от побоев. И почти каждый из находившихся в домѣ жаловался и стонал от той или иной физической боли.

А в это время меня искали.

Сказались мои пріятельскія отношенія.

Атаман и его командиры, мои знакомые, зашли в дом моих родителей, разпрашивая обо мнѣ, как о своем пріятелѣ, с которыми пріятно „залить“ радость побѣды.

Родителям моим пришла счастливая мысль.

Он арестован коммунистами, заявили они.

Это привело моих друзей в восторг, и они рѣшили во что бы то ни стало отыскать меня. Они нашли меня в том домѣ, гдѣ я лежал избитый, искренно мнѣ обрадовалась.

Посадили в повозку.

С шумом, хохотом, криками и угрозами по адресу коммунистов повезли домой. Скоро сюда прибыли и другие предводители и „старше“. И дом моих родителей стал центром, куда сходились всѣ влиятельнѣйше люди повстанчества.

Я угостил их обѣдом и выпивкой.

За столом они разговорились и объяснили цѣль своего прихода в наш город приблизительно так:

Грабить и топить коммунистов и буржуев, которые обижают рабочій класс и крестьян на защиту интересов которых мы призваны.

И дальше из разговора их я понял, что коммунисты и буржуи это—жиды.

Этот обѣд и выпивка были началом непрерывнаго, шального трехнедѣльнаго пьянства и разгула. Пѣли, плясали, и приглашали еврейских музыкантов и сорили деньгами. Я и мои родные должны были участвовать в этом разгулѣ, по настоянiю гостей, а иногда даже сами искусственно должны были поддерживать и раздувать это пьяное веселье по слѣдующим мотивам: еврейское население скоро узнало, что вся повстанчества не переводится в моем домѣ и что она расположена ко мнѣ... и вот из всѣх концов города в одиночку, старые и молодые, пробираясь по садам, по заброшенным закоулкам и путям, стали искать спасительнаго убѣжища в моем домѣ.

Дом состоит из двух половин.

В одной шла необузданная пьяная забава, при непрерывном участii когонибудь из нашей семьи, а в другой таились спасавшіеся, пользующіеся вмѣсто слов одной лишь мимикой, евреи. За три дня в послѣдней половинѣ очутилось человек 400 стариков и молодежи. Нужно было изощряться на выдумки, как сообщаться с ними, доставлять им пищу, давать возможность отправлять естественныя функции и сдѣлать все это незамѣтно для начальства и солдат, которыми кишѣл наш двор и дом. В сараѣ же на дворѣ находилась вся еврейская молодежь с фронта.

Нужно было за пировавшими слѣдить.

Спаивать, забавлять их, чтобы отвлечь вниманіе от происходящаго в нашем домѣ. Нѣкоторые напившись приходили в буйное состоянiе, выхватив револьвер или обнажив

шашку пытались пускаться в город... и ясно было, что это будет стоить жизнь не одному еврею. Но и этих почти всегда удавалось удерживать, успокаивать. У нас выработалась богатая техника.

До тонкости были известны характер и прихоти гостей. Этим особенно отличались моя сестра и невеста, молодые дѣвушки. Онѣ буквально пожертвовали собой. В теченіе всего погрома онѣ почти не раздѣвались, спали сидя...

Пировали и пили вмѣстѣ с командирами.

Искусственно улыбались, любезничали, ласкали взорами, кормили из собственных рук изысканными блюдами.

Пѣли... танцевали.

Словом, ошемломляли или быть может даже умиляли гостей наших роскошью своей юной красоты. А ко мнѣ в это время прибѣгала какая нибудь мѣстная еврейка:

— Спасите, мужа моего повели к рѣкѣ.

Или:

— Сына в штаб взяли.

И не было случая, чтобы я не выручил этих жертв, так велико ко мнѣ было довѣріе и расположеніе властей. В подобных случаях всегда со мной ходил какой нибудь из командиров и 2-3 солдата.

Достаточно было, что бы я увѣрил:

— Этот не коммунист, не буржуй.

Распоряжались об освобожденіи.

Так перевезен был ко мнѣ цѣдик.

Были освобождены назначенные „к рѣчкѣ“ 10 человек, сильно искалѣченных.

В таких случаях мнѣ приходилось у каждой из жертв ошупывать и осматривать руки.

— Не буржуй-ли.

И моему опредѣленію:

— Нѣт, не буржуй.

Вѣрили.

Многих молодых людей я освобождал из под навозных куч, из которых выходили они до содроганія испачканными и облѣпленными, многих в сопровожденіе солдат извлекал из таких нор и мѣст, о которых нельзя было подумать, даже предположить, что когда нибудь здѣсь будет человек.

Всѣ подобные случаи неминуемо заканчивались богатым пиршеством и пьянством, на котором я, разбитый и усталый физически и морально, должен был присутствовать, зорко слѣдить за выраженіем лиц, быть на сторожѣ. Часто гости между собою спорили, ругались, угрожали друг другу смертью. Часто приходилось сидѣть за столом и любезничать с человеком в запятнанном кровью платьѣ, только что вернушимся с „работы“.

Но однажды произошел инцидент.

Скрывался в городѣ совѣтскій служащій.

Он был из австрійских подданных, очень хорошиі чело-
вѣкъ, и кромѣ того раненый в обѣ руки. Положеніе было бе-
зыходно-мучительным: его непрестанно искали, и никто, опа-
саясь за собственную жизнь, не давал ему убѣжища. Моя не-
вѣста жалилась над ним и дала ему пріют. Два дня он скры-
вался в сараѣ при домѣ моего будущаго тестя. На третій день
он бѣжал, думая, что ему удастся выбраться из города. Но
кто то из сосѣдей христіан уже донес атаману о его пребы-
ваніи в сараѣ. Атаман со стражей явился в дом моего те-
стя с пулеметом.

И прямо направился в сарай.

Он спросил мою невѣсту:

— Вы укрывали большевика?

Она попробовала отрицать.

Но тут же атаманом был обнаружен окровавленный
биѣтъ и остатки пищи.

Об'ясненіе были излишни.

Атаман тут же об'явил, что невѣста моя будет раз-
стрѣляна.

Однако об арестѣ ея не распорядился.

Я долго пытался уговорить атамана передать случив-
шееся забвенію, но он был неумолим, и лишь заступничес-
тво одного из командиров, челоуѣка, сильно мнѣ преданна-
го, заставило его уступить.

Но он перестал бывать у меня.

Нужно было и в глазах прочих командиров об'лечь
как нибудь поступок моей невѣсты, ибо и они стали погово-
ривать о прикосновенности ея к коммунистам.

И я рѣшился на сильное средство.

Еще до вступленія повстанцев в город были нами ра-
зосланы пригласительные билеты на нашу свадьбу, пріуро-
ченную к опредѣленному числу. И как раз в это число пог-
ром был в самом разгарѣ. Ежечасно приходили ко мнѣ с
мольбами о спасеніи, силой своего вліянія на властей, жизнь
того или иного еврея, барахтающагося в когтях грабителей
или уведеннаго „к рѣчкѣ“.

И понятно—было не до вѣнца.

Но спасавшійся в нашем домѣ цадик позвал меня с
невѣстой к себѣ и стал просить праздновать свадьбу в на-
значенный день, ибо это, по его словам, может повліять на
возобновленіе хороших отношеній с властями, нахмуривши-
мися за прокшедшій инцидент с невѣстой, и все еврейское
населеніе нас за это благословит. В такое кошмарное вре-
мя неууѣренности за свою жизнь в ближайшую минуту, теп-
лая проникновенная слова сѣдовласаго старца-цадика, в

кошмарной обстановкѣ, среди задыхающихся от отсутствія воздуха и сна евреев, нам показались пророческими.

Мы согласились.

Вѣщаніе происходило на дворѣ, гдѣ рядом в сараѣ лежали, извиваясь, молодые евреи... из города доносился гул и крики. При „хупе“, нѣкоторые держали даже, согласно традиціи, зажженные свѣчи.

Не было только атамана; играл оркестр музыки.

Играли даже по настоянію властей, „похоронный марш“.

Праздновали нашу свадьбу всю ночь.

Но мнѣ часто приходилось покидать гостей,—меня звали в город помогать:

...Шло безпрерывное избіеніе людей“.

19.

Врач.

„Послѣ освобожденія района Браилов-Жмеринка от петлюровских войск, я выѣхал с сослуживцами в этот район для оказанія помощи пострадавшим от погромов. Каждый из нас получил по 50.000. В Жмеринкѣ мы сконструировали секцію. Выяснив, что большой работы тут не предстоит, я поспѣшил на вокзал, чтобы отправиться в Вапнарку. В уѣздѣ были погромы, и я думал оказать возможную скорую помощь в освобожденных мѣстах. Дальше Вапнарки, однако, проѣхать не удалось, потому что жмеринскій путь был прерван. Просидѣв тут сутки, мы рѣшили ѣхать в сторону Христиновки и просили прицѣпить нам вагон к первому поѣзду, который в эту сторону направится. Вечером шел поѣзд с сахаром для Москвы. К нему прицѣпили наш вагон. На первом полустанкѣ поѣзд сдѣлал остановку, чтобы выбросить 5 вагонов, у которых загорѣлись оси.

Был уже дан третій звонок.

Вдруг раздался залп по поѣзду.

Послышались крики:

— Сла-а-ва!

Показались петлюровцы.

Всѣ стали выскакивать из вагонов и бѣжать, кто куда мог. Я побѣжал с нѣкоторыми в лѣсок налѣво.

Потерял пенснэ и ничего не видѣл.

Взял кого-то за руку и бѣжал вмѣстѣ с ним.

У оврага в лѣсу мой спутник остановился и посоветовал лечь в овраг и спрятаться.

Мы легли в овраг.

Прислушивались.

Слышен был топот верховых, окрики стоящих на по-

стах, скрип телѣг. Мы рѣшили, что это навѣрное мѣстные крестьяне повстанцы напали на поѣзд с цѣлью грабежа,— они ограбят всѣх оставшихся, уложат сахар на подводы и уѣдут, а мы сумѣем тогда выбраться. Однако надо было остерегаться. Я стал выбирать всѣ документы из лѣваго кармана, они давно уже были разсортированы на всякій поганый случай. То же продѣлал и мой спутник. Печать Ревкома и браунинг я положил у корней двух деревьев. Сами мы тихонько отодвинулись от этого могущаго нас скомпроментировать мѣста. Были еще документы, которые могли меня выдать,— это оставшіеся 40.000 рублей совѣтских денег. Как быть с ними... бросить их тоже в лѣсу. . закопать под каким-нибудь деревом. Так и не сумѣл я разрѣшить этот вопрос.

Послышался вблизи шелест.

Спутник мой рѣшил, что это наши, и радостным шопотом высказал мнѣ это. Его громкій шопот сразу выдал наше расположеніе и немедленно двое солдат, застучав затворами, оказались возлѣ нас.

Зажгли спичку.

— Ну, добродію, вылѣзай.

Вылѣзли.

— Жид?

— Да я еврей, врач.

Вытаскиваю из перваго кармана петлюровскіе документы, тоже давно собранные и заготовленные.

Пред'являю.

Зажигают свѣчку и читают бѣгло, просматривают документы.

А ты свои большевитскіе документы покажи.

Отвѣчаю:

У меня нѣт.

— Брехня!

— Хотя я их и имѣл, но они остались в вагонѣ, в шинели и в корзинкѣ.

— Ну... пройдишь вперед!

Эта команда мнѣ не особенно понравилась.

Я рѣшил лучше стоять.

Достаю еще документы от петлюровской прежней власти, свидѣтельствующіе о том, что я не большевик, что я лойялен по видношенію до Украины.

Они не удовлетворены.

Полезли сами в карманы и нашли пачку денег.

— Сколько гро-о-шей.

Об'ясняю им, что тут 20.000.

— Ну тебѣ столько не нужно. Мы возьмем 10.000, но гляди никому ничего не говори.

И сейчас же сказали моему спутнику:

— Ну, а ты можешь идти себѣ куда хочешь.

Сами отсчитали себѣ 10.000.

Остальные возвратили мнѣ.

Привели на вокзал.

У стола сидят двое офицеров, кругом казаки с винтовками и без винтовок. Просматривают документы арестованных.

Дошла очередь до меня.

Подвели к столу.

У стола стоит высокій с звѣрским лицом гайдамак, в широких шароварах и с хвостом на головѣ. Начинает раздѣвать самым варварским образом. Сорвал с такой силой френч, что порвал подкладку и оторвал рукав рубашки. Пробую протестовать, ссылаясь на гаагскую конференцію, на кодексы о плѣнных врачах. Гайдамак становится еще болѣе свирѣпым.

Стаскивает сапоги.

Оттуда выпадает что то завернутое в бумагу.

— Вот дѣ его документы!

Разворачивают.

Это 1000 билеты, запрятанные мною в сапог.

— Гроши нам не потрібны, с видом пренебреженія говорит полковник, сидящій у стола.

Просматривают документы.

Ничего подозрительнаго не нашли,—думают только, что документы подложные. С трудом вѣрится им, что я врач и документы мои. Говорят, что врач им очень нужен, что у них много больных. Мой допрос был прерван заявленіем двух казаков, нашедших нас в лѣсу, и теперь вернувшихся с заявленіем:

— Наш атаман приказал добродія ликаря повести до него.

Приказывают мнѣ одѣться, возвращают всѣ документы и деньги.

Ведут к атаману в село Кирнасовку.

Прошли шагов 100-200.

Остановливаются и спрашивают:

Гдѣ ваши большевитски документы, добродію.

Спрашивают обидно.

Молчу.

Одни вытаскивают из кармана документы и показывают мнѣ документы мои. Тут же и печать Ревкома.

— Теперь можем вас застрѣлить и нам ничего не будет.

Спрашивают сколько у меня еще денег.

— Дайте всѣ деньги, а себѣ оставьте 10.000, тогда документы не покажем атаману.

Долго шел спор между нами.

Мое условие было возвращение мне документов. Один согласился, другой не соглашался. Уже в самой деревне, возле квартиры, где разместился атаман, согласился и второй. Выдали мне документы и печать.

Мы присели на землю лицом к забору.

Они сами деньги отсчитывают, а я документы рву на куски. И печать сорвал и разорвал. Возвращают мне остатки, получившиеся после того, как они отсчитали себе еще 20.000.

Повели к атаману.

Там я застал еще человек 18 пленных, из коих 12 было евреев. К полудню всех повели в чулан, заперли, а любители занялись избиванием евреев. Избивали и заставляли при этом плясать и петь.

— Теперь треба до ликаря взятъся,— говорит один из любителей.

Дѣлаю вид, что не слышу.

Входят еще двое, заявляют:

— Дайте по 1000 рублей и мы вас избивать не будем.

Пришлось согласиться.

Отдал еще 4000, обещают больше никого не избивать.

Наконец к вечеру позвали к атаману, который спросил меня: желаю-ли я работать в качестве врача в отрядѣ.

Отвѣчаю:

— Согласен.

На ночь мне отвели место в квартирѣ, где стоял штаб.

В Гайсинѣ я слег в больницу, под видом больного.

...Вскорѣ бѣжал“.

20.

Чудесное спасение.

„Я 4 раза был поставлен лицом к смерти, но каждый раз спасался. Я ученик коммерческого училища и перед погромом состоял в проскурвской квартальной охранѣ. Одѣтъ был в солдатскую шапку и шинель.

В субботу послѣ обѣда, когда на улицах уже валялись трупы зарѣзанных людей, я направился к своему дому, находящемуся в концѣ города по направлению к деревнѣ Зарѣчью. Недалеко уже от дома встрѣтил толпу гайдамаков.

Один из них остановил и спросил меня:

— Жид или русскій?

Я отвѣтил:

— Русскій.

Он потребовал документ.

Я показал ему ученической билет коммерческаго училища, в котором вѣроисповѣданіе не было. Казак повертѣлъ документ, отнесся к нему нѣсколько подозрительно, но потом сказал:

— Иди.

Когда вслѣд за тѣм на меня бросились другіе казаки, этот крикнулъ им:

— Отпустите, это русскій.

Я подошел к своему дому.

Он оказался запертым и с выбитыми окнами. Лишь впоследствии я узналъ, что родные мои спрятались и не пострадали. Зато жившій в том же домѣ богатый еврей оказался вырѣзанным со всей своей семьей из 6 человек.

Я отправился в Зарѣчье.

Зашел там к знакомому еврею.

Вечером начали ломиться в дверь и ворвались в дом крестьянскіе парни. Они набросились на старика отца моего знакомаго и убили его. Сам же я вмѣстѣ с знакомым своим, бросился бѣжать по направленію к лѣсу.

Трудно мнѣ было бѣжать, я остановился.

Парни меня окружили.

Выстрѣлили в меня.

Но, убѣдившись, что я не ранен, рѣшили отвести меня в город и отдать в руки гайдамаков. Как раз в это время из города явился один крестьянин, и стал рассказывать что там происходит.

Парни остановились, чтобы послушать его.

Вниманіе их было отвлечено,—мнѣ удалось скрыться. Я пошел по направленію деревни Гриновцы. Там жили мои знакомые евреи. Но так как было уже очень поздно, я не рѣшился пойти к ним в дом и остался ночевать на полѣ. На утро зашел к ним, но тут стало извѣстно, что крестьяне собираются на сход для обсуждения вопроса—как поступить с живущими в деревнѣ евреями.

Тогда я ушел обратно в город.

Но там было очень не спокойно.

Родных своих я не нашел... опасливо блуждая по городу, таясь и хоронясь по закоулкам, я чувствовал, что больше нѣтъ уж никаких сил находиться в таком положеніи.

Опять вернулся в деревню.

Переночевал у знакомых.

А утром туда явились 3 гайдамака и начали искать евреев. Тогда вмѣстѣ с двумя молодыми людьми и одной дѣвушкой я побѣжал в лѣс. Там мы спрятались и долго таились, но потом рѣшили, что будет болѣе безопасно отправиться в город.

И мы пошли.

Но по дорогѣ встрѣтились 3 парня, возвращавшіеся из города. Один из них был с винтовкой. Они остановили нас, осмотрѣли документы и сказали:

— Нам таких-то и нужно.

И погнали нас обратно в деревню.

Я присѣл на дровни к тому парню, который был с винтовкой. Два других парня и молодые люди с барышней шли пѣшком.

Тут встрѣтились еще трое гайдамаков.

Они остановили нас.

— Кого ведете?

Парень с винтовкой сошел с дровень и об'яснил гайдамакам:

— Евреев поймали.

Гайдамаки выхватили шашки и начали рубить молодых людей.

Изрубили их.

Убили дѣвушку.

Увидѣв это, я, оставаясь на дровнях, погнал лошадь и она понесла меня по направленію к деревнѣ. Один из гайдамаков бросился за мною, но не мог меня догнать. От'ѣхав незначительное разстояніе, я соскочил с дровень, предоставив лошади бѣжать в деревню.

Сам побѣжал в поле.

Распростерся на снѣгу.

Был туман и не легко было меня замѣтить.

Но через нѣкоторое время оказались около меня крестьянскіе подростки,—они рѣшили передать меня, как еврея, гражданским властям. Привели в деревню Гриновцы, стаццили с меня по дорогѣ часы. В Гриновцах уже всѣ евреи оказались арестованными.

Меня присоединили к ним.

Надо замѣтить, что в Гриновцах проживало около 40 евреев. Всѣ они носили фамилію Бухера и представляли собою потомство нѣкоего Бухера, издавно поселившагося в этой деревнѣ. Между Бухерами и крестьянами были всегда хорошія отношенія. Тѣм не менѣе, когда вѣсть о проскуровской рѣзнѣ дошла до деревни, молодые крестьяне рѣшили раздѣлаться и со своими евреями. Нѣкоторые из них отправились в Проскуров и оттуда привели тѣх трех гайдамаков, о которых я упоминал. Евреи попрятались, узнав об этом, но крестьяне розыскали их и вмѣстѣ с гайдамаками окружили. Был поднят вопрос: раздѣлаться ли с ними здѣсь или гдѣ нибудь в другом мѣстѣ. Гайдамаки, обыскав их и забрав все, что только можно, предложили их всѣх тут же перерѣзать. Но старики крестьяне зачѣвали гайдамакам, что

они расправятся со своими жидками сами, только не здѣсь в деревнѣ, а гдѣ нибудь за селом. Евреев, вмѣстѣ с женами, и дѣтьми, а с ними и меня, посадили на дровни и повезли по направленію к Проскурову. По пути молодые крестьяне хотѣли с нами расправиться.

— Убьем их тут.

Но старики настояли на том, чтобы передать нас в руки властей, которыя уже сами и учинят расправу. Нас привезли в проскуровскую комендатуру, а оттуда препроводили к станціонному коменданту на вокзал. Тот в свою очередь препроводил в штаб военно-полевого суда. Оттуда нас обратно вернули в комендатуру, а оттуда в камеры для арестованных.

Но я камеры избѣг.

За время этих переходов я все ждал удобнаго момента.

...И незамѣтно сбѣжал“.

21.

„Земельный комитет“.

„Ходил по Проскурову, одѣтый в крестьянское платье, и подслушал заявленіе гайдамаков, обращенное к толпѣ христіан, что с двух часов повторяют вчерашнюю рѣзню. Услыхав, я отправился в дом своих родителей, что бы предупредить их об этом. Кромѣ родителей и сестер, я застал в домѣ своего младшаго брата и одного дальняго родственника. Из окна мы вскорѣ увидѣли, что к дому приближаются 5 гайдамаков с помощником коменданта, который был хорошо знаком с моим младшим братом и дал даже ему разрѣшеніе на право ношенія оружія.

Старика отца и женщин отправили на чердак.

Сами открыли двери гайдамакам.

Вошедшій К. заявил, что он пришел искать в домѣ „тайный аппарат“ и оружіе. Брат ему замѣтил, что никакого аппарата в домѣ нѣтъ и что у него имѣется только револьвер вмѣстѣ с разрѣшеніем. Он тут же это ему передал. К. сдѣлал вид, что ищет под кроватями аппарат, а затѣм приказал нам всѣм слѣдовать за ним.

Отвели в комендатуру, помѣстили в камеру.

Там уже много было арестованных, как евреев так и христіан, заподозрѣнных в большевизмѣ. В продолженіе дня было и еще много новых арестованных.

Наконец привели туда и моего отца.

Его нашли на чердакѣ и арестовали.

К вечеру в камерѣ оказалось 32 христіанина и 15 евреев. Над арестованными всячески издѣвались, но особен-

но жестокому издѣвательству подвергался один поляк,—бывшій помѣщик. Его все время избивали шомполами и подвергали другим истязаніям.

Стали вызывать к допросу.

Допрашивал тот же К., но допрос был самый не серьезный, как бы только для проформы.

На слѣдующій день вечером всѣх нас арестованных вывели на улицу и построили в шеренгу, отдѣльно христіан, отдѣльно евреев К группѣ евреев подошел здоровый гайдамак и торжествующе сказал:

— Ну, жидаы, больше к нам не вернетесь, всѣх вас отправим в „земельный комитет“.

На их языкѣ это значило:

— На тот свѣт.

Повели нас к вокзалу.

По дорогѣ продолжали издѣваться, особенно над тѣм поляком. На вокзалѣ помѣстили в отдѣльный вагон. Вечером начали по очереди вызывать христіан. Их, оказывается, вызвали в сосѣдній вагон, гдѣ три подвыпивших казака о чем-то спрашивали их, а затѣм переводили в третій вагон. Прошло нѣкоторое время, и из вагона вывели пять евреев, в том числѣ моего брата. Когда в продолженіе часа они обратно не вернулись и о них никаких свѣдѣній не поступало, мы поняли, что их увели на разстрѣл. Часов около десяти вечера нас, оставшихся 10 евреев и с нами одного русскаго, вывели из вагона на полотно желѣзной дороги. Евреев отвели в сторону и первым дѣлом обыскали и забрала деньги.

Затѣм всѣх поставили в два ряда.

Повели к откосу рѣки,—на разстояніе 4 верст от моста, гдѣ стояли вагоны.

Было ясно, что ведут на разстрѣл.

По дорогѣ шедшій рядом гайдамак ощупал мой тулуп.

Я сказал:

— Что смотришь... хорошая ли тебѣ шкура послѣ меня останется?

Пригрозив прикладом, он мнѣ крикнул:

— Молчи, жидюга, а то набью морду!

Отец обратился ко мнѣ по-еврейски с просьбой не спорить, чтобы они над нами перед смертью не издѣвались.

Всѣх привели к откосу.

Приказали снять платье и сапоги.

Всѣ мы остались в одном бѣльѣ.

Я попросил разрѣшенія попрощаться с отцом.

Мнѣ разрѣшили.

Я подошел к отцу, и, взяв его за руку, вмѣстѣ с ним стал выкрикивать слова предсмертной молитвы, упоминая в ней имена своих дѣтей.

Затѣм нас поставили в одну шеренгу.

Лицом к рѣкѣ,

Позади раздалась команда.

— Пли.

...Три залпа...

Всѣ упали.

В том числѣ и я.

Раздались стоны и крики раненых.

Гайдамаки прибѣжали и стали приканчивать стонавших. Особенно им долго пришлось возиться с русским, который упорно боролся со смертью.

...Все стихло...

Гайдамаки ушли.

Я начал себя ощупывать и удивился, что не только жив, но даже и не ранен. Убѣдившись, что никого вблизи нѣтъ, я бросился стремглав бѣжать по направлению к ближайшей деревнѣ. В одном мѣстѣ, проходя по рѣкѣ, провалился сквозь лед и очутился по колѣни в водѣ. Но ни усталости, ни холода не ощущал. Наконец добрался до деревни, пришел в дом знакомаго христіанина, разбудил его и рассказал обо всем случившемся.

Он плакал, слушая меня.

Но посоветовал не оставаться у него, ввиду близости города. Он дал мнѣ сапоги и платье. Я направился в слѣдующую деревню, а оттуда кое-как добрался до мѣстечка Меджибож^а.

22.

Не захотѣл ждать.

„Мы видѣли из окна, как цѣлая ватага с шумом и криком, зашла в дом Слуцкаго, расположенный под одной крышей с нашим. Вскорѣ Слуцкій с женой прибѣжали к нам. Они рассказывали, что у них из квартиры все забрали.

И шубы, и костюмы, и бѣлье. Мы сидѣли всѣ вмѣстѣ и ожидали, что будет. Вдруг к нам заходят двое. Они были уже и раньше, но теперь снова принялись искать и шарить по всѣм углам и шкафам.

Тут старшій пристал к Слуцкому.

— Дай 500 рублей.

Тот стал увѣрять, что денег нѣтъ.

Он обыскал его, и, дѣйствительно ничего не нашел. Тогда он сѣл на стул, заложил ногу за ногу и сказал:

— Ну значит, коли гроши у тебя нема, так я тебя убью.

Через минуту он попросил, чтобы ему дали кусок курительной бумаги.

Ему дали.

Он поблагодарил, вынул пачку махорки, посыпал в бумагу, скрутил папиросу, закурил.

И спокойно, совершенно хладнокровно сказал:

— Ты лучше дай гроши, а то ей Богу убью.

Жена Слуцкаго сказала, что она пойдет поищет, может быть и достанет.

Он отвѣтил:

— Добре, подожду.

Жена ушла.

А он все время сидѣл с нами, спокойно и мирно бесѣдовал. Но глаза его меня пугали: в них было что-то недоброе, даже страшное.

Прошло около часу.

Слуцкая все не возвращалась.

Тогда он встал.

И совершенно спокойно сказал.

— Я больше ждать не хочу.

Сдѣлал знак.

— Ходим.

Вывел Слуцкаго из дома.

И сейчас же раздался выстрѣл.

Мы выбѣжали во двор.

...Раненый в бок Слуцкій лежал в лужѣ крови*.

23.

Рива.

„Это было на Пасхѣ.

Я по ремеслу красильщик и живу в Горностайполѣ давно.

Должно быть, кто-нибудь из сосѣдей указал, что у меня в домѣ хранится какой-то „очень страшный предмет“, потому что утром зашли ко мнѣ нѣсколько повстанцев, вооруженных нагайками и ружьями, и произвели строгій обыск.

Рылись в кучѣ тряпок.

И вот нашли пестро выкрашенное полотно.

— Вот оно, те само,—с удовольствіем крикнули они.

Это был кусок театрального занавѣса, купленный мною недавно, чтобы пререкрасить его и пошить что-нибудь для продажи.

Я стал им об'яснять.

Но они не слушали меня.

Сильно взбудораженные они горячились и кричали, что евреи позволяют себе уж слишком много.

— Оскверняют христіанскія святѣны, выкалывают святѣым глаза...

А в доказательство потрясали пестрым обрывком театральнаго занавѣса.

— Риза... риза...

Избили меня.

Потом окутали меня в ризу и вывели в таком видѣ на базар. День был воскресный, базар полон крестьян. Один из солдат, ведшій меня, обратился к ним с зажигательной рѣчью против евреев и кричал, что единственный способ избавленія от еврейскаго засилія:

— Перебить всѣх евреев и бросить их в рѣку.

Тыкая пальцем в меня, завернутаго в пестрое полотно, он закончил:

— Вот доказательство—до чего уже дошла еврейская наглость.

Крестьяне смотрѣли на меня с любопытством, со всѣх сторон они ошупывали полотно.

— Комендантская штука.

Солдаты употребили всё свое ораторское искусство, чтобы переубѣдить крестьян, но всѣ их старанія и доводы были тщетны.

Крестьяне остались при своем:

— Это не риза.

Возможно, что до извѣстной степени тут роль сыграли мои хорошія отношенія с крестьянами. В качествѣ красильщика я всегда умѣл приноровиться к крестьянскому вкусу, в особенности крестьянки приходили всегда в восторг от моей работы.

Солдаты все-таки упрямились.

— Это риза.

И повели меня в штаб.

Там я был арестован, и мнѣ объявили, что будет произведено слѣдствіе, а потом будет суд с участіем самого атамана.

Положеніе мое было тяжелое.

Я знал, чѣм, как у нас, так и в других еврейских поселеніях, кончались обычно такіа слѣдствія: они влекли за собой смертный приговор. По производившимся приготовленіям к слѣдствію, по отдѣльным словам и замѣчаніям солдат, я угадывал, что мое дѣло собираются раздуть в торжественный религиозный процесс.

Но родным удалось подкупить судью.

На слѣдующій день меня допрашивали в присутствіи самаго атамана и его командиров.

Судья обратил все дѣло в шутку.

Меня освободили под условіем, что я устрою для всѣх старших богатый обѣд с напитками в избиліи.
Обѣд мнѣ обошелся в 3000 рублей*.

24.

Томленіе.

„Я Горностаипольскій столяр.

Числа около 10-го апрѣля я услышал шум и крик в сосѣднем домѣ. Вышел во двор и увидѣл как дочь сосѣда еврея, молодая дѣвушка, отбивается, призывая на помощь, от разъяреннаго солдата. Ей удалось вырваться из его рук и убѣжать.

Солдат рванулся вслѣд за ней, но ему преградил дорогу отец дѣвушки. Взбѣшенный бандит, с ожесточеніем, размахивая со всей силой, стал бить отца рукояткой револьвера по лицу. Жертва упала безчувственно на землю, а руки бандита прилипли от крови к револьверу.

Ругаясь:

— Паршивые жидаы... коммунисты!

Он направился в мой дом.

Я быстро вбѣжал в дом и, заперев за собой двери, выпустил жену и дѣтей в сад, чтобы они могли пробраться к сосѣдям. Чѣм дом сосѣда мог считаться болѣе безопасным нежели наш,—я не сознавал. Уж так велось у нас: одна семья пряталась у другой в смертном томленіи.

Солдат увел меня с собой.

Оставил меня под надзором в покинутом еврейском домѣ. Ушел и вернулся еще с двумя евреями, сильно побитыми, и опять ушел. Так постепенно он натаскал 13 человек старых и молодых, были и 2 женщины.

Наконец, вспотѣвшій от усталости, он развалился в удобной позѣ на стулѣ и, закурив папиросу спросил нас:

— А вы сегодня чаю еще не пили?

И сам же отвѣтил:

— Ничего, я вас напою сырой водой.

Докурив папиросу, он в сопровожденіе солдат вывел нас на улицу.

Скомандовал стать по два.

— Шагом ма-а-рш!

Повел нас к рѣкѣ.

Нам приказал пѣть.

Они зорко слѣдили, чтобы мы достаточно громко пѣли и заставляли идти в ногу, побуждая к этому нагайками. Среди нас были 2 пожилыя женщины и старик свыше 70 лѣт. За нами бѣжали крестьянскіе ребяташки с веселым визгом

и радостными возгласами. Мы стали просить бандитов освободить женщин и старика, так как они плачем, воплями, частыми падениями от усталости и страха так действовали на нас, что у нас мутилось сознание.

Они согласились освободить женщин только.

Но старика продолжали гнать.

Пришли на берег.

Старший поставил нас в ряд по старшинству, так что старик оказался первым, а мальчик лѣтъ 15 послѣдним. Старший объяснил, что первым бросит в рѣку старика.

Чтобы не видал, как другіе купаются.

Мы готовились к смерти.

Солдаты уже готовились приступить к работѣ, но один из них увидѣл, что кто то машет платком, приближаясь на велисопедѣ.

Это был атаман Ковалюк.

Он отозвал старшаго в сторону и стал просить его освободить нас.

Тот долго не соглашался, но наконец уступил. Нас повели обратно в город. Приближаясь к базару, заставили пѣть солдатскую пѣсню „Чубарики“.

Потом освободили.

Квартиру я застал разгромленной и узнал, что за наше освобождение было внесено 4000 рублей.

25.

„Яблочко“.

„12-го мая стали появляться на улицѣ Умани группы повстанцев. Они преслѣдовали проходивших, главным образом, евреев. Один из повстанцев, молодой парень, завидя проходившую через улицу барышню-еврейку, стал нагонять ее держа в руках раскрывшій нож.

Догнал.

Ударил ножом по лицу, потом в бок.

Она упала.

... Состав повстанцев был весьма разнообразен, начиная от подростков и кончая сѣдобородыми стариками.

Наш дом окружили со всѣх сторон и подвергли жестокому обстрѣлу из винтовок.

Я бросился к телефону.

Просил коменданта оказать помощь.

Он отвѣтил:

— Раз обстрѣливает повстанец, то безпокойтесь нечего.

Еще звонили, теперь отвѣтили:

— У вас засѣли большевики.

Обстрѣл дома, как потом я узнал, был вызван тѣм, что в одном из флигелей помѣщался большевитскій жилищно-реквизиціонный отдѣл.

Я опять звонил.

Отвѣтили:

— Обратитесь к командующему восьми сел.

Тѣм временемъ со двора неслись душераздирающіе крики и вопли мужчин и женщин, слышалась площадная ругань, звуки ударов.

Кто-то нервным голосом кричал:

— Поведите меня к директору банка, он русскій чело-
вѣкъ, он скажет, что я не комиссар, что я не причастен..

Это был жилец, служащій банка, русскій,

Его убили.

Слышалась команда:

Раз. . два.. три..

Команда смѣшивалась со звуками распѣваемой часту-
шки:

...Яблочко,

Куда ты катишься...

И самое командованіе на мотив того же „яблочка“.

А затѣм раздался залп.

..Вопль людей..

Я снова бросился к телефону.

Комендант отвѣтил:

— Лично пріѣду.

Но не пріѣхал.

Крики и выстрѣлы продолжались до ночи.

Вечером постучали в дверь.

Я открыл:

— Зайдите всѣ.

Была полна лѣстница повстанцев.

Старшій спросил:

— Не звонил ли я к коменданту, и получив утверди-
тельный отвѣтъ, приказал повстанцам уйти, а сам зашел в
квартиру только с двумя. Произвел обыск, ничего не нашел
и сказал:

— Спите спокойно.

..У вошедших с ним солдат руки были в крови“..

26.

У стѣнки.

„Когда повстанцы вошли в Умань, в нашей квартирѣ собралось очень много людей,—женщин, мужчин и дѣтей. Вошли люди с винтовками, в фуражках с перевернутыми на-
зад козырьками.

— Большевики есть?

Затѣм спросили оружіе.

На отрицательный отвѣтъ раздалась площадная брань.

Не может быть, чтобы у жидов не было оружія... знаем мы вас жидов, знаем ваши жидовскія махинаціи!

Набросились на квартиранта.

— Ты комиссар?

Забрали в отдѣльную комнату и долго жестоко избивали. Это обвиненіе они пред'явили почти каждому мужчине, находившемуся в комнатѣ, и кричали:

— Мы вам покажем коммуны!

Затѣм всѣх вывели на двор.

По дорогѣ били, не отличая мужчин от женщин, взрослых от дѣтей.

Скомандовали:

— К стѣнкѣ!

Затѣм отдѣлили женщин и дѣтей.

Предчувствуя недоброе, мы умоляли взять у нас все, что угодно, только помирить наших...

Раздалась команда:

...Раз... два... три...

На наших глазах убили наших родных и знакомых. Спасся только мой шурина, убить его помѣшала моя сестра, жена его. Она бросилась на шею убійцы.

...И пуля угодила в нее...

Когда везли ее в больницу, по дорогѣ кричали:

— Жидов спасать не дадим!...

...Умерла в больницѣ“.

27.

По-хозяйственному.

„Когда к нам в Дубово вошли повстанцы, в дом мой явилось нѣсколько солдат, за которыми слѣдовали двое порожних подвод. Они принялись постепенно хозяйничать. Забрали все, что попадалось им в глаза, и то, что было заперто. Вещи они укладывали спокойно и хозяйственно на подводы. Забрали всю посуду, ножи, вилки, наволки из подушек и подушки, даже мою старую и на половину негодную корзинку для бѣлья. Из ушей моей дѣвочки вынули серьги. У меня сняли кольца, когда уже комнаты опустѣли, потребовали у меня спичек и свѣчей, пошли вмѣстѣ со мной на чердак. Всѣ вещи, которыя я там спрятала, тоже забрали.

Потом даже попрощались.

И уѣхали“.

28.

Десять розг.

„У меня в Дубовъ аптека.

Зашли повстанцы, потребовали денег, один из них, указав пальцем на моего старшего сына, заявил:

— Я этого коммуниста убью.

Я крикнул:

— Убей меня!

Он спокойно отвѣтил:

— Раньше убью его, а потом тебя.

И ударил его по головѣ обнаженной шашкой.

Сын мой упал, как подкошенный.

Мы пытались крикнуть о нашей горести, я и моя жена, но нам было заявлено, что если мы хоть пискнем, будем приколоты. Убийца, видя, как сын мой агонизирует, бросился к нему с тѣм, что бы доколоть, но раздумал и вложил шашку в ножны. В аптеку вошел фельдшер.

— Кто этого убил, спросил он.

— Вот они, указал я.

Он обернулся к солдатам и сказал:

— Товаров не трогайте мы их сами заберем.

Я воспользовался его присутствием и побѣжал за водой, чтобы облить моего умирающего сына. Когда я отирал ему лицо, в аптеку вошли еще два солдата и принялись кричать на нас и сказали, что сейчас убьют меня и моего младшего сына.

Я стал умолять их.

Тогда они приговорили его к 25 розгам.

Я сам велѣл моему сыну лечь для экзекуціи.

Он лег рядом с лужей крови, в которой уже на вѣки почил мой старшій сын.

...И тут же нагайкой со свинцовым наконечником, рукой молодого звѣря, мальчишкой развѣдчиком, отсчитано было моему младшему сыну 10 розог“.

29.

Мертвая рука.

„Я выскочил через окно, но меня увидал и тотчас поймал другой солдат, у котораго в одной рукѣ был нож, а в другой обнаженная шашка. Он стал ругаться, а затѣм приговаривал:

— Вот вам коммунисты, вот вам Вуль, вот вам коммуна...

Начал наносить мнѣ удары ножом.

А потом сказал:

— Идем в Духонин штаб.

В штабѣ солдаты стали меня избивать.

В это время подошел офицер, средняго роста, полный, краснощекий, стал распоряжаться и отдавать команду. Всѣ распоряженія отдавал на русском языкѣ. При мнѣ он назначил двух солдат быть палачами. Один из них был молдаванин, другой русской. При мнѣ же он раз'яснил солдатам:

— Женщин не трогать, мужчин рубить.

Об'яснил, как рубить по командѣ:

— Дѣлай раз—поднять шашку, дѣлай два—наклонить, дѣлай три—рубить!

Меня увели в погреб.

Когда я спустился туда вмѣстѣ с палачами, я увидѣл первые три трупа, которые там лежали. Около одного из них лежала его отсѣченная рука.

Палач поднял мертвую руку.

— Показал мнѣ ее.

— Видишь?

Я понял, что меня ждет.

Стал просить палачей, что-бы пристрѣлили.

Отвѣтили:

— Пуля шкода.

Затѣм мнѣ велѣли стать лицом к погребу, и по командѣ нанесли мнѣ удар шашкой по головѣ“.

30.

Случай в Коростенѣ.

„В одном домѣ, из котораго хозяева скрылись, осталась, лишь одна старуха-еврейка. Погромщики пришли в этот дом и потребовали, что-бы их накормили. Старуха их любезно приняла и обильно накормила. Тѣ поѣли, поблагодарили за угощеніе и ушли, ничего в домѣ не тронули. Послѣ их ухода к еврейкѣ в дом вбѣжал тяжело раненый еврей и стал молить о помощи.

Старуха побѣжала за помощью.

Было темно.

Она незамѣтно для себя наскочила на тѣх самых погромщиков, которые были у нея на квартирѣ и закусывали. Они спросили, куда она бѣжит, и она об'яснила в чем дѣло. Тогда погромщики вернулись к ней в квартиру и один из них, засучив рукава, вымыл руки и по всѣм правилам сдѣлал еврею перевязку. Когда они ушли, то еврей заявил старухѣ:

Вѣдь это были тѣ самые...

- Какіе?
— Которые меня убивали*.

31.

Сынъ.

„Нас повели к черкасскому вокзалу.

Мы приготовили документы, но на станціи никто нас не допрашивал, а группа солдат погнала нас за линію. Раздѣли нас, оставили в одном бѣльѣ.

И стали разстрѣливать.

Первым упал Коневскій.

...Что было послѣ,—я не знаю.

Очнулся я вечером, в темнотѣ; боль в костях и животѣ была такая острая, что я сейчас же снова потерял сознаніе, но через нѣсколько минут пришел в себя. Рядом со мной лежали трупы. Я поднялся на ноги, бѣлье мое было все в крови, недалеко от меня раздавались стоны умирающаго. Я собрал всѣ свои силы и стал пробираться к нему. Кругом никого не было, совершенно тихо, и в тишинѣ стоны явственно слышались.

Я однако его не мог найти.

...Опять потерял сознаніе.

Сколько я пролежал в забытіи не знаю, но когда очнулся, то оказалось, что я лежу рядом с Коневским, и что это он стонет.

— Коневскій, обратился к нему,—может вы встанете и мы постараемся пробраться домой.

— Нѣтъ, отвѣтил он, я умираю. Прошу вас: найдите сына, положите его рядом со мной, я его хочу перед смертью обнять.

Мнѣ удалось найти его сына.

Он был мертв.

Я отца придвинул к нему.

Он его обнял, заплакал, вздохнул и умер*.

32.

Жена.

„Когда у нас в Черкассах был погром, евреи прятались. Кто-то из русских сосѣдей указал, что в саду земской больницы скрываются евреи. Народицкій и его жена увидѣли смотрителя больницы и двух сестер, выходящих из больницы. Они подбѣжали к ним и стали умолять их спрятать.

Тѣ отказали.

В это время подошло нѣсколько бандитов, они обратились к Народицкому.

— Идем на вокзал.

Жена стала умолять их отпустить его.

Они ее успокаивали:

— Ничего, не беспокойтесь, мы только проверим документы и отпустим его сейчас же.

Жена пошла с ними.

Всю дорогу она упрашивала их.

— Отпустите нас.. берите, что хотите. Мы здѣсь по близости живем, идемте с нами, мы отдадим вам всѣ деньги.

Ей отвѣтили:

— Ты можешь идти, а у него мы проверим документы и отпустим.

Так их довели к мостику возлѣ польскаго кладбища. Там поджидала еще одна банда.

— Ведем коммуниста,—крикнули им.

Народицкій никогда ни к какой партіи не принадлежал. Несчастные поняли, что их ждет, и стали снова умолять отпустить их.

Они опустились на колѣни.

Стали клясться, что никогда ни к какой партіи не принадлежали.

Тогда бандиты отбросили жену.

Крикнули ей:

— Молчи, если не хочешь, чтобы тебѣ глаза выкололи!

Его они повалили на землю.

Выстрѣлами убили.

Жена страшно стала кричать.

Ей сказали:

— Теперь уж нечего кричать, иди.

Она пошла, плача и крича по улицѣ.

Какіе то бандиты ее встрѣчали.. избивали прикладами, она очнулась в земской больницѣ.. привели ли ее туда или она сама пришла.. она не помнит“.

33.

9-ти лѣт.

„Мы всѣ находились в домѣ: наш сосѣд, его жена мама, сестричка, братик и я. К нам забѣжала другая наша сосѣдка, у которой только что убили мужа, и стала просить отвести ее куда-нибудь. Наш сосѣд и я пошли с ней. Не успѣли мы еще открыть дверь, как ввалилась банда.

— Куда идешь,—спросил один.

И два раза выстрѣлил.

Сосѣд упал подстрѣленный.

Я убѣжал в одну комнату, наша сосѣдка в другую. Там ее убили. Я все время сидѣл под кроватью и оттуда видѣл, как один, в формѣ матроса, разстрѣливал всѣх. Всѣ солдаты молчали. Не требовали денег, ничего, не кричали. Пробыли они минут 5. Когда они ушли, я вылѣз из-под кровати.

И увидѣл, что всѣ мертвые.

Я выскочил из окна и бросился бѣжать. И прибѣжал на наш черкасскій вокзал. Там я видѣл, как разстрѣливали евреев, слышал крики. Но я не плакал. Я собирал патроны, как будто ничего не случилось, как будто маму не убили... я совсѣм все забыл. Что было на вокзалѣ... рассказать... не могу... это слишком... страшная картина. Потом я бѣгал по городу, прибѣжал на берег. Ходил по берегу. Меня не трогали, думали, что я русскій. Ко мнѣ подошел какой-то солдат, дал мнѣ мѣшок и сказал:

— Иди... грабь*.

34.

Сиротки.

„Старику Брусиловскому сказали, забрав всѣ вещи:

— Иди с Богом.

Он пошел, его застрѣлили в спину.

Оставшіяся женщины сидѣли в сараѣ, и видѣли, как сосѣдскія прислуги расхищали их добро. Прислуги замѣтили их и подбѣжали к бандитам:

От це жидовка бачила, як мы брали,—крикнула одна, пойдить и убейте их, бо так вы уйдете, нас в тюрьму посодят.

Бандиты бросились за женщинами.

Брусиловская убѣжала в сад, но ее догнали, и она стала умолять:

— Товарищи, у меня мужа убили... трое сироток осталось. Я в положеніи. Кому я могу повредить. Умоляю вас, не лишайте моих дѣток матери.

Ей крикнули:

— Ничего им не будет, твоим жиденятам, молчи! И убили ее*.

35.

На вокзалъ.

„Маруся Украинская очень похожа на русскую, и потому ей удалось пробраться на вокзал в Смѣлѣ. Всѣ солдаты были пьяны. Она обратилась к матросу с просьбой за арестованнаго еврея.

— За жида пресишь,—сказал он,—что они вам хорошаго сдѣлали? Да впрочем я могу.. помиловать. Я все могу. Вы знаете, я ужасно ненавижу жидов, но вашу просьбу исполню: идите, забирайте вашего жиденка.

А на вокзалъ шел визг, гам, смѣх, самое непринужденное веселье. Среди банды она узнала черкасских гимназистов, гимназисток, офицеров, людей общества. Всѣ отплясывали под звуку граммофона“.

36.

93 года.

„Моему мужу 93 года.

Когда евреи бѣжали из села Орони, я должна была искать для своего мужа подводу, потому что идти он не мог. Но мужики, к которым я обращалась за подводой, отказали мнѣ, говоря, что они получили строгій приказ:

— Евреев не возить.

К нам ворвалось 10 повстанцев и потребовали, чтобы мы им указали,—гдѣ находятся наши сыновья—коммунисты. Начали бить нас.

Старик отдал им послѣдніе 200 рублей, и они ушли. Дальше оставаться дома мы уже боялись и рѣшили куда-нибудь спрятаться. Мы стали пробираться в сарай. Мнѣ это удалось.

А старика уже замѣтили и повели в ближайшую хату. Я слышала, как они требовали у него, чтобы он выдал сыновей.

Он с раздраженіем отвѣтил:

— Оставьте меня в покоѣ.

Выстрѣлили в него 3 раза.

Он упал

Тогда уже мертвому, ему разрубили голову и разрѣзали лицо. Раздѣли его и забрали всѣ вещи.

Слышала, как они говорили между собой.

— Надо найти его жену, она тут гдѣ-нибудь. Хорошо запречь ее, чтобы она отвезла мужа к рѣкѣ.

Другой сказал.

— А потом мы ее утопим.

Я начала пробираться через заборы, пока не добралась до конца деревни. Там знакомый крестьянин сжалился надо мной, но боялся пустить к себѣ в хату и запер меня на ключ в сараѣ с картофелем“.

37.

Раскаявшійся староста.

„20-го марта пришли к нам в деревню Печки десятка два струковцев. Они были назначены охранять рѣку и сторожить пароходы.

— Будут пароходы,—говорили они,—будут золотые браслеты, часы и хорошіе сапоги.

Часть их расквартировалась в деревнѣ.

Меня встрѣтил на улицѣ струковец и крикнул:

— Ты еврей... коммуны вам захотѣлось! Вы ее найдете в водѣ или под водой!

Я стал ему возражать.

Вокруг собрались крестьяне.

Солдат оказался недалеким, ему нечего было отвѣчать на мои доводы, и крестьяне смотрѣли на него с ироніей.

Он отпустил меня и ушел

Вечером струковцы согнали мѣстных евреев и перед пулеметом потребовали контрибуцію.

Сошлись на 2000.

Стало спокойно.

В это время стал наступать большевистскій отряд. Евреи оставили деревню и кое-как попрятались в окрестностях. Струковцы побѣдили. Когда через 3 дня евреи вернулись в деревню—их дома были совершенно разгромлены и все хозяйство исчезло. Оказалось, что почти всѣ вещи были забраны мѣстными крестьянами. Я начал настойчиво требовать, чтобы крестьяне вернули мнѣ награбленное. В этот день струковцев не было в деревнѣ, крестьяне испугались и начали по немногу сносить мою домашнюю утварь.

Мнѣ сказали:

— Сосѣд забрал перину и подушку.

Я пошел к нему.

Он напал на меня звѣрем—кричал, как я осмѣливаюсь требовать у него,—старосты деревни, грозил меня арестовать и передать в руки струковцев, как коммуниста. Я увидѣл, что произошла какая-то перемѣна в моем сосѣдѣ. Он был всегда спокойный, своеобразно совѣстливый, со мной был всегда добр. Я понял, что мнѣ нельзя больше оста-

ваться в деревнѣ, я должен отсюда выбраться, дабы спасти жизнь. Я вышел из дому и немедленно, как из прогулку, чтобы не замѣтили меня крестьяне из деревни. По дорогѣ я, по поведенію крестьян, замѣтил, что со мной должно тут что-нибудь случиться.

Я зашел на минуту в хату к мужику.

Вслѣд за мной вбѣжал туда староста с ружьем.

— Ага, ты тут... ты хочешь удрагъ,—я тебя сейчас застрѣлю!

Насилу мнѣ удалось успокоить старосту.

Он ушел.

Приказал мнѣ ждать десятников.

Я снова незамѣтно выбрался из хаты и, крадучись, через заборы, поля, утопая по горло в водѣ, добрался до рѣки, а оттуда переправился на лодкѣ в Остер. Потом узнал: пришли струковцы на слѣдующій день в деревню, вывели все тамошнее еврейское населеніе, стар и млад, за деревню в поле, потребовали денег. Кто имѣл—откупался, остальных раздѣли почти до гола. Мой отец, 75-лѣтній старик, не имѣл при себѣ денег,—и был убит.

Никого в деревнѣ не осталось.

Разбѣжались.

Теперь крестьяне, когда их посѣщаем, относятся к нам довольно дружески, а староста, хотѣвшій меня застрѣлить, попросил у меня извиненія и говорил:

— Сам не знаю, что со мной тогда было“.

38.

На мелком мѣстѣ.

„Зашли 2 солдата и начали требовать денег. Я им отдал 200 рублей, бывших при мнѣ. Они этим не удовлетворились и приказали мнѣ идти с ними. Я знал, что это грозит мнѣ большой опасностью, потому что уже было нѣсколько таких случаев, и евреи возвращались всегда с такими увѣчьями, что их трудно было узнать, и передавали о страшных вещах. Я начал умолять солдат и предлагал им разныя вещи. Но ничего не помогло, меня начали бить, я должен был идти.

Они привели меня к ручью.

Бросили в воду.

Всячески пытались меня утопить.

Но вода там была очень мелка.

Они швыряли меня во всѣ стороны.

Но не помогает.

Я все-таки жив.

Тогда они меня вывели за деревню и бросили в пруд, что возлѣ водочнаго завода. Тут смерть была уже неминуема. Но случайно проходили двое знакомых крестьян. Они заступились за меня.

— Хорошій жид,—увѣряли.

Солдаты, ругаясь, оставили меня“.

39.

Живая могила.

„Во время григорьевскаго погрома в Елизаветоградѣ я жила с мужем в своем домѣ на Крѣпостной площади. Сосѣди были все русскіе, мы с ними цѣлые годы жили в дружбѣ. При первых тревожных слухах, муж стал прятать вещи. Это замѣтила сосѣдка, она силой ворвалась к нам.

И заявила:

— Прятать ничего не стоит, жидов все равно всѣх убивают.

И стала перечислять фамиліи убитых.

Мы покинули дом и спрятались у христіанина Бугаева, просидѣли у него в погребѣ 3 дня. Но потом он выгнал нас из своего дома, хогя по улицам шла сильная рѣзня.

Мы бросились к другим сосѣдям—христіанам.

Всюду получали отказ.

Два часа блуждали мы по улицам, никуда нас не пустили. Наконец один из бывших знакомых спрятал в сараѣ одну меня и не пустил звать мужа, который ждал на улицѣ результата переговоров.

Он пошел за ним сам.

И не вернулся.

Я стояла в сараѣ и ждала мужа—не знаю сколько времени.

Уже стемнѣло.

За сараем разговаривала группа сосѣдей.

Я узнала из их разговора, что мужа загнали на христіанское кладбище, не подалеку, и легко ранили в плечо. Затѣм раздѣли до нага и бросили в заранѣе вырытую могилу. Стали засыпать землей.

Муж сѣл в могилѣ.

Стал умолять не убивать его.

Мольбы не помогали.

Тогда он принялся выбрасывать руками из могилы землю.

Убийцы не препятствовали.

Они только смѣялись:

— Посмотрим, кто одолѣет.

Их было 5 человек.

Когда мы впоследствии откопали его, он лежал лицом вниз, с согнутыми ногами и ртом, забитым землей. Во время осмотра подошел к кладбищу человек с шашкой и начал кричать:

— Чего тут, жида, собрались, мало вас перебили? Вон отсюда в Палестину... Это вам все коммуна надѣлала!

Стоявшие тут крестьяне сочувственно поддержали его.

Я, в числѣ прочих евреев, под улюлюканье толпы, ушла с кладбища“.

40.

Гимназистка Доня.

Мы таились в погребѣ у русских.

Ключ спросили:

Гдѣ спрятанные жида?

Она указала, гдѣ подвал, и в благодарность получила какой-то металлическій предмет. Боясь расправы, я убѣжала, успѣв захватить одну мою дѣвочку. Остальные четверо моих дѣтей забились в угол сарая.

Их застигли.

— Русскіе или жида?

Они отвѣчали:

— Русскіе.

Тогда старшаго Сему заставили растегнуть штаны.

Убѣдились—еврей.

Приказали стать к стѣнкѣ, распахнуть гимназическое пальто и приготовились разстрѣлять. В это время вѣхал во двор конный отряд, с офицером во главѣ. Офицер подошел к сараю и крикнул:

— Не смѣть разстрѣливать ребенка, иначе я вас разстрѣляю! Не помните развѣ приказа: женщин и дѣтей не трогать.

Но уходили одни...

...Приходили другіе...

Елизаветградскій погром превращался в дикую кровавую оргію. Когда я вернулась наконец к дѣтям, двор был усыян трупами. У Мани Каган отрѣзана одна грудь. Муж ея искромсан до неузнаваемости, на всѣх трупах слѣды мучительной жестокой смерти. Рѣзника Зайцева сперва душили,

стянув с двух сторон на шею шарф. Потом тянули за высу-
нутый язык, отрезали ухо...

Разстрѣляли.

Гимназистку Доню изнасиловали.

Потом бросили в погреб, гдѣ она умерла от потери
крови во время изнасилованія. Доня умоляла оставить эту
пытку и убить ее.

Но они не согласились.

...Брата они заставили смотрѣть, как они изнасилуют
сестру“.

41.

Бабы.

„Мы живем в Елизаветградѣ по Петровской улицѣ, гдѣ
гостиница „Неаполь“, в глубинѣ двора, а впереди—всѣ рус-
скіе. Нѣкоторые из русских долго защищали дом от налет-
ов. Но, наконец, пришла большая банда и разграбила нѣско-
лько квартир.

Выволокли на двор для разстрѣла турка.

Он показал документы, что он турецко-поданный, но
ему не вѣрили.

— Це мабут тоже жид, только вин прикидывается тур-
кой.

Потом отпустили.

К нашей квартирѣ подошло трое.

Один высокий в розовой рубашкѣ и брюках цвѣта ха-
ки, другой низенькій, косой, в рубашкѣ на выпуск, третій
одѣт по-военному.

Искали нашу дверь.

Дѣвушка Фаня умоляла через окно:

— Мы бѣдные, не убивайте нас.

Высокій сказал:

— Мы вас не уьем.

Перекреститесь, что не уьете.

Перекрестился.

Я спустилась вниз, открыла дверь.

Они вошли в спальню.

Там лежала сестра моя, дѣвушка, уже третій мѣсяц боль-
ная плевритом, страшно изможденная.

Они взглянули. . и остолбенѣли.

Высокій сказал упавшим голосом.

— Дайте денег.

Отдали, что имѣли,

Они стали шарить под кроватями.

Из-под кровати сестры вытѣщили больного старика
Ланга.

Приставили револьвер к его виску.

— Плати 10.000 „ или убьем.

Еле откупили за 25 рублей.

Проводила их вниз.

Подошла к воротам.

Вижу у подвала, гдѣ портной Воробьев, пятеро вооруженных ломают дверь, а у ворот толпа баб и дѣтей подбадривают:

— Ломай сильнѣе!

Вломились в подвал.

Оттуда раздался плач и нѣсколько выстрѣлов.

Вскорѣ грабители вышли и хотѣли уйти.

Но бабы кричали:

— Не оставляйте их в живых... убейте!

Тѣ вернулись и убили всѣх—18 человек.

Когда убійцы ушли, бабы всей толпой бросились в подвал.

Они тащили рѣшительно все, нужное и не нужное, что только попадалось под руку.

Убитых раздѣвали до гола“.

42.

Хохлушка.

„Я христіанка и была все время во дворѣ, видѣла, как толпа баб и дѣвушек пришла грабить в гостинницу Неаполь, гдѣ я служу.

Пришли и солдаты, спрашивают меня:

— Кто из людей в подвалѣ?

— Это сарай,—говорю,—там нѣт никого.

Одна баба крикнула:

— Неправда, там жид живет... я сама кажысь туда молоко носила.

Солдаты выломали дверь.

Ограбили, хотѣли уйти.

Но одна хохлушка не дала им уйти.

— На що ви их, бисовых душ, оставляете на нашу голову... убейте их. Они вернулись и всѣх вырѣзали.

Начался грабеж.

Разграбили и гостинницу.

Одна хохлушка, с кнутом в руках, вышла во двор, влоча большую плюшевую скатерть. Завидя русских, укоризненно смотрѣвших на нее, она сказала:

— Стою на новом базарѣ, около воза, а солдаты идут и кажут: чего аы, тетка, стоите, тай вси берут, берите и вы. И я пришла. Только некогда, треба бигте, а то коней еще заберут.

..Утром пошла я на Кушевку.
 Возов наѣхало, как на ярмаркѣ.
 Слышу; старушка одна, торговка, спрашивает у крестьян:

- Може у кого яички, а може сыр есть.
- Ничего нема, тетка.
- Так чего же вы приѣхали?
- Тай говорили, что жидов грабят".

43.

ДѢТИ.

„Мнѣ 12 лѣт.

У нас в мѣстечкѣ Златополь, погром начался тому назад два мѣсяца, двѣ недѣли и еще три дня. За день до того, было большое гуляніе, праздновали первое мая. Пѣли пѣсни, играла музыка, ходили с флагами. Я тоже ходил, а дядя сидѣл дома,—ему было не до того: сильно избили его старшаго сына, когда он проѣзжал мимо одной деревни. На другой день листопадовцы и другіе крестьяне вошли в Златополь, подожгли магазины еврейскіе и убили 11 человек. Потом пришли солдаты, начался бой между ними и „нашими“. Листопадовцы побѣдили, „наши“ и солдаты уѣхали. Ночью опять начался погром. К мужикам присоединился Лопата с шашкою.

Убивали.

Я и двоюродный брат мой, студент, спрятались в одном дворѣ.

Нашли нас.

У брата отняли все, убили, стянули сапоги, платье, оставили лежать нагим.

Один спросил меня:

— Ты русскій?

Я сказал:

— Нѣт, еврей.

Бывшій с ними мальчик 11-ти лѣт, Вася Тихоменко, который учился вмѣстѣ со мной во второй классной приходской школѣ, сказал солдатам:

— Убейте его.

Но другой, Ваня Качур, 10-ти лѣт, тоже мой товарищ, просил не убивать.

Солдат сказал:

— Нехай мучается.

И ушел.

Я сейчас же перелѣз во двор к дядѣ, в погреб, гдѣ застал дядю, тетю и многих других, человек 40. Пришли солдаты, вытащили всѣх, поставили к стѣнкѣ.

Начали стрѣлять.

Я и моя сестра Бейла, 13-ти лѣтъ, вытянулись по землѣ и притворились мертвыми,—мы читали когда-то рассказ о мальчикѣ, который так спасся от медвѣдя.

Убили 8, и 8 ранили.

Мнѣ показалось, что солдаты ушли.

Я поднял голову.

Вдруг подбѣжал один с шашкой, ударил по головѣ, я в крови упал... сполз в подвал. Туда сползали другіе раненые.

В погребѣ лежали три дня.

Потом я пошел домой к своей мамѣ.

По улицам ходили солдаты и разгоняли баб.

— Идите домой, вы уже достаточно набрались.

...Маму нашел убитой“.

44.

30 серебрянников.

„Зашли на нашем дворѣ в квартиру Фиша, там же скрывался присяжный повѣренный с женой. Они дали огромный выкуп, их обѣщали не трогать, только велѣли уйти из этого дома. Лишь только они вышли на улицу,—застрѣлили сына Фиша, Альшванг же был ранен.

Жену его не тронули.

Она сѣла на троттуар и стала кричать:

— Убийцы, за что убиваете?

К ней бросилась толпа.

...и убили ее...

Была также убита мать Кошарскаго.

Она была убита потому, что просила убить ее вмѣсто сына.

Убийцы отвѣтили:

— Хорошо, мы исполним твою просьбу.

Убили ее.

А потом сына.

Большое участіе в погромѣ принимал дворник наш Ерусаленко.

Он подослал к нам солдат.

Они не могли нас найти, так как то мѣсто на чердакѣ, гдѣ мы прятались, нельзя найти непосвященному. Мы нут через 20 по уходѣ солдат, на чердак пришел Ерусаленко, зажег спичку и стал искать нас. Сейчас же открыл нас и поспѣшно ушел.

Мы поняли, что он пришлет убійц.

Бросились с чердака из этого двора, хотя по всѣм улицам шла рѣзня.

Ерусаленко потом хвастался официанту в столовой, что у него 30000 рублей, кромѣ массы вещей.

Вещи он вскорѣ увез в деревню Сентово, вблизи Елизаветграда, и, говорят—

...Купил там большой дом“.

45.

Убийцы и защитники.

„Я живу у вокзала, христіанка, но была за евреем замужем.

Погромное настроеніе у нас в Елизаветградѣ началось вмѣстѣ с приходом григорьевских войск. Но и раньше, особенно в очередях, слышались угрозы. Приписывали евреям рост цѣн.

Бабы кричали:

— Всѣ наши несчастья от жидов. Когда уничтожим их коммуны и чрезвычайку, тогда станет дешево.

И возлагали свои надежды на Григорьева.

За недѣлю до его прихода русская прислуга стала покидать еврейскіе дома.

Еще когда григорьевскій полк был впервые в городѣ, в концѣ апрѣля, настроеніе его уже было опредѣленное. Однажды русскій рабочій, чтобы отдѣлаться от своего квартиранта русскаго, привел солдат и указал им на него, как на коммуниста.

Тот вырвался и побѣжал в штаб.

— Ваш хозяин жид?—спросили там его.

— Нѣт, русскій.

Жаль... если бы жид, немедленно расправились бы.

Потом полк был отозван.

В городѣ остался небольшой отряд.

Коммунисты разоружили его.

И вот, в половинѣ мая, послѣ жестокой орудійной кононады, масса войск и разнаго люда в шинелях, с винтовками, револьверами и бомбами, ворвались в город. Тот час же начался погром, начиная с Вокзальной улицы.

Я одѣлась сестрой милосердія.

С подругой, безпокоясь за участь близких, побѣжали в город, стараясь опередить солдат, звавших друг друга на Большую и Дворцовую. Мы забѣгали в дома знакомых, но там видно всѣ спрятались,—всюду было пусто. Подбѣжали к дому Гомберга, на Большой, рядом с пассажем,—у этого дома сквозной вход. Там друзья евреи. Мы стали у ворот с Банной улицы, как наименѣе крѣпких, и, как сестры милосердія, отводили банды.

Всю ночь дежурили у ворот.

С нами дежурили и 2 крестьянина, не допустившіе убить артистов-евреев, румынских подданных. Они жили неподалеку от гостинницы, их вытащили во двор и хотѣли разстрѣлять, но благодаря заступничеству крестьян, лишь заставили пѣть и плясать, потом отпустили.

Дом Гомберга от пассажа отдѣлен высокими постройками.

Два дня подряд квартиры в пассажѣ грабили, и евреев убивали. Часть их через высокія постройки хлынула во двор Гомберга, свыше 100 человек, с разных сторон. Они попрягались по сараям, а мои знакомые скрылись на чердакѣ. Этот чердак отдѣлялся от чердака пассажа лишь тонкой стѣнкой, а там шли убійства, слышались мольбы, душераздирающіе крики, стоны убиваемых и недобитых людей.

У знакомых был грудной ребенок.

В страхѣ, что он заплачет и привлечет убійц, нѣкоторые рѣшили пожертвовать ребенком и, если он заплачет задушить его.

К счастью, он не заплакал.

Трое суток мы продежурили с подругой у ворот дома, принимая всевозможныя мѣры, что бы отводить погромщиков. Потом рѣшили отправиться в красный крест за площадкой для уборки трупов. По дорогѣ мы видѣли, как всюду убивали евреев, на улицах и во дворах масса трупов, из ворот выбѣжала женщина с криком:

— Боже, убивают... рѣжут...

Мы зашли во двор.

...5 трупов в лужах крови.

Слѣдом за нами вошел матрос.

Он утирал пот, лившій с него ручьями, и вид у него был озвѣрѣлый.

— Что вам нужно?—спросил он.

Отвѣтили, что пришли убирать трупы.

— Идите в штаб, возьмите разрѣшеніе.

Ушел.

Тут нам сообщили, что этот матрос разстрѣлял лежавших во дворѣ, а потом приканчивал их шашкой. Трупы были в ужасном видѣ: разрѣзанные животы, руки, ноги... виднѣлись внутренности... весь двор залит кровью.

В субботу появился приказ о прекращеніи погрома.

Развѣжала милиція.

Но при ней же продолжался грабеж.

Мужичок, направлявшійся в город с мѣшком в руках, остановлен был ими.

Он заискивающе спросил:

— Что же, нам уже нельзя... уѣзжать надо?

— Да, да, уѣзжайте. Теперь вы нам привозите уж хлѣба, сала...

Идет баба с мѣшком и вѣсами.

Я обращаюсь к милиціи.

— Почему же допускается грабеж?

— Ничего, в деревнѣ вѣсы пригодятся,—отвѣчает милиція.

Встрѣчаю двух верховых, по виду интеллигентных. В руках у них сорванные дощечки с названіем улиц:—„Ул. Ленина“, „Улица К. Маркса“.

Поняла, что штабные.

— Вы из стражи?

— Нѣтъ, мы катаемся.

— В такое время катаетесь?...

Улыбаются.

Сказала им, что у нас крестьяне разграбили имущество.

— Это ошибка, сказал старшій,—вы русскіе, вас не тронут... но ошибки бывают.

И добавил многозначительно:

— Лѣс рубят, щепки летят.

Я спросила:

— С кѣм имѣю честь говорить?

— Я командир Павловскаго полка“.

46.

Душа обывателя.

„За 2 дня до Елизаветградскаго погрома вооруженные люди вошли во двор, гдѣ я живу, и спрашивали русских сосѣдей:

— В каких квартирах живут жидаы?

Тѣ указали.

Пришедшіе записывали.

А потом посовѣтовали христіанам свои двери отмиѣчать крестами.

Обезпокоенный, я спросил сосѣдей:

— Что это значит?

Они отвѣчали:

— Скоро будут рѣзать евреев.

Я пошел к базару, догнал вооруженных и спросил:

— Зачѣм вам, товарищи, нужно знать, гдѣ живут в нашем домѣ жидаы?

— Кто вы такой?—спросили они.

— Я православный.

— Тебѣ бояться нечего,—сказали они,—а жидаов мы скоро будем рѣзать.

На базарѣ знакомые евреи рассказывали, что и у них был опрос.

Вскорѣ же в город ворвались григорьевцы.

Мы с женой поспѣшили уйти из дому.

Жена с грудным ребенком на руках пошла к сестрѣ, а я в другую сторону, на кирпичный завод брата. На углу мы разстались. К женѣ подбѣжала шайка: много баб, остановили ее с криками:

— Бей жидовку!

Один хотѣл ударить ее шашкой, но промахнулся и попал в ребенка,—у того сдѣлалось сотрясеніе мозга, от котораго он вскорѣ помер.

Я тѣм временем шел на завод.

По дорогѣ я видѣл массу трупов, валявшихся на улицах.

Проходя мимо дома Лейбы, я слышал из квартиры живущаго там члена окружнаго суда М., мольбы хозяина дома:

— Ради Бога не губите нас, я готов все вам отдать, но не выдавайте погромщикам.

Тот отвѣтил:

— Нѣт, нам жидов не нужно.

И крикнул женщинѣ, стоявшей у открытаго окна:

— Открывай дверь!

На моих глазах вытолкнул самого Лейбу, двух сыновей студентов, двух племянников студентов, а также студента П.

Банды подбѣгали.

Помогали вытаскивать.

Всѣх убили.

...На заводѣ я спрятался в англійскую печь, стараясь, чтобы не замѣтили даже служащіе. В печи я просидѣл нѣсколько дней. В субботу утром вышел и узнал от заводских мальчиков, что в городѣ тихо. Пошел искать жену. По дорогѣ видѣл свѣжіе трупы, а прежних уже не было. Видѣл массу крестьянских телѣг, везших трупы к кладбищу. Проходил мимо того дома на Александровской улицѣ, гдѣ живет В.—вдова полковника. С ее согласія было спрятано в погребѣ много евреев. Мимо меня прошла банда и спросила у стоявшаго у ворот мальчика:

— Нѣт ли тут жидов.

Он отвѣтил:

— Нѣт.

Они прошли дальше.

Но тут к моему глубокому изумленію вышла сама В. и позвала их обратно.

— У меня, к несчастью, в погребѣ прячутся жида,— сказала она,—я не могла им отказать.

Сама отперла погреб.
Сама первая закричала:
— Выходите!

Никто не отозвался и никто не выходил.

Тогда бандиты пригрозили взорвать бомбой погреб... Евреи стали выходить. С побоями и ругательством принялись их обыскивать, а потом приставили к стѣнкѣ... Я, испугавшись, что кто-нибудь из них обратится ко мнѣ по-еврейски, и тѣм выдаст меня, поспѣшно ушел. Уходя, я видѣл, что возлѣ бандитов стояла взрослая дочь В. и их прислуга.

Сама же В. вернулась в квартиру..

...И начала громко барабанить на роялѣ...

А со двора и из дому до меня доносились душераздирающіе крики. Как оказалось потом,—кричали насилуемыя еврейскія дѣвушки“.

47.

Кольцо.

„Мнѣ двѣнадцать лѣт.

Семья наша состояла из шести душ: отец, сын и четыре дочери. Когда у нас в Елизаветградѣ разразился погром, 3 банды, в разные часы, разгромили у нас квартиру, но за выкуп оставили жизнь. Но вот ввалилась банда человекъ в 70, среди них бабы и дѣти. Они забрали послѣднія вещи, и стали требовать, чтобы отец вышел во двор.

— Зачѣм?—спросил он.

— Для разстрѣла.

Наши мольбы не помогли.

Отец и сестра Сарра, уцѣпившаяся за него, не желавшая его оставить, окружены были тѣсным кругом, нас остальных оттолкнули. Вывели отца и сестру во двор.

Поставили к забору.

Отец обнял Сарру, защищая ее.

Она обхватила его руками.

Убийца, надѣв предварительно деми сезонное пальто отца, попросил у товарища винговку и начал стрѣлять по обнявшимся. Сестру он ранил смертельно пулей в живот, отца же в руку. Отец заметался и хотѣл спрятаться, но окружавшая мѣсто разстрѣла толпа с воем закричала:

— Кончай!... добивай его!

Выстрѣлом в сердце отец был убит...

С пѣной у рта убійца постоял минуты три, покачиваясь, и ушел.

Мы бросились к отцу и сестрѣ.

Он мертв.

А Саррочка открыла глаза..

Прошептала:

— Мамочка... папа...

...Скончалась...

Спустя час, другая банда во главѣ с пьяным матросом, сняла ботинки с убитых и надругалась над трупами. Один стянул кольцо с руки сестренки и, при общем хохотѣ остальных, заявил:

— Це буде моей Машкѣ“.

48.

„Эйлу магалхим“.

„Меня зовут Иосиф Каплан, мнѣ 16 лѣт.

Семья наша была из 6-ти душ. Мы бѣженцы из Виленской губерніи. На родинѣ отец мой, Иовель Абрамович, был преподавателем Лидскаго ешибота—(рош-ешиво). В четверг с 11-ти утра уже слышались вокруг по городу крики избиваемых. Сосѣди попрятались, гдѣ попало по чердакам и подвалам. Я с другими тоже спрятался на чердак. Мать пошла в дом за отцом и дѣтьми.

Но отец отказался прятаться.

Он сѣл за стол, открыл гемору и, склонившись над ней, углубился в чтение „главы о траурѣ“—(Эйлу магалхим). С ним остались брат, обѣ сестры и женщина мнѣ неизвѣстная. Не прошло и 15-ти минут, как появились бандиты.

Они вошли во двор.

Их вел мальчик лѣт 10-ти.

Я слышал, как он сказал:

— Идите сюда, тут живет еврейскій раввин, он навѣрно коммунист.

В страхѣ за отца я бросился с чердака. Но меня схватили за плечи и не давали уйти. Я вырвался как безумный и просил:

— Пустите, пустите, хочу к отцу.

Из темноты, блѣдные тянулись ко мнѣ лица.

И шептали:

— Ты выдашь нас, если откроешь дверь.

О том, что было в домѣ, мнѣ рассказал брат.

Бандиты вошли в квартиру.

Они потребовали денег у отца, он отдал им все, что имѣл.

Тогда раздалась команда:

— Бей егол

Ударили отца прикладом по глазам. Правый глаз вышел, кровь брызнула прямо на гемору. Потребовали часы.

Отец громко молился. Одной рукой придерживал глаз, другою сам снимал с себя золотые часы.

Взяли часы. Сильным ударом приклада снесли отцу моему череп... он упал, мозги выпали.

Мама и дѣти в слезах кричали,

Главарь шайки крикнул им:

— Молчите вы, коммунисты... расправимся и с вами!

Он схватил мою маму, Гену-Рейзу Зелманову, и приказал ей стать к стѣнкѣ. Она покорно подчинилась. Убійца цѣлил прямо в горло, и пробил пулей ей горло.

Сестра Рива стала умолять их.

— Убейте... убейте и меня.

Послушались.

Пуля пробила ей бок.

Ранили и брата Якова, 13-ти лѣт, в руку. Он упал рядом с сестрой и притворился мертвым. Неизвѣстная была исколота штыками и умерла молчаливо. Оставалось только младшая сестра, Сура-Бася 10 ти лѣт. Ей цѣлили в сердце, но попали в грудь повыше сердца. Истекая кровью, она вырвалась, побѣжала на улицу и кричала. С чердака я видѣл: ее остановил громилы и стал срывать цѣпочку с ея шеи. Так я больше не мог выдержать. Я сорвался с чердака. Так как открыть дверь мнѣ не дали, я привязал конец веревки к чердаку и спустился. Сердце мое колотилось, и в глазах стоял туман. Бросился в дом. Прибѣжала и сестрица. Отец, мать, Рива—всѣ мертвы.

Брат тихо стонал.

Он рассказал мнѣ о послѣдних минутах жизни Ривы.

Она упала брату на грудь. Когда убійцы ушли, тихо сказала ему:

— Тебѣ тяжело держать меня?..

— Послѣдним усилием сдвинулась с него.

— Куда ты ранен?

Затѣм попрощалась с ним.

...И умерла...

Гемора была обрызгана кровью и мозгами отца. Мозги и куски черепа разбросаны по всей комнатѣ. Я не знал, что дѣлать с раненым братом и сестрой. Какая-то крестьянка, пришедшая к нам в дом с цѣлым мѣшком награбленных вещей, плакала навзрыд. Она вынула из мѣшка бѣлую рубашу, разорвала... и мы перевязали брату и сестренкѣ раны. Днем сосѣд христiанин запряг свою лошадь и отвез брата и сестричку в больницу".

49.

Клара.

„Семья наша состояла из 7-ми душ.

Во время Елизаветградского погрома мы всё остались у себя в квартирѣ, потому что вокруг нас жили христіане, и мы полагали, что нас не тронут. Но сосѣд выдал нас. К нам ворвалась шайка человек в 60, из них 20 вооруженных, остальные же бабы и дѣти. Среди женщин были по виду интеллигентныя, а из мужчин много рабочих завода Бургарда. Вооруженные потребовали денег, но денег не оказалось.

Стали пыгать.

Сестра Клара, 17-ти лѣтъ, не выдержала вида пыток... обезумѣвъ, сжавши зубы, она принялась рвать на себѣ волосы.

Тогда 5 вооруженных схватили ее.

Потащили в спальню.

Мать бросилась за ней, но один встал в дверях и не пустил. Они пробыли там часа полтора,—караульный у дверей мѣнялся по очереди. Потом один вышел из спальни, пошел в столовую, гдѣ мы всё были окружены толпой, молча схватил отца, 65-ти-лѣтняго старика, и потащил его в спальню.

Там оставались еще минут 15.

...Мы слышали стоны .. и неясныя, замирающія мольбы... и грохот выстрѣлов...

...и вот они ушли...

Мы бросились в спальню.

Отец стоял у кровати, мертвый, на колѣнях... рот открыт на перекошенном лицѣ... видно, убійцы, стоя против, приказали открыть рот пошире, и покончили с ним выстрѣлом в рот.

...Клара на постели в лужѣ крови...

Все бѣлье на ней изорвано... она долго сопротивлялась насильникам... потом была убита пулей в сердце... груди проколоты... на животѣ штыковая рана...

Мы... как безумные.., смотрѣли...

...Отец...

...Клара... Клара...

...Символ наших страданій“.

ЧАСТЬ III-Я.

Гнилые соки.

I.

Кровавый путь.

(Нѣсколько страничек из исторіи добровольческих погромов).

Август мѣсяц 1919-го года прошел на Украинѣ под знаком постепеннаго движенія войск генерала Деникина,— так называемой добровольческой арміи,— к Кіеву. На путях к нему добровольческая армія приходила в непрестанное соприкосновеніе с большевиками, защищавшими Кіев, и войсками Петлюры, так же устремлявшимися к Кіеву. Селенія, города, мѣстечки переходили из рук в руки, но военное счастье оставляло их неизмѣнно за добровольцами. Гнилые соки, подточившіе старый государственный организм Россіи, просачивались и во всѣ новообразованія, продолжая здѣсь свою разрушительную работу. Как бы мстя за погибшій строй, или наивно мечтая о возстановленіи его старыми знакомыми методами, они пропитали трупным запахом антисемитизма войска „самостійника“ Петлюры, они наполнили большевистскія учрежденія и разлагали большевистскія части, они окутали кровавым туманом добровольческую армію. Путь добровольческой арміи к Кіеву устѣян кровавыми эксцессами—все над тѣм же козлом отпущенія чужих исторических грѣхов,—еврейским народом.

1.

Чучела.

Исторія мѣстечка Макарова— исторія характерная для большинства мѣстечек погромленной Кіевщины.

Находится Макаров в 50 верстах от Кіева по Кіево-Житомирскому шоссе. В нем христіанских семейств прибли-

зительно 2000, еврейских около 900. За одно лѣто Макаров пережил 4 погрома.

С паденіем гетмана на Украинѣ, Макаров попал под власть сотника Богатевича, который собрал с еврейскаго населенія 300.000 рублей. В іюнь в Макаров явился народный учитель из сосѣдняго села Матвеенко во главѣ 18-ти босых подростков, вооруженных винтовками.

Поставили в центрѣ мѣстечка пулеметы.

Открыли стрѣльбу.

Евреи попрятались, как мыши по норам—в погребах, на чердаках, а молодежь, повеселившись с пулеметами, во главѣ с учителем и сыном священника села Наливайковни, Радюком, занялись разгромом лавок на базарной площади. Макаровскіе крестьяне отнеслись к этому дѣлу сочувственно: запаслись мѣшками и присоединились к грабителям,—„законность“ такого дѣянія уже успѣла вкорениться в их мозги за этот год, всюду полный проповѣди челоѣконенавистничества.

Евреи вступили в переговоры.

— 50.000—сказал Матвеенко.

— Доставим.

— Через 2 часа,—хмуро добавил он.

Требованіе исполнили.

Матвеенко ушел со своим войском.

Но через нѣсколько дней он вернулся опять, на этот раз с многочисленной, прекрасно вооруженной бандой, увеличенной за счет окрестных крестьян, привлеченных легкостью добычи.

Начались грабежи, издѣвательства.

Ходили из дому в дом.

— Деньги.

Отбирали одежду и цѣнные вещи.

Пагубное вліяніе Матвеенка распространилось далеко вокруг. В окрестных деревнях было убито этой бандой 21 еврей. Ее заставы караулили по житомирскому шоссе, останавливали прохожих и проѣзжих евреев, грабили и убивали.

5 недѣль продолжались эти налеты на Макаров.

Наконец Матвеенко потребовал заложников.

— За что?—удивились евреи.

— Коммунисты на станціи Бородянкѣ арестовали моего брата, а в деревнѣ Забояни священника.

— Но при чем же тут евреи?

— Все равно. Всѣ коммунисты—жиды, и всѣ жиды—коммунисты.

Взял 6 заложников и увел их к себѣ в штаб, в село Забоян, а через 2 недѣли потребовал за них выкуп.

— 100.000.

Но заложники бѣжали.

Между тѣм макаровскіе крестьяне вникли в суть дѣла, и рѣшили к себѣ бандитов больше не пускать, а самим заняться разрѣшеніем еврейскаго вопроса. Они вооружили винтовками свою молодежь и 1-го августа потребовали на сход евреев.

— 50.000,—заявили они им.

Безпомощно смотрѣли евреи на винтовки.

— Доставим,—покорно отвѣчали они.

— И еще 20 пудов сахара.

— Доставим.

— И еще 8 заложников.

— За что же заложников?

— Для вѣрности.

Отобрали 8 заложников и посадили под замокъ в волостном управленіи.

Но в это время неожиданно вступили в Макаров большевики. Крестьяне разбѣжались и попрятались. Заложники бѣжали через окна.

Большевистскія войска пробыли в Макаровѣ до 10-го августа, и эти 10 дней царило спокойствіе. Когда они ушли, за ними, опаясь оставаться в мѣстечкѣ, потянулась по направленію на Кіев до 400 евреев, оставив на произвол судьбы все свое имущество.

Вслѣд за ними пришел Матвеенко.

Убил 20 евреев.

Разграбил квартиры, магазины.

Сжег 2 десятка лавок.

...Наконец в понедѣльник 18-го августа вступили в Макаров первыя добровольческія части. Евреи вышли к ним с хлѣбом и солью,—депутация в 17 человек.

Добровольцы убили депутацию.

Дѣло произошло так:

Еврейская делегация вышла одновременно с христіанской. Она состояла исключительно из стариков 60-70 лѣтъ. Всѣ они были в длинных парадных кафтанах.

Они робко встали поодаль.

Ждали своей очереди.

Офицер, под'ѣхавшій к христіанской делегации, взглянул в их сторону и спросил:

— А что там за чучела стоят?

Узнав, что это делегация от евреев, он немедленно откомандировал к ней нѣсколько своих солдат, которые стали избивать членов делегации шашками—сначала в ножнах, а потом наголом.

Всѣ 17 человек были изрублены до смерти.

Затѣм стали ловить евреев отдѣльными группами на улицах..

И разстрѣливать.

В этот день было разстрѣляно около 50-ти пожилых мужчин.

По отношенію к нѣкоторым ограничивались избіеніем, но стаскивали с них сапоги и платье, и тут же продавали мѣстным крестьянам. В слѣдующіе дни продолжали убійства евреев, по 5-6 человек в день, по мѣрѣ нахождения. Бѣжать из мѣстечка не было возможности,—пропусков не давали. Да кромѣ того и по дорогам убивали. Трупы убитых евреев валялись не убранными на улицах. Собаки и свиньи грызли им головы. Крестьяне зарывали их потом в общей могилѣ, по 20-25 трупов. Около 80 свитков торы были уничтожены. В богадѣльнѣ убиты содержавшіеся там 8 евреев.

В общем убито около 100 человек.

Разграблено все имущество.

Всѣ, кто мог, разбѣжались...

2.

Прив за истребленіе.

Мѣстечко Корнин опустошали сначала петлюровцы, потом соколовцы. Петрюловцы преимущественно вымогали деньги и убили только 4 евреев. Соколовцы совершенно ограбили мѣстечко. Они насильовали женщин и убили значительное количество людей.

В іюль на мѣстечко напал Ильиченко.

Он был родом из села Дубово, в трех верстах от Корнина. Он похозяйничал в Корнинѣ на полном просторѣ, совершил нѣсколько убійств, много грабежей, и поспѣшно ушел при приближеніи добровольческой арміи. Но при добровольческой арміи он снова вернулся в Корнин—теперь уже с цѣлью истребить всю оставшуюся часть еврейскаго населенія. Для поощренія убійств была назначена особая премія.

— 1.000 рублей за каждую еврейскую голову.

Было убито много пожилых людей.

Также женщин... и дѣтей..

Трупы валялись подолго не убранными, так как некому было убирать.

Остатки имущества разграблены проходящими частями.

Цѣль достигнута:

Теперь в Корнинѣ—ни одного еврея.

3.

Дѣянiя Терской бригады.

2-я Терская Пластунская Бригада, на путях своего слѣдованiя к Кiеву, произвела ряд погромов: В Черкассах, Смѣлѣ, Корсунѣ, Россавѣ, Васильковѣ, Богуславѣ и в многих других мѣстах.

В Черкассах казаки 2 дня занимались только грабеджем. Они окружили дом Матусова с криком:

— Вы отсюда стрѣляли, пархатые жида!

Обстрѣляли дом.

Сожгли его.

В огнѣ погибло 18 человек.

Послѣ этого погром принялъ рѣзкія формы: убито евреев свыше 100 человек, производились массовыя изнасилованiя еврейских женщин.

Свыше 100 еврейских дѣвушек казаки увезли на фабрику Зарицкаго и там над ними издѣвались. Многія из них лежат в больницах, нѣкоторыя умерли. Среди этих жертв много гимназисток, вообще малолѣтних.

В больницах врачебнаго ухода нѣт.

Нѣсколько врачей тяжело ранены.

Цѣлых 5 дней Черкассы переживали этот сумасшедшій бред.

В Смѣлѣ убито до 30 евреев.

...Изнасиловано нѣсколько сот еврейских женщин...

Казаки открыто продавали награбленное.

Ходили по вагонам.

— Покупайте... по дешевой цѣнѣ.

Этот разгром послужил поводом для спеціального приказа генерал-лейтенанта Май-Маевского, коим командир этой Пластунской Бригады генерал-маіор Хазов был отчислен от должности „за непринятiе соответствующих мѣр к поддержанiю порядка в частях бригады, в результатѣ чего произошел разгром пластунами еврейских лавок в Смѣлѣ“, — приказ от 11-го августа за № 325.

Но эксцессы не прекратились.

В Россавѣ послѣ прихода пластунов найдено 40 еврейских трупов.

В Корсунѣ еврейское населенiе с нетерпѣніем ждало прихода добровольческой арміи и, когда ее войска стали приближаться, то к ним вышла навстрѣчу депутація во главѣ с раввином.

Неожиданно в город ворвались большевики...

Узнали про депутацію.

Убили почти всѣх ее участников, в том числѣ и раввина.

Подожгли еврейскія лавки.

Однако, когда в Корсунь вступила пластунская бригада, она все-таки обвинила в поджогах само еврейское население.

— Жиды-поджигатели.

Учинила сплошной разгром имущества.

Убила 16 человек.

...Дикой волной, в кровавом тумане грабежей и насилий, подступала бригада к Киеву. Мы еще встретимся с нею не раз...

В Гробенке убито 7 евреев и сожжен ряд еврейских домов.

4.

Душа бандита.

В августе месяце, когда большевики стали эвакуироваться из Городищ, они потребовали у еврейского населения 100.000 рублей контрибуции. Контрибуция была полностью внесена. Уходя, большевики оставили для охраны местечка 70 винтовок. Тотчас была организована охрана из 20 христиан и 50 евреев, на обязанности которой лежало охранять население от налетов и нападеній разных банд из окрестностей. Был организован также комитет общественной безопасности, который должен был представлять собою временную власть в местечке. Он состоял из 8 христиан и 1 еврея.

В таком положении прошла неделя.

В местечке было тихо и спокойно, никаких грабежей и налетов не было.

7-го августа прошел по местечке слух:

— Вступает добровольческая армия.

Прибыл первый бронепоезд.

Узнав об этом, представители комитета общественной безопасности выехали на вокзал и оказали прибывшим казакам радушный прием. Казаки разместились на станции в помещеніи вокзала и в зданіях сахарнаго завода, по содѣйствию с вокзалом.

На утро с вокзала прискакало 8 казаков.

Комитет общественной безопасности их встретил и предложил перенять у него власть.

В ответ казаки заявили:

— Христиане могут быть спокойны, их никто не тронет.

— А евреи?

— С ними мы разсчитаемся по своему.

Тут же подехали к дому местного богача Лещинскаго, в самом центре местечка.

Принялись его грабить.

По всему видно было, что погром подготовлен и организован по определенному, заранее разработанному плану. В мѣстечкѣ, с ранняго утра, наѣхало много крестьян с мѣшками. На вопрос: зачѣм они пріѣхали?—крестьяне уклончиво отвѣчали:

— Генерала ждем.

— Какого генерала?

— Да генерала...

Когда начался грабеж, они немедленно бросились с мѣшками на помощь.

Представители комитета стали звонить на вокзал.

— Скорѣе шлите помощь... идет погром.

Комендант станціи, казачій офицер Свѣтскій, отвѣтил:

— Это не мои казаки грабят, а переодѣтые бандиты.

И повѣсил трубку.

Видя, что нечего ждать помощи от коменданта, вся охрана мѣстечка высыпала на улицу и дала залп в воздух. Немедленно всѣ сѣхавшіеся крестьяне и казаки разбѣжались.

Стало тихо.

Представители комитета поѣхали на вокзал, чтобы лично переговорить с комендантом и просить его не допускать погрома.

Комендант выслушал их.

И сказал:

— Разоружите охрану.

— Но...

— Никаких но. Только в том случаѣ я даю свое офицерское честное слово, что в дальнѣйшем эксцессов не допущу.

Возразить было нечего.

Требование было исполнено, охрана разоружена.

В исполненіе своего честнаго слова офицер отправился в мѣстечко, в сопровожденіи своих молодцов и...

Сам начал грабить.

Выбирал богатые еврейскіе дома.

Сам вывозил из квартир вещи.

На полном просторѣ.

А в то время, как офицер с казаками грабили в центрѣ, зажиточную часть еврейскаго населенія, мѣстные бандиты разсыпались по глухим улицам, вымогали деньги и грабили населеніе окраин.

Весь день продолжалась эта вакханалія грабежа.

Продолжалась она и 9-го августа.

В этот день комитет общественной безопасности снова обратился к коменданту с запросом:

— Когда же будет положен конец погрому?

На это послѣдовал отвѣтъ:

— Казакам дана воля в теченіе 48 часов.

— Воля... для чего?

— „Для наших цѣлей“.

Срок этот истек в воскресенье 10-го августа в 4 часа пополудни.

За эти дни было убито 8 человек.

Много раненых.

Были попытки поджечь все мѣстечко, но онѣ не удались, сгорѣло лишь 2 дома.

В воскресенье был созван волостной сход, на котором выбрали волостного старшину и начальника милиціи, в руки котораго отнынѣ перешла вся мѣстная власть. Начальник милиціи набрал новый штат милиціи из тѣх же самых мѣстных бандитов, которые еще вчера грабили и убивали. Новая власть приказала евреям забрать трупы убитых и похоронить их.

3 дня прошли спокойно.

Были лишь отдѣльные случаи грабежа.

Комендант Свѣтскій в это время уѣхал и его смѣнил другой казачій офицер, который немедленно потребовал от еврейскаго населенія прислать на вокзал для казаков воловьего мяса и цыпляг на 10.000 рублей.

Евреи поспѣшно отвѣтили:

— Доставим.

И немедленно прислали требуемое.

Мясо отвез еврейскій мясник.

А в мѣстечкѣ стало вновь тревожно.

Бродили темные слухи.

Всѣ евреи собрались в ночь на среду в домѣ мясника отвезшаго днем мясо, всѣ были почему то увѣрены, что этот дом будет пощажен, и что им тут не угрожает никакой опасности. Но, видно предупрежденные о том, что евреи собрались в одном домѣ, казаки в эту ночь напали на дом мясника.

Убили двух евреев.

...Изнасиловали многих женщин...

В среду утром стало извѣстно, что комендант с мясом и цыплятами куда то исчез.

В мѣстечко ворвались казаки.

Разсыпались по квартирам.

Они были пьяны.

В одном домѣ, гдѣ они лѣзли на чердак, один из них упал с заряженной винтовкой в рукѣ.

Раздался выстрѣл.

Казак был убит наповал.

Тотчас же на мѣсто происшествія сбѣжались казаки из

сосѣдних домов, гдѣ они грабили, и в один голос принялись кричать.

— Жида казака убили.

Евреи плакали и увѣряли:

— Не мы... не мы..

Но им в отвѣтъ несся вопль:

— Смерть жидам!

Сейчас же стали распоряжаться:

— Христіане уйдите... всѣ отсюда уйдите, а проклятые жида, останьтесь на мѣстах!

Готовилась расправа.

Но тут вмѣшался Грицай.

Это извѣстный мѣстный бандит, организовавшій первый погром в Городицѣ. Послѣ паденія гетманщины Грицай был арестован и его хотѣли казнить. Но по настоянію и мольбам мѣстных евреев он был спасен. Он тогда же заявил, дал честное слово бандита, что никогда не забудет городищенских евреев, и сдѣлает все возможное для них.

Теперь он за них заступился.

Он стал горячо защищать евреев и увѣждать казаков, что выстрѣл произошел случайно и казак застрѣлен не евреями.

Он при этом сказал казакам.

— Если вы убьете невинных евреев,—убейте и меня.

Это на казаков подѣйствовало.

Они ушли...

5.

Чеченцы.

Мѣстечко Рокитно находится в 30-ти верстах от Бѣлой Церкви. Еврейскаго населенія около 4000 человек при 7000 христіанскаго населенія. Отношенія между евреями и христіанами были до селѣ мирными. В 1905 году вспыхнул погром, учиненный рабочими желѣзнодорожной станціи, не мѣстными крестьянами был подавлен. Вообще христіане не допускали никаких эксцессов над евреями.

Так было и во времена гетманства.

И Директоріи:

Но в февралѣ погромнаго года крестьяне синявскіе совершили налет на Рокитно, ограбили зажиточных граждан, и 3 евреев убили. Руководил нападеніем крестьянин села Синяви Коваль. В срединѣ августа по уходѣ большевиков из Рокитно, туда явился во главѣ крестьян тот же Коваль, с ним бывший предсѣдатель волостнаго правленія Вакула Сук, а также Ларіон Ванченко.

Они об'явили себя правителями.

Потребовали с еврейскаго населенія контрибуціи в раз-
мѣръ 300.000 руб.

Евреи собрали и внесли.

На другой день их снова потребовали:

— Доставьте еще 40.000.

Евреи покорно отвѣтили:

— Доставим.

Собрали и внесли.

В это время в Ракитно прибыл эшалон чеченцев. Но-
вые правители мѣстечка отправились на станцію для встрѣ-
чи эшалона. Часть чеченцев они угостили самогонкой, и в
сопровожденіи их вернулись в Ракитно. Начался обход наи-
болѣе зажиточных евреев по опредѣленному списку.

Заходили и требовали:

— Денег.

Евреи отдавали все, что могли.

Но тѣх не всякія суммы удовлетворяли.

Хаим Бендерскій, 73 лѣтъ, отдал им 100 000 рублей, при
чем привел их в амбар, гдѣ и выкопал спрятанныя деньги.

Но они крикнули:

— Мало!

Он развел руками.

— Больше нѣтъ.

Они убили его.

Призвали жену убитаго, Двойру, вмѣстѣ с дѣтьми и
приказали доставить еще денег. Но она при видѣ убитаго
мужа подняла крик. На крик сбѣжались родственники уби-
таго: Ицко, Ноник Цидильковскіе и Аврум Бендерскій.

Их тут же разстрѣляли.

Увидали трех дочерей Ханы Очаковской, в возрастѣ
от 13 до 19 лѣтъ.

Бросились, схватили.

Потащили.

Очаковская с криком стала отнимать дочерей.

Ее убили.

Дѣвушек увели на вокзал.

Изнасиловали.

... Так тѣм же темпом и в той же послѣдовательности,
в теченіе 15-18 дней непрерывно днем и ночью шли гра-
бежи, убійства, изнасилованія.

Дѣвушку Павлоцкую остановили на улицѣ, вблизи во-
лости.

Раздѣли до нага.

И, не взирая на мольбы ея и истерическія крики, тут
же изнасиловали.

Трех дочерей Ройхмана изнасиловали на глазах родителей.

Заставляли смотреть.

— Смотри!

В общем изнасиловано болѣе 100 женщин, в возрастѣ от 12 до 60 лѣт.

В расстрѣваніи одной малолѣтней участвовало 10 чело-
вѣк.

...Грабежи носили опустошающій характер.

Забирали все цѣнное и нецѣнное, складывали на под-
воды, вывозили из мѣстечка. Не оставляли ни горшка, ни
стакана. Рамы из окон вынимали и двери разбивали.

Поджигали дома.

Ракитнинская хроника отмѣчает.

„Самое печальное состоит в том, что всѣ эти безчин-
ства совершаются и понынѣ“

Открыто и безнаказанно.

Оставшееся еврейское населеніе ходит голодным, раз-
дѣтым,—даже без рубахи—и разутым. С страшной силой
развиваются болѣзни. Мѣстные крестьяне, совмѣстно с ми-
лиціонерами, грабят остатки еврейскаго имущества. Евреи
опасаются ночевать в своих квартирах и устраиваются на
ночь в синагогѣ. Смѣльчаки-же, ночующіе у себя дома,
подвергаются налетам милиціи.

Оставшіеся в живых умоляют забрать их в болѣе бе-
зопасное мѣсто.

А гдѣ оно?...

...Убитых 26, раненных 40“.

6.

Терцы.

„Город Бѣлая Церковь уже четвертую недѣлю живет в
атмосферѣ ужаснѣйшаго кошмара: грабежи, истязанія, убій-
ства не прекращаются ни ночью, ни днем. Людей раздѣвают
до нага среди бѣлаго дня на улицах. Над проѣзжающими в
Кіев и из Кіева евреями производятся на станціи Устиновкѣ
невѣроятнѣйшія насилія: их вытаскивают из вагонов, уби-
вают, грабят. Зарегистрировано масса случаев изнасилованія
еврейских дѣвушек. Долгожданная добровольческая армія
была радостно встрѣчена бѣлоцерковскими евреями, но увы—
она обманула их надежды: погром прекратился лишь на
нѣсколько часов, чтобы послѣ вспыхнуть с новой силой.“

Так пишут из Бѣлой Церкви.

Вот краткая исторія этих 4-х недѣль.

23-го іюля утром послѣ неудачнаго боя у деревни Шай-

раевки большевики оставили Бѣлую Церковь и отступили на Фастов, а в город вошли петлюровскія части. Комендантом города они назначили полковника Маслова. Вечером того же дня прибывшія части начали расправляться со всѣми, кто только имѣл несчастье попасться им под руку. Первыми были убиты: мальчик гимназист Шейнис и Райгородскій.

На слѣдующій день вошли в город зеленевцы.

Они были в контактѣ с петлюровцами.

В теченіе трех суток они не переставали рѣзать и громить еврейское населеніе. Когда им предлагались для выкупа жизни деньги, они отвѣчали:

— Не треба денег, треба жида!

Официально власть в городѣ былз в руках петлюровцев. 18 іюля инспектор петлюровских войск полковник Стефани послал в штаб телеграмму: „в городѣ анартія, шлите указанія и силу для прекращенія“. Слѣдствіем этой телеграммы было распоряженіе замѣстить коменданта Маслова полковником Лисогором. Он издал приказ о недопущеніи грабежей и насилій.

Грабеж сразу прекратился.

Зеленовцам было предложено уйти из города, и они ушли, захватив с собою двух жителей, отца и сына Комаровских, которых затѣм нашли убитыми. Убито и ранено было за время их хозяйничанья нѣсколько сот человек. Много жертв оставалось не убранными.

Между тѣм на город напали большевики.

Они ворвались небольшою группою, перебили прислугу у двух орудій петлюровской батарееи, находившейся на площади, и затѣм разсѣялись по городу. Петлюровцы вступили с ними в борьбу, и, когда большевики частью были переловлены, частью бѣжали, петлюровцы уже самостоятельно начали грабеж и рѣзню еврейскаго населенія, в чем им дѣятельно помогал и отряд Соколова, к этому времени явившійся в город. Было убито 157 человек евреев, и ограблено значительная часть еврейскаго населенія.

Эта мука продолжалась 2 недѣли.

Наконец еврейское населеніе с радостью услышало, что подходит добровольческая армія.

17-го августа петлюровцы ушли.

День прошел спокойно.

Вечером вступили в город терскіе казаки.

На утро они приступили к сплошному грабежу магазинов, а на другой день и квартир.

Награбленное увозили на вокзал.

Ходили из дома в дом, забирали все что можно было унести.

Устраивали аукционы тут же на улицах.

Шел шум купли-продажи на площадях.

Открыто, безнаказанно.

Пробивали пулеметным огнем желѣзные шторы магазинов, когда их нельзя было выломать. Если запоры были слишком крѣпки и не хватало пулеметов, взламывали стѣны и проникали в магазин через пролом.

Грабеж продолжался 3-е суток.

20-го августа начальством был издан строгій приказ о прекращеніи грабежа, и на 2 дня в Бѣлой Церкви наступило сравнительное спокойствіе.

Затѣм погром возобновился.

На этот раз оцѣплялись цѣлые кварталы.

Опустошались до основанія.

В один и тот же дом заходили по нѣсколько раз. Забирали все, даже постельное бѣлье из под тифозных, которых много было в городѣ. Грабители главным образом ночью, но и днем останавливали прохожих:

— Снимай одежду!

Он снимал с себя все.

— Ему кричали:

— Сапоги снимай!

Насиловали женщин.

Дѣвицу Матушанскую изнасиловали, бросили в колодезь, гдѣ ее и потом нашли мертвой.

Поджигали дома.

На Юрьевской улицѣ сгорѣло 3 дома, на Базарной площади 2.

Пытали, вымогая деньги.

Предсѣдателя еврейской общины подвѣсили, когда он не мог выплатить требуемой суммы.

Остановили женщину.

— Денег!

Она отдала все.

-- Мало!

Она больше не могла дать.

Тогда спичкой подожгли ей волосы.

Таких случаев много.

Убили 70-лѣтнюю старуху.

Разстрѣливали малолѣтних.

Задушили 7-ми-мѣсячнаго ребенка при обыскѣ его люльки.

..Послѣ базарных часов, город вымирает. Лишь смѣльчаки по утрам отваживаются выходить на улицу, чтобы заpastись продуктами. Отмѣчают, что терцы грабили и убивали с разрѣшенія взводнаго унтер-офицера и фельдфебеля воинской части. Для своего оправданія они распространяли

слухи, будто евреи раз'ѣжали по городу с пулеметами, что были разставлены пулеметы на здании синагоги, что евреи стрѣляли из своих домов по казакам.

...По позднѣйшим свѣдѣніям от половины сентября, конца такому порядку еще не наступило...

7.

Нѣжинскій погром.

Христіанин, уроженец города Нѣжина, был очевидцем послѣдняго „ужаснѣйшаго“, как он выражается, погрома, учиненнаго добровольцами казаками, и описывает его так:

В концѣ августа прибыл на станцію Нѣжин первый добровольческой бронепоезд, и начал обстрѣливать город.

Большевикам пришлось покинуть город уже под обстрѣлом броневика. Первый день прошел спокойно, но сутра другого дня группа солдат из броневика стала хозяйничать в завоеванном городѣ. Солдаты врывались в магазины, взламывали кассы, забирали товары.

В городѣ стало тревожно.

Евреи сновали и совѣщались, чувствовалось приближеніе неизбѣжнаго, что из других мѣст приходило, как зловѣщій слух.

Власти не было.

Спѣшно собралась Дума в своем старом составѣ, поставлен был на повѣстку вопрос об организациі охраны города из мѣстных отставных офицеров, большею частью довольно радикально настроенных. В засѣданіи участвовали всѣ гласные Думы, евреи и христіане.

Началось с тяжелаго инцидента.

Представитель профессиональных союзов заявил:

— Я уполномочен от имени рабочих требовать, чтобы в организуемую городскую охрану не входили евреи.

Слова эти были встрѣчены молчаніем.

Повѣяло кошмаром.

Кто то скорбно и гнѣвно проговорил;

— Стыдно.

В это время к городскому головѣ, человѣку радикальнаго образа мыслей, подошел солдат и сказал ему:

— Вас просит на минуту офицер.

— Зачѣм?

— Приказал сказать, что должен о чем то переговорить с вами.

Голова вышел с солдатом.

Публика застыла в ожиданіи.

Через нѣсколько минут голова вернулся и нетвердым голосом сказал:

— К сожалѣнію я должен передать вам неприятное требованіе, только что пред'явленное мнѣ представителем Добрарміи...

Он помолчал.

Провел рукою по лбу, опустив глаза.

Тихо закончил:

— Чтобы... евреев... не было на сегодняшнем зазданіи Думы.

Подавленным молчаніем были встрѣчены эти слова. Евреи гласные молчаливо поднялись и сейчас же удалились из залы зазданія, а вмѣстѣ с ними в знак протеста ушла и еврейская публика и нѣкоторые христіане.

Оставшіеся избрали комитет общественной безопасности, которому и было поручено сформировать охрану из мѣстнаго офицерства.

Над городом нависла тяжелая туча ожиданія.

Однако слѣдующій день прошел спокойно.

В тот день вступил в город кавалерійскій отряд. Мѣстное населеніе оказало радушный приѣм добровольцам. Навстрѣчу им на вокзал вышла депутація от городской Думы и депутація от евреев с общественным раввинном во главѣ. На соборной площади был отслужен молебен, на котором было и много евреев. На утро 2-го сентября неожиданно начался обстрѣл города; со стороны предмѣстья появился большевистскій отряд и прорвался до самаго центра. До 2-х часов дня продолжалась борьба. Жители спрятались по домам и боялись выходить во время стрѣльбы так что никто не знал, что дѣлается в городѣ. Потом распространился слух, что большевики выбиты. Потом забродили другіе зловѣщіе слухи: будто бы евреи бросали в казаков зажженные лампы, а из нѣкоторых еврейских домов стрѣляли по казакам.

А в ночь начался погром.

Он сразу принялъ жестокія формы.

Разносили лавки, квартиры, грабили все сплошь и при этом массами убивали евреев. Убивали в квартирах, вывозили во двор—разстрѣливали.

Погибло болѣе 100 человек.

В их числѣ убит пользовавшійся в ортодоксальных еврейских массах юго-западнаго края большим авторитетом духовный раввин Хейн, убита и масса состоятельных лиц.

Очень много случаев изнасилованія.

Насиловали старух.

Насиловали малолѣтних.

По всѣм дорогам вокруг убивали всѣх пассажиров-евреев, пытавшихся спастись бѣгством.

Вѣшали.

„Подробно описать всѣ ужасы погрома не возьмусь,— говорит свидѣтель,— могу только рассказать о нѣкоторых случаях, когда откупались от бандитов деньгами. Такой случай имѣл мѣсто с живущим по близости от меня еврейским кооператором Капланом.

К нему пристал ингуш-офицер.

— Пойдем со мной!

— Куда... зачѣм?

— Ты большевик... я тебя убью.

Напрасно родные Каплана умоляли офицера, ничего не помогало, он тащил несчастнаго за собою. Тогда родные бросились к христіанам и просили удостовѣрить перед офицером, что Каплан не большевик.

Но офицер не стал их слушать.

— Не вмѣшивайтесь не в свое дѣло,—прикрикнул он. Христіане вынуждены были уйти.

Долго продолжалась эта пытка страхом казни и, наконец, офицер проговорил сквозь зубы:

— 15.000.

И оставил Каплана в покоѣ.

В нѣкоторых случаях христіане обращались к коменданту города, но он заявил, что сам безпомощен, солдаты его не слушают. Но когда однажды христіане-интеллигенты настойчиво потребовали у коменданта, чтобы он вмѣшался, он послал своего адъютанта на мѣсто происшествія, а когда тот вернулся ни с чѣм, он сам отправился и пріостановил грабеж“.

Насколько вздорны всѣ слухи о выступленіи евреев против добровольцев, стрѣльбѣ из окон и бросаніи ламп, говорить не приходится,—это просто обычный добровольческой пріем в цѣлях оправданія замышляемаго погрома.

3-го сентября в Нѣжин вошли новыя части.

Они были размѣщены по частным квартирам по всему городу, и немедленно же занялись грабежом еврейских лавок и кооператива „Общественная Польза“, членами котораго состоят и не евреи.

И опять убійства.

Опять насилія,

Надо отмѣтить, что мѣстное населеніе не принимало участія в погромѣ, наоборот, всячески помогало евреям, оказывая им пріют в своих домах. Даже нѣкоторые из крайних правых священников скрывали у себя евреев, подчас цѣлыми семьями. Во время грабежей солдаты выбрасывали товары в толпу, но их подхватывали преимущественно дѣти или хулиганы.

Погром длился до 9-го сентября.

Потом воинскія части, находившіяся в городъ, а также и охрана, были посланы на позиціи за 12 верст от города. Но и оттуда доблестные добровольцы, особенно казаки дроздовскаго полка, продолжали наносить визиты городу. Но так как все уже было разграблено, они поджигали еврейскіе дома.

8.

Истребленіе.

Мѣстечко Германовка находится в 50 верстах от Кіева. В концѣ августа ворвалась в мѣстечко банда под предводительством Дьякова. Он сейчас же созвал сход мѣстных крестьян и произнес погромную рѣчь. В концѣ ея он обратился к парням с призывом:

— Прогуляемся по мѣстечку.

Тѣ его поняли.

Сейчас же разсыпались по еврейским квартирам, ходили из дома в дом.

И рѣзали саблями всѣх без разбору: женщин, мужчин, маленьких дѣтей. Во многих случаях они насильовали женщин, а потом их убивали.

Многим отрубали головы.

„Прогулка“ продолжалась 4 дня.

Многіе еврейскіе дома были подожжены и сгорѣли.

Мѣстные крестьяне пытались заступаться за евреев. Иные брали своих знакомых к себѣ на квартиру, под свою защиту. Но бандиты стали им угрожать, что расправятся и с ними. И крестьяне стали отказывать в защитѣ.

Бандиты ушли.

Вслѣд за ними вошли регулярныя войска дсбрарміи.

Грабежи и убійства продолжались.

Всѣ евреи, оставшіеся в живых, разбѣжались кто куда мог. Положеніе их было отчаянное. Их не выпускали из мѣстечка. Крестьяне боялись дать им пріют, чтобы самым не пострадать, потому что нѣкоторые за такое укрывательство были и сами ограблены. Показаться на улицѣ еврею было рискованно: солдаты избивали всѣх встрѣчных евреев. Солдаты ходили по еврейским квартирам.

Раскапывали землю.

Разбивали стѣны.

Разрушали печи.

Все это в поисках денег и цѣнностей.

Несчастливым измученным людям некуда было дѣваться. Они прятались по лѣсам и полям, без пищи и крова, блуждали как живыя тѣни в окрестностях мѣстечка, и буквально обречены были на голодную смерть...

Вот выдержка из „Кіевскаго Эхо“:

„По словам крестьян, прїхавших из мѣстечка Германовка, все еврейское населеніе мѣстечка совершенно уничтожено. Успѣвшіе скрыться нѣсколько десятков человек, среди которых большинство дѣтей подростков, были на пути застигнуты каким-то отрядом и перебиты. Уцѣлѣлъ лишь один еврейскій мальчик, котораго окрестные крестьяне прїютили у себя“.

9.

„Единое, недѣлимое“.

В концѣ августа на стеклянный завод в селѣ Шибеном пришли 5 рот солдат, назвавшихся петлюровцами. По дорогѣ они встрѣтили еврея, заводскаго рабочаго Акиву Голуба.

Накинули ему на шею веревку.

Привязали к возу и потащили на завод.

Их встрѣтил мальчик, сын Голуба, и стал умолять их:

— Пощадите отца.

Но они, не внимая мольбам его, увели Акиву Голуба в сторону, и на глазах сына пристрѣлили.

Заслышав выстрѣлы, евреи, бывшіе на заводѣ, начали убѣгать. В числѣ убѣгавших был студент Орадовскій.

Его остановили.

— Ты жид!

— Да,—отвѣтил он,—я еврей.

Его застрѣлили.

Вслѣд за этим начался грабеж: разбили заводскую кассу, взяли из нея 20.000 рублей, открыли заводскую лавку и забрали на громадную сумму мануфактуры, спичек, табаку. А потом приступили к грабежу еврейских квартир. Забрали все, что имѣло хоть какую-нибудь цѣнность. Громоздкія вещи ломали и разбивали.

Стали разыскивать евреев.

Один из рабочих указал, что евреи прячутся в огородѣ.

Открыли по огороду стрѣльбу пачками.

В одном домѣ отыскали 3 дѣвиц: 12, 16 и 18 лѣт. Оказавшую сопротивленіе 16-лѣтнюю убили. Остальных изнасиловали. Задержали 2 молодых людей, увели с собой и по дорогѣ одного из них убили. По пути застали у трупа убитаго Орадовскаго мать покойнаго.

Спросили ее:

— Что ты здѣсь дѣлаешь, жидовка?

Сквозь слезы она едва отвѣтила.

— Это мой единственный сын.

Ее закололи кинжалом.

Судьба второго из арестованных была иная.

Вслѣд за ним бѣжала его мать.

Она предлагала конвойным выкуп за сына.

— Я вам дам 30.000... отпустите.

Обѣщала отдать им свою лошадь.

Они согласились.

Взяли деньги и лошадь.

Но сына все таки не выпустили.

Собирались увести с собою его дальше.

Но тут послышались выстрѣлы со стороны вокзала и послышались крики:

— Добровольцы... добровольцы.

Петлюровцы пришли в замѣшательство, а арестованный воспользовался этим.

И убѣжал.

Бѣжали и петлюровцы.

Евреи вздохнули с облегченіем, в Шибенное вступили передовыя части долгожданной добровольческой арміи.

Но...

„Грабежи и насилія продолжались тѣм же темпом“, — сообщает шибенская хроника, вырѣзывали скот, расхищали послѣднее достояніе. Евреи все бросили на произвол судьбы и разбѣжались.

10.

„Хлѣб и соль“.

В мѣстечкѣ Борисполь еврейскаго населенія 1000 человек на 20.000 христіан. По уходѣ большевиков, 9-го августа, мѣстный Исполком, состоявшій исключительно из христіан, переименовал себя в Комитет Общественной Безопасности, причем всѣ бывшіе члены Исполкома остались на мѣстѣ. Евреи рѣшили устроить встрѣчу вновь прибывающим военным властям и для обсужденія этого вопроса собрались на совѣщаніе. Но, не успѣвъ еще принять рѣшенія, они услышали гул набата, созывавшаго христіан на сход для той же цѣли.

Тогда евреи рѣшили:

— Пойдем и обсудим это вмѣстѣ.

Но их встрѣтили на сходѣ недружелюбно.

— Что вам надо?

— Да мы пришли вмѣстѣ с вами обсуждать, как организовать встрѣчу, мы тоже хотим в этом участвовать.

Им сказали:

— Обойдемся без вас... уходите!

Тогда они собрались отдѣльно и, по обсужденіи, рѣшили встрѣтить вступающія войска хлѣбом-солью.

Вступили первые развѣдчики добарміи.

Они хлѣб приняли.

Приняла и вторая партія.

Но третья, самая значительная, с ругательствами прогнала евреев и насмѣшливо кричала им вслѣд:

— Сегодня ночью, жида, мы придем к вам в гости, тогда и угостите.

Ночью они пришли.

Вмѣстѣ с офицерами солдаты разсыпались по еврейским квартирам и начали творить свои насилія: грабить, избивать, издѣваться над женщинами. Принимал в этом участіе, между прочим, и врач Арсеньев. В эту ночь убили двух изнасилованных женщин. А на другой день звѣрски замучили 4 человекъ.

И потом повѣсили их.

Одного из них, Эльгарта, они со смѣхом катали по мостовой, подталкивая ногами и прикладами, а затѣм, не зная как еще потѣшиться над ним, отыскали гдѣ-то чайный ящик и засунули его туда.

Ящик перебрасывали.

Прокалывали штыками.

Когда, натѣшившись, вынули несчастнаго еврея, он еще дышал.

Они заглянули ему в лицо.

— Жив, жид. Живучая порода!..

Кто-то дико кричал:

— Рубай его!

Тут же 3-мя выстрѣлами его прикончили на глазах матери и сестры.

Евреи метались по мѣстечку.

Но ни от кого не видѣли защиты.

Крестьяне опасались прятать их у себя, ибо им строго было приказано властями, под угрозой смерти и сожженія домов, не давать у себя никакого пристанища евреям. И евреи всюду находили наглухо запертыя двери и мертвенно молчаливы были окна, в которыя они стучали.

Звѣрства продолжались 4 дня.

Евреи разбѣжались по полям, огородам, болотам, питаюсь подсолнухами и капустой, добываемыми на огородах украинской. Но крестьяне стали прогонять их с огородов и полей, и на 5-й день они вынуждены были вернуться обратно в мѣстечко. Всѣ они размѣстились в 4-5 домах, продолжая подвергаться частым нападеніям и издѣвательствам со стороны мѣстнаго гарнизона.

Приходили одни и требовали:

— Денег!

Приходили другіе, пьяные, и с тупою яростью кричали:

— Давайте дѣвок... или всѣх перебьем!

С боями снимали остатки одежды.

Евреи избрали делегацію из 5-ти человек, и делегація обратилась к начальнику гарнизона полковнику Карпову с просьбой о защитѣ.

Но он грубо отвѣтил:

— Вас мучают в теченіе недѣли, а вы нас мучили в теченіе года... пошли вон!

Все таки вслѣд за этим послѣдовал приказ о воспрещеніи обысков без ордера коменданта. Но приказ этот положенія евреев не облегчил. Грабили попрежнему, забирали все, что попадалось под руку. Обнищавшіе, голодные евреи дѣлали попытки вырваться из мѣстечка, но их всюду ловили в поѣздах и выбрасывали из вагонов на всем ходу.

Иные пытались пробраться на лошадях или пѣшком.

Но их убивали дорогой.

11.

Из рук в руки.

Сестра предсѣдателя еврейской общины мѣстечка Борзны, Раиса, рассказывает слѣдующее о погромѣ в Борзнѣ:

„В субботу 23-го августа совѣтская власть покинула город. В понедѣльник прибыла развѣдка, а к вечеру вошли болѣе крупныя силы добарміи. Сейчас же разсыпались по еврейским квартирам и начали грабить и громить.“

Убили еврея за то, что сын коммунист.

Двух женщин изнасиловали.

Всѣ они были очень злы:

— Не встрѣтили хлѣбом-солью.

Не встрѣчали же потому, что все боялись.

Во вторник всѣх взволновал зловѣщій слух:

— Идет дикая дивизія.

Всѣ пришли в ужас.

Взволновались и христіане.

Городская Дума поспѣшила обратиться к командованію, и ей удалось добиться, чтобы дивизію в город не пускали. Ее придержали за рѣкой, и она через нѣсколько часов ушла.

Потом пришел полк пѣхоты.

Снова начались грабежи исключительно евреев. По еврейским квартирам их водили вначалѣ гимназистики, а потом они сами забирались в дома и спрашивали:

— Жид живет или православный?

И поступали соотвѣтственно.

Затѣмъ всѣ воинскія части ушли из города, и дней 10 было сравнительно спокойно. Во вторник 2-го сентября исчезли и власти.

А вечером вошли красноармейцы.

Это были деморализованныя отступленіемъ части украинских полков, почти лишенныя команднаго состава и, кромѣ того, развращенныя примѣромъ добровольческой арміи, всюду оставлявшей на пути своемъ ужасающіе слѣды разбоя. Устроили и вошедшія части поголовный погромъ, всѣхъ безъ исключенія, и евреевъ, и христіан, и богатыхъ, и бѣдныхъ. Но къ евреямъ, какъ и вообще это наблюдается въ украинских частяхъ, отношеніе было болѣе враждебное.

Продержались они одинъ день.

В четвергъ утромъ они внезапно ушли, на смѣну имъ явились добровольцы,—небольшой кавалерійскій отрядъ. Пришла и пѣхота. Немедленно бросились грабить оставшееся и убили 2 евреевъ,—одного потому, что онъ бросился бѣжать, а другого за то, что онъ пытался отстоять свою корову.

Очень они удивлялись, что и большевики тоже грабили жидовъ.

Говорили:

— Станный городъ Борзна, въ другихъ этого не было.

Хвалили ихъ:

— Молодцы!

Вечеромъ, въ пятницу 5-го сентября, и они необыкновенно быстро исчезли. До полуночи происходила отчаянная бомбардировка.

В полночь вошли красноармейцы.

Опять разсыпались по квартирамъ, таскали все, что оставалось, ломали и громили.

Продержались 10 дней.

Все время шло сплошное вымогательство.

В субботу 13-го сентября на разсвѣтъ они поднялись и въ полномъ порядкѣ ушли из города.

Вечеромъ вошла добровольческая пѣхота.

...Грабежи, избіенія...

Убійствъ, однако, не было.

Говорили:

— Жидовъ въ Борзнѣ немного, вырѣзать ихъ не долго, но вотъ придетъ кавалерія, она это лучше сдѣлаетъ.

В понедѣльникъ 15-го пришла кавалерія.

У нея черное знамя съ бѣлымъ черепомъ на немъ,—говорили, что это синіе кирасиры, а другіе называли ихъ гусарами смерти. Ихъ было много: 1500-2000. Вошли въ 4 часа дня и уже черезъ полчаса послышались пронзительныя женскія крики.

Всѣ попрятались.

Я тоже спряталась у знакомых христіан.

Ворвались с дикими криками:

— Немедленно выдавайте жидов!

Хозяева отказались выдать.

Они выпустили нас незамѣтно в сад и мы попрятались в кусты.

Всю ночь—отчаянные крики.

Насиловали женщин во множествѣ.

В нашем домѣ изнасиловали 13-лѣтнюю дѣвочку.

Утром прибѣжала моя мать, которая находилась в больницѣ при больном мужѣ. Она рассказала, что ворвались в больницу и потребовали выдачи евреев. Доктора отказались это сдѣлать, и им удалось уговорить солдат не трогать больных. Тогда они бросились в квартиры персонала, извлекли 5 евреев, мужчин убили, а женщин увели.

В синагогѣ убили 9 человек, в штабѣ 4.

Всего убитых больше 20 человек.

Всѣх убивали на один манер: сносили шашкой полчерепа.

...На разсвѣтъ они ушли...

Это было счастьем для оставшихся, ибо иначе они вырѣзали бы всѣх до единого.

Однако нѣкоторая часть войск осталась и продолжала грабежи. На улицу никто не выходил. Вспыхнул пожар, и выгорѣл весь центральный ряд лавок на базарной площади.

На слѣдующее утро я с невѣсткой и 2-мя дѣтьми, несмотря на страшный риск, бросилась на дорогу к станціи Плиски. Бѣжала и масса христіан, потому что боялась возвращенія большевиков. Нас они к себѣ не допускали. Мы шли пѣшком, без вещей, в одном только платьѣ. Лишь одна интеллигентная христіанская семья разрѣшила нам идти за их возом и даже посадила на воз дѣтей. Встрѣчные крестьяне в селах относились к нам очень сочувственно.

На станціи Плиски я подошла к офицеру.

— Я еврейка,—сказала я ему.

И об'яснила свое положеніе.

Он принял в нас участіе и устроил на броневикѣ, с которым мы доѣхали до Нѣжина. Там удалось попасть на другой поѣзд. В Дарницѣ 2 партіи солдат ходили по вагонам и спрашивали:

— Есть жиды?

Пассажиры им отвѣчали:

Нѣтъ.

Они не повѣрили.

Зажгли спички и осмотрѣли физиономіи.

— Да,—сказали,—не видать жидов.
 ...Так доѣхала до Кіева благополучно...

12.

Кровавые слѣды.

Дикой лавиной приближалась добрармія к Кіеву и всюду на пути своем оставляла кровавые слѣды...

...Слезы и проклятія...

В Конотопѣ ограблены всѣ магазины и частные еврейскіе дома. Забрано все, что представляло малѣйшую цѣнность. Разгром продолжался 5 дней. Убитых насчитывается 5-6, раненных около 10, но зато очень большое число изнасилованных. В конотопской больницѣ находится сейчас 25 женщин, дѣвушек и подростков на излѣченіи.

В Васильковѣ первый сводный гвардейскій полк разгромил всѣ еврейскія квартиры и лавки. Многія еврейскія женщины были обезчещены. Нѣкоторыя из них скончались в мученіях. Поджигались еврейскіе дома, совершались убійства.

В Игнатовкѣ вошедшій отряд развѣдки ограничился сначала требованіем пищи и денег, привлек евреев на работы по исправленію моста, никого на первых порах не обижая. Но, когда появился офицер, он стал придираться к отдѣльным евреям, стоявшим на работѣ: одного ударил по щекам, у другого снял сапоги. Это послужило началом ограбленій, что быстро перебросилось и в мѣстечко, гдѣ к солдатам присоединились и мѣстные крестьяне. Из боязни быть опознанными, крестьяне каждого из ограбляемых евреев убивали. Пришел еще новый отряд развѣдки и, по свѣжим слѣдам, совершили 8 убійств и изорвали хранившіеся в синагогѣ свитки Торы. Трупы убитых долго лежали без погребенія, покрытые клочьями свитков.

В Дымерѣ началось с разграбленія казаками пластунами квартир и лавок. Евреи хотѣли спастись бѣгством в поле, но казаки грозили разстрѣлять их за это из пулеметов. Евреи на колѣнях умоляли пощадить их. Казаки потребовали 100.000 керенокми. Удалось собрать только 30.000. Казаки взяли заложником одного из жителей, Еврейская делегация обратилась в штаб полка с просьбой о заступничествѣ, которое и было обѣщано. Тѣм не менѣе грабежи и избіенія продолжались даже в болѣе сильной степени.

Избивали даже стариков.

Христіанам под угрозой самой строгой кары было запрещено укрывать у себя евреев и их добро.

Массаами изнасиловали дѣвушек на глазах у их родителей. Родители пытались оказывать сопротивление и защищать своих дѣтей, но их отгоняли и избивали. Было больше 40 случаев изнасилованія.

Бѣжать из мѣстечка не было возможности: при попыткѣ к бѣгству были раздѣты донага и жестоко избиты 2 еврея.

Казаки получили уже 50.000.

Но все еще требуют:

100.000... керенскими.

В Степанцах громили лопаткинцы, струковцы, а потом передовыя части добрарміи. Громившіе поочередно входили в мѣстечко, окружали его со всѣх сторон и с звѣрской жестокостью творили свое злое дѣло. Полную картину погрома, вслѣдствіе оторванности, трудно составить, но по отдѣльным письмам пострадавших видно, что убитых 99 челвѣк, раненых свыше 300. Часть мѣстечка сожжена. Были случаи, когда люди загонялись в дома, и дома поджигались. Всѣ оставшіеся в живых обобраны до рубашки; ходят голые, босые, голодные к крестьянам в село просить хлѣба.

Весь уѣзд раззорен.

13.

У ворот Кіева.

Волна погромов докатилась до самаго Кіева и брызгами крови окропила его предмѣстья.

Я живу,—разсказывает раввин Герцулин,—в слободкѣ Никольской, предмѣстья Кіева, состою преподавателем тамощняго маленькаго Ешибота. В воскресенье 31-го августа, с приходом добровольцев, двигавшихся на Кіев, стало тревожно среди еврейскаго населенія. Незначительныя группы солдат в 10-20 челвѣк отдѣлялись от своих частей и разсыпались по еврейским квартирам. Они громили квартиры, вымогали деньги, осыпая евреев ругательствами и побоями. В этот день не было человѣческих жертв, за исключеніем только одного Найдича, убитаго добровольцами за то, что у него—будто бы родственник красноармеец. К громившим крестьянам присоединились и мѣстные крестьяне. Всѣ еврейскія квартиры были разгромлены до основанія, вся домашняя обстановка,—столы, стулья,—расхищена. Еврейское населеніе слободки начало покидать свои жилища и перебираться, кто куда мог, оставляя имущество на произвол судьбы. По уходѣ евреев, крестьяне стали поджигать оставшіеся пустыми дома.

В понедѣльник 1-го сентября я бѣжал из слободки, ус-

пѣвъ захватить с собою лишь свои тфилин. Я хотѣлъ про-
браться как нибудь в город к знакомым. На Печерскѣ, воз-
лѣ одной из казарм, меня задержал солдат.

— Ты еврей?—спросил он меня.

Я отвѣтил:

— Да.

Он повел меня во двор казармы.

Там были какіе то штатскіе, хлопотавшіе за кого то из
задержанных. Эти незнакомые мнѣ люди попытались про-
сить солдат за меня.

Но им отвѣтили:

— Не ваше дѣло.

Меня повели на вокзал.

По дорогѣ солдат все время грозил мнѣ, размахивал
ружьем, требовал денег, но у меня их не было. А встрѣчав-
шаяся публика громко выражала свою радость по поводу
задержанія жидовскаго комиссара.

Привели меня на платформу вокзала.

Ждали какого то капитана.

Находившіеся на платформѣ солдаты не переставали
угрожать мнѣ саблями и ружьями, но все таки не трогали
меня.

Тут пришел капитан.

Солдат доложил:

— Вот привел вам еще одного жида.

Я начал было умолять капитана отпустить меня.

— Я не причастен к политикѣ,—говорил я.

Показывал ему документ.

Но, не обращая вниманія на мои слова, он повалил
меня на землю, стал колѣнями мнѣ на спину и начал бить
кулаками и желѣзными шпорами куда только попало.

Я был избит до полусмерти.

Кровь текла с меня ручьями.

Затѣм он приказал:

— Разстрѣлять!

Меня раздѣли до нижняго бѣлья, талес-котена.

Но, внезапно, будто с неба свалился кто то в военной
формѣ, повидимому офицер, подошел к нам и своим вмѣ-
шательством пріостановил мой разстрѣл и спас мнѣ жизнь.

— Ради Бога,—крикнул он капитану,—что вы дѣлаете?
Развѣ вы не видите, что этот человек не причастен ни к
какой политикѣ? Посмотрите, он носит талес-котен. Я руча-
юсь за него, что он не имѣет никакого отношенія к комму-
низму.

Эти слова возымѣли свое дѣйствіе.

Жизнь моя спасена.

Раздѣвшіе меня солдаты забрали мою одежду, документы и немного денег, бывших при мнѣ, а тфилин они разбили в дребезги.

Я их молил:

— Не трогайте, это священная вещь.

Они на это отвѣчали:

Вы тоже достаточно надругались над нашей церковью.

Мой спаситель, по фамиліи Сахновскій, как я узнал впоследствии, спросил меня:

— Нѣтъ ли у вас по близости знакомых?

Я назвал адрес на Кузнечной.

Он взял меня за руку и повел туда.

По дорогѣ я не мог удержаться и горько разрыдался, но мой спаситель все меня утѣшал и просил не плакать.

— Не сѣйте паники среди евреев, поменьше рассказывайте о случившемся. В чрезвычайкѣ было куда хуже. С болью в сердцѣ приходится признать, что и среди нас есть тоже не мало рыцарей средневѣковья. Но уже не будет того, что было.

По всему видно было, что этот человек принимает близко к сердцу происходящіе по отношенію к евреям эксцессы.

По дорогѣ нам встрѣтился верховой офицер.

— Кого ведете,—спросил он,—коммуниста? Давайте его сюда, я его прикончу.

Сахновскій отвѣтил:

— Я сам справлюсь.

Какой то еврей обратился ко мнѣ с вопросом:

— Не из членов ли вы еврейской самообороны?

— Нѣтъ, отвѣчал я.

И спросил в свою очередь:

— А что за исторія с еврейской самообороной?

Тот рассказал, что в гостинницѣ „Франсуа“ по Жилианской арестовали многих членов еврейской самообороны.

— Ну, и что же с ними сдѣлали?

— Разстрѣляли.

Сахновскій вмѣшался в наш разговор и сказал:

— Это неправда.

Снова обратился ко мнѣ:

— Нельзя сѣять панику среди евреев.

Но еврей стал увѣрять, что исторія с самообороной сущая правда.

— Среди разстрѣлянных 2 моих брата,—сказал он.

Сахновскій был страшно встревожен этим сообщеніем. С поникшей головой пошел он со мною дальше. Так довел меня до знакомого, зашел со мною в квартиру и велѣл тотчас же оказать мнѣ медицинскую помощь. Всѣ бывшіе в

квартирѣ не находили слов благодарности, просили его посидѣть, но он извинился, что ему некогда, он спѣшит на службу.

И ушел.

14.

Фастовскій погром.

Фастовскій погром был как бы апофеозом на пути слѣдованія добрарміи к Кіеву. Он произошел уже тогда, как добрармія укрѣпилась в Кіевѣ, и продолжался с 6-го сентября болѣе недѣли. Он принял такія ужасающія формы, что даже „просвѣщенные“ генералы растерялись и разрѣшили мѣстной печати дать о нем нѣкоторыя свѣдѣнія. Однако вслѣд за первыми сообщеніями, напечатанными в мѣстных газетах, послѣдовало распоряженіе ничего больше ни о каких погромах не писать.

Мы заимствуем свѣдѣнія из „Кіевскаго Эхо“:

„В теченіе всей прошлой недѣли в Фастовѣ происходили кровавыя событія. По своим необычайным размѣрам и исключительному звѣрству событія эти являются небывалыми в исторіи еврейских погромов“.

Еврейское населеніе Фастова восторженно встрѣтило добровольческую армію, — в лицѣ 2-й Терской Пластунской Бригады. Но в первый же день прихода бригада эта начала погром. Грабеж был небывалый, взламывали даже полы, разворачивали печи. В первый же день было 8 случаев изнасилованія женщин. Когда обратились за помощью к коменданту, он заявил еврейской депутаціи:

— Евреи должны платить караульным за охрану.

Евреи внесли 10.000 рублѣй.

Кромѣ того, в видѣ пожертвованія добрарміи доставили еще 25.000.

Послѣ этого начальник гарнизона, он же командир бригады, позвал раввина Клигмана и предложил ему внести к вечеру того же дня 200.000.

— На угощеніе казакам, — сказал он.

В слѣдующіе дни погром принял еще болѣе ожесточенный характер. Одного из зажиточных евреев, Фельдмана, казаки нѣсколько раз подвѣшивали, пока он не отдал им всѣ свои деньги. Месіожек ранен смертельно в живот, другой, неизвѣстный, штыком в грудь.

„Врывались толпами в еврейскіе дома, грабя, убивая, насилуя женщин и подростков. Мѣстное крестьянское населеніе пыталось всячески защитить своих сосѣдей-евреев, с которыми живут в большой дружбѣ, но громили пригрози-

ли им той же звѣрской расправой, и убійства, истязанія и насилія продолжались с усиливающейся свирѣпостью.

Убитых насчитывается около 2000.

Они валяются на улицах неубранными, ибо убрать их некому. Среди пострадавших есть и тяжело раненые, корчащіяся в предсмертных конвульсиях.

Кіев наводнен бѣженцами из Фастова.

Они передают кошмарныя подробности.

Убитых и раненых грызут на улицах собаки и свиньи. Насилія творились большею частью над подростками-дѣтьми на глазах родителей. На ночь погром прекращался и с восходом солнца начинался вновь. Всѣ жестокости и животныя насилія совершались днем при ярком свѣтѣ солнца. Особенно кошмарны были событія на синагогальном дворѣ, гдѣ евреи пытались укрыться.

Весь двор усѣян трупами.

...старики... женщины... дѣти...

...растлѣнные подростки...

Многіе сошли с ума.

Нѣкоторые укрылись во дворѣ церкви.

Их было человек 60.

Громилы захватили их всѣх.

И убили.

Погром закончился поджогами.

Сгорѣло свыше 200 домов.

К концу 5го дня погрома, когда пожар начал угрожать и христіанским домам, мѣстный ксендз посѣтил коменданта мѣстечка и обратился к нему с увѣщеваніем пріостановить убійства и пожар, указав, что это противно христіанскому разуму и чувству... особенно на 5-й день погрома, когда ..

— Пожар во всяком случаѣ необходимо локализовать,— сказал ксендз,—так как огонь не разбирает національности и подбирается уже к домам и не евреев.

Комендант общал принять мѣры.

То же общало депутациям и кіевское начальство...

...Вчера еще цвѣтущее мѣстечко Фастов,—заканчивает „Кіевское Эхо“,—представляет теперь собою кладбище...

Глава II-я.

Исторія кіевского погрома.

Со вступленіем добровольческой арміи в Кіев, весь сентябрь мѣсяц происходил в Кіевѣ и его окрестностях „тихий погром“. Таким именем можно назвать непрекращающіяся каждодневные эксцессы, ставшіе обычным хроническим яв-

лением и большею частью происходящие незамѣтно, хотя во всей своей совокупности они представляют собою потрясающую картину безчеловѣчности и безправія, как бы возведенных в систему.

Особенно многочисленны были нападенія, разграбленія и даже убійства в пригородах Пуща-Водица, Соломенкѣ, Слободкѣ и Деміевкѣ. В предѣлах центральной части города также не прекращались эксцессы со стороны солдат по отношенію к прохожим евреям, главным образом, в районѣ Дѣловой улицы, Большой Васильковской, Жилианской и Тарасовской.

За время только с 1-го по 10-е сентября на кievском еврейском кладбищѣ похоронено:

146 убитых евреев.

Из них около 40 погибло в первый день от руки украинских солдат.

Остальные—от руки добровольцев.

Среди убитых много людей пожилых, даже стариков 70—72-лѣтняго возраста.

...Вот показаніе одного из пострадавших:

— „В воскресенье 21-го сентября я с братом своим Кацом отправился из Печерска в город. На Собачьей Тропѣ мы встрѣтили 2 солдат.

Они нас остановили:

— Документы!

К брату моему, купцу первой гильдіи, придрались:

— Навѣрное был комиссаром!

— Но вы же видите документ...

— Убил кого-нибудь и забрал документ убитого. Знаем мы вас, жидов..

Грубо приказали:

— Идем.

Меня отпустили, а брата забрали с собою.

Я страшно растерялся и не прослѣдил, в какую сторону они его увели. Я был увѣрен, что он находится в одном из участков. Начал искать по всѣм участкам, но нигдѣ его не оказалось. Лишь на 3-й день найден его труп в Печерскѣ, возлѣ одной из казарм: Он был совершенно раздѣт, в одних кальсонах и чулках. Рядом с ним лежал еще один неопознанный труп еврея.

Таких трагедій—сотни.

Они стали при добрарміи бытовым явленіем. Хотя справедливость требует отмѣтить, что впоследствии, когда погром в Кіевѣ разразился нагло и открыто перед лицом цѣлаго свѣта, не стѣсняясь присутствіем корреспондентов газет Антанты, власти стали в отдѣльных случаях привлекать убійц и грабителей к суду и даже приговаривать к

смертной казни, но дѣло не в этом. Дѣло в общем тонѣ, в самой сущности этого историческаго явления,—извѣстнаго под именем добрарміи.

Добрармія несла с собой погромы.

И иног не могла принести.

Погром открытый массовый разразился в Кіевѣ в октябрѣ мѣсяцѣ, послѣ того, как город на сутки перешел в руки большевиков и снова был захвачен добрарміей. Еще не смолк грохот канонады, как побѣдители уже принялись за свою кровавую дѣятельность, факты которой приводятся ниже. Эта кровавая работа открыто оправдывалась газетами—„Кіевлянином“ и „Вечерними Огнями“, приводившіе факты „стрѣльбы из окон и бросанія евреями зажженных ламп“ в отступавшія добровольческія войска,—факты, детально опровергнутые „Кіевскою Мыслью“. Эта газетная погромная агитація перекинулась и в другіе города, на фронт—и с этого времени начинается ужасающій распад добрарміи. Кіевскій погром производился, главным образом, офицерством.

Разказы пострадавших.

1.

Гостинница „Марсель“.

„Я жил с своим отцом,—разсказывает Каган,—в гостинницѣ „Марсель“. Когда во вторник 1-го октября по городу стала распространяться тревога, всѣ в гостинницѣ в один голос начали говорить, что оставаться здѣсь нельзя. Свѣдущіе в дѣлѣ „переворотов“ утверждали:

— Чуть-что, сейчас же направляются в гостинницы.

Наша гостинница сплошь была заселена евреями купцами и бѣженцами из погромленных мѣст с их семьями. Независимо от той тревоги, какая невольно вселилась во всѣх в связи с надвигающимися политическими событіями, специфическая „еврейская“ тревога сразу-же пронизала всѣх жильцов словно электрическим током. И хотя никто об этом не говорил, каждый на лицѣ сосѣда читал эту нашу специфическую тревогу.

Оставив на произвол судьбы всѣ наши вещи в номерѣ, мы пошли с отцом по направленію к Крещатику. По дорогѣ встрѣчались добровольцы,—офицеры и солдаты, пѣшком, на извозчиках и на лошадях. Если случайно разсѣянный взгляд добровольца останавливался на нас, нам становилось жутко,—так выразителен и зловѣще был этот взгляд. Мы зашли в контору одного сахарнаго завода, при-

надлежащего нашему земляку, с намѣрением провести тревожное время здѣсь. В конторѣ мы, к нашему удовольствію, застали группу евреев-коммерсантов, мирно обсуждающих какую то крупную коммерческую сдѣлку. Когда мы стали дѣлиться с присутствующими нашей тревогой, нас стали успокаивать, ссылаясь на такія же успокаивающія об'явленія властей и вообще на прочность добровольческой арміи, что слѣдовало и из всѣх об'явленій, расклеенных на всѣх перекрестках. Видимо, коммерсантам непріятно было, что мы внесли в их дѣловую атмосферу тревогу и смятеніе. Нарочито спокойный тон этих евреев повліял успокаивающе.

Мы вскорѣ ушли из конторы.

Направились обратно к себѣ в гостинницу.

На улицѣ нам представилась картина полной эвакуаціи, вѣрнѣе бѣгства,—картина, знакомая Кіеву лучше, чѣм всѣм другим городам: безконечное, торопливое движеніе подвод, суетливыя хлопоты властей, покидающих город, всюду рывающіе автомобили и прытко несущіеся извозчики с офицерскими вещами.

Вдали слышалась ружейная стрѣльба.

Гдѣ-то трещали пулеметы.

Встрѣчные пугливо шептали:

— Входят... входят большевики.

Останавливали нас и говорили:

— Не ходите на Крещатик, там забирают студентов евреев.

— Кто, кто забирает? Добровольцы?

— Да добровольцы.

Другіе сообщали:

— Не ходите на Лютеранскую, там только что убили старика еврея.

Мы шли, не глядя по сторонам.

Погруженные каждый в свои ужасныя предчувствія, мы добрались наконец до гостинницы..

Она уже оказалась пустой.

Из всѣх номеров жильцы собрались в первом этажѣ, в ресторанѣ. Каждый примостился в углу со своим семейством, свертком провизіи для дѣтей. Одиночки со злобщей мрачностью ходили из угла в угол, прислушиваясь к движенію на улицѣ.

Мы остались внизу со всѣми.

Началось усиленное ухаживаніе за русской прислугой,— швейцаром, корридорными, управляющим. Каждое слово этих людей истолковывалось то в смыслѣ крайняго юдофобства, то сейчас же наоборот, как юдофильство.

Наступил вечер.

Самые фантастическіе слухи доходили до нас о происходящем за окнами дома.

Дверь и окна гостиницы заколотили.

Потушили свѣтъ в комнатах, выходящих на улицу.

Мы всѣ очутились как в норѣ, боясь произнести слово, пугаясь звука своих собственных шагов, голоса сосѣдей, дѣтскаго плача.

Тянулось медленно время.

...Двѣ ночи... и два дня...

Не смолкала канонада.

Грохотали пушки.

Всюду слышались взрывы.

Нас было человекъ 50.

При всяком случайном стукѣ, движеніи, шорохѣ за стѣнами дома, за дверями; за окнами, мы всѣ бѣжали на цыпочках, сгорбившись, вниз по лѣстницѣ в подвал, в кухню, к христіанину повару. Всякое обычное в обыкновенное время движеніе всѣми сообща истолковывалось как „их“ приход, как „их“ намѣреніе ломать дверь.

— Это „они“, — шептали всѣ, прислушиваясь.

В обсужденіи каждаго шороха за дверью принимали участіе наряду со взрослыми и дѣти. Какія только не дѣлались предположенія. Вѣдь здѣсь были большею частью люди, уже пережившіе ужасы погромов в своих родных мѣстах, и паника дѣлала их почти безумными. Общее впечатлѣніе от всего происходящаго и того, что каждый из нас ждал впереди, были одно:

— Западня.

Мы всѣ казались себѣ запаянными в эту западню, обреченными, если не на гибель, то на позор, униженія, побои, на все то, что является атрибутами погромов. О „нем“, погромѣ—никто из нас не говорил, но всѣми чувствовалось, что самое страшное впереди, когда умолкнут пушки и явится побѣдитель...

Ночью в срѣту канонада стихла.

Неизвѣстно, почему публика нашего ресторана стала вообще успокаиваться и даже расходиться по номерам. Мы втроем,—я, отец и наш пріятель,—тоже пошли на верх к себѣ в номер и, не раздѣваясь, в шапках и пальто, легли в постель.

Недолго длился наш сон.

Показавшійся подозрительным шум в корридорѣ заставил моего отца, нервного и подвижнаго человекѣна, высунуться за дверь.

Он тотчас отскочил и запер дверь.

По лицу его мы поняли сейчас-же, что там что то неладно.

— Что, что там?—бросились мы к нему.

Но уже отворилась дверь.

В комнату вошло нѣсколько военных:—2 офицера и 1 солдат.

Одного из офицеров другіе называли поручиком.

— Ты кто?—обратился поручик к моему отцу, фамилія? Откуда пріѣхал? Чѣм занимаешься?

Зло скривил губы.

— Коммуну ждешь?

Каждый свой вопрос он сопровождал отборной площадной бранью. Такого же рода вопросы были обращены ко мнѣ и к нашему пріятелю. Послѣдняго поручик принял, повидимому, сначала за русскаго, но по испуганному лицу его понял, что ошибся.

— Стрѣляете в нас?

И опять площадная брань.

— Коммуну устраиваете?

Кивнул своим спутникам.

— Обыскать надо.

Первым поручик обыскал меня, причем начал с бумажника.

— Позвольте, я вам достану документы,—сказал я.

Но документами ни поручик, ни его товарищ по боевой дѣятельности не интересовались.

Из бумажника высыпались деньги.

Не догадываясь еще о цѣлях и намѣреніях господ офицеров, я стал подбирать деньги.

— Не трудитесь,—заявил поручик.

Он сам подобрал деньги и положил их торопливо в карман. Затѣм осмотрѣл подробно бумажник, забрал всѣ оставшіяся там мои деньги, казенныя и личныя.

И обратился к отцу:

— Деньги давай, жидовская харя!

Отец высыпал ему всю имѣвшуюся у него наличность.

— Это всѣ твои деньги?

И офицер замахнулся револьвером на отца.

Боясь, что он изобьет его, я стал выбрасывать из карманов всю имѣвшуюся у меня мелочь.

Он всю ее забрал.

Повидимому, у него составилось впечатлѣніе, что больше ни у меня, ни у отца взять нечего.

— Вы обыскали помѣщеніе?—обратился он к другому добровольцу.

— Здѣсь бѣлье и костюмы,—послѣдовал отвѣт.

— Отберите себѣ все, что вам нужно, и положите в кожаный чемодан.

И поручик обратился к нашему пріятелю:

- А ты кто?
 Тот назвал себя.
 — Деньги!
 — Денег нѣтъ у меня.
 — Что-о?

Поручик приставил револьвер к его виску.

— Ну... деньги... Или застрѣлю!

Тот побѣлѣлъ, как сѣна.

Дрожащими губами он пролепетал;

— Подождите... я схожу, достану.

— Далекое?

— Нѣтъ...

— Ну, иди.

И он отправил с ним солдата.

Принялся укладывать наши вещи в чемодан.

Набив его до верху, он вдруг заинтересовался моими документами.

— Вы адвокат?—обратился он ко мнѣ.

Но тотчас спохватился и овладѣлъ собой.

— Я сам москвич, я это дѣло знаю.. снимай свои лакированные ботинки.

Я снял.

Ботинки послѣдовали в чемодан вслѣд за оставленными вещами. Молчаливый спутник поручика плотно увязал чемодан и вопросительно взглянул на поручика.

— Идем.

Господа офицеры поспѣшно оставили гостинницу.

Послѣ этого перваго налета, который мы считали прелюдіей к дальнѣйшему погромному дѣйству, мы всѣ оставили гостинницу и нашли пріют тут же во дворѣ, в квартирѣ своего знакомаго. Здѣсь собралось человекъ 20 евреев, знакомых хозяина, людей различнаго общественнаго положенія, различных возрѣній и возрастов. Тут был адвокат, член кадетской партіи, бывшій товарищ министра при Временном Правительствѣ—правый эс-эр, холеный купеческій сынок, бѣженец из Слободки, лакей из ресторана. Мы жались вмѣстѣ в этой квартирѣ, усѣвшись рядком, подальше от дверей и окон.

Томительно шло время.

Вдруг в гостинницѣ вновь поднялась тревога.

Как мы потом узнали, в гостинницу вошло нѣсколько человекъ военных,—офицера и солдаты, врач и сестры милосердія.

Во главѣ их был полковник.

Вошедшіе начали с того, что успокоили прислугу, а также просили успокоиться и всѣх жильцов.

Заявили:

— В городѣ наступило успокоеніе, больше грабежей не будет, а в случаѣ налетов мы сами будем охранять гостиницу.

Потребовали себѣ нѣсколько комнат.

Все это внесло успокоеніе среди евреев.

Но продолжалось оно не долго.

Вскорѣ по всѣм комнатам побѣжала вѣсть:

— 30.000... требуют 30.000.

Телеграф работал:

— Грабят по комнатам.

Вскорѣ из гостиницы во двор вышла группа солдат и офицеров.

Вышел и полковник.

— Открыть подвалы!—приказал он.

Он сначала обошел всѣ подвалы, спокойно осмотрѣлъ всѣх бьющихся там в страхѣ евреев, потом приказал принести себѣ стул.

Сѣлъ посреди двора.

Отдал какія-то распоряженія.

Отдавши честь, офицера и солдаты по его указанію пошли в одно из подвальных помѣщеній, гдѣ хранились вещи хозяина гостиницы и там забрали все хранившееся имущество на миллионную сумму. Все это продѣлывалось спокойно, организованно, видимо по заранѣе выработанному плану, по указаніям свѣдущих лиц.

— Все?—спросил полковник.

— Так точно.

Окончив этот ординарный, без погромных выкриков, без погромных эффектов, грабеж, полковник удалился со двора.

Вещи были собраны в один из номеров.

Вечером увезены.

Вечером-же отряд занялся ограбленіем всѣх оставленных жильцами номеров.

2.

Погром на Подолѣ.

„Я не буду,—разсказывает свидѣтель,—касаться [общечеловѣческаго ужаса, пережитаго жителями нашего двора от сильнѣйшей орудіной, пулеметной и ружейной канонады, когда оконныя стекла дрожали, падали и разбивались; когда в теченіе почти 6-ти часов казалось ежеминутно, что дом всей его тяжестью обрушится на сжавшихся по углам людей. Я разскажу лишь о специфической погромной жути; в которой задыхались исключительно жители-евреи,

Началось это в среду, в ночь.

Было часов 11.

Сначала откуда то издалека, лишь как-бы доносимые вѣтром обрывки вздохов, а потом все ближе и явственнѣе, все громче и чаще, стали доноситься пронзительные вопли и призывы о помощи.

Преобладали женскіе и дѣтскіе голоса.

Они все громче просили о пощаду.

Слышны были уже отдѣльныя, с хриплыми нотками, безнадежныя мольбы:

— Не убивай-й-те.

Грохали отдѣльныя выстрѣлы.

Доносился гулкій звук разбиваемых дверей, звон разбитых стекол.

Во тьмѣ кто-то прошептал:

— Началось...

Тьма была ужасающая, город не освѣщался электричеством. Кое-гдѣ горѣли свѣчи, но и они потухли при первых звуках погрома.

Христіане покинули нас.

Не знаю, было-ли это вызвано сочувствіем к погрому или лишь один инстинкт самосохраненія заговорил в них, но как бы то ни было они, все время канонады державшіеся вмѣстѣ с нами, разбрелись по своим квартирам.

Крѣпко и прочно заперли за собою двери.

Часов в 5 утра постучались в ворота.

Никто из нас не отозвался.

Стали их выламывать.

Мы пробовали звонить по телефону в Городскую Думу, в Районное Управление, но должно быть провода были испорчены, никто не отозвался. Положеніе было безвыходное. Не к кому было обратиться за помощью, не было средств предвратить надвигающіяся муки, а может-быть и смерть.

Раздалось 3 залпа.

Обстрѣливали дом.

Во тьмѣ свирѣпо-жестокіе голоса кричали:

— Отворяй!

Насилу упросили мы нѣскольких жильцов-христіан вести переговоры с нападавшими. В результатѣ переговоров ворота были открыты и во двор вошло человекъ 25 солдат, одѣты в полную походную форму. Нѣкоторые из них разсѣялись по еврейским квартирам и, наскоро пограбив, стали выгонять всѣх мужчин:

— Во двор, во двор!

Там офицер приказал:

— Отдѣлить евреев от христіан!

— Слушаюсь, господин капитан,—отвѣтил один из солдат.

И, грубо командуя, стал отдѣлять овец от козлиц.

А капитан распорядился:

— Зарядить винтовки!

Защелкали затворы.

Женщины, слѣдя за всей этой сценой из окон, не выдержали и побѣжали к своим мужьям и братьям, защищая их своим тѣлом.

Молили капитана:

— Пощадите!

Но капитан, искусственно возбуждаясь, горячился и кричал:

— Из этого дома стрѣляли!

— Нѣт, нѣт, плакали женщины.

— Отсюда жида кричали „ура“, когда мы отступили.

— Нѣт, нѣт...

— Тут живут коммунисты... тут хранятся пулеметы.

Винтовки звякали.

Капитан вдруг измѣнил тон и тихо сказал:

— Соберите 40.000, иначе разстрѣляю.

Всѣ засновали, забѣгали, с всхлипываніем и вздохами. Передали груды шелестящих бумажек. Были забыты пулеметы, выстрѣлы и воинственное „ура“, послѣдовала команда солдатам удалиться. Ушли и скрылись в глубинѣ улицы. Жители, таким образом, убѣдились, что город занят добрарміей снова и стали надѣяться, что через нѣсколько часов прочная власть себя заявит и что происшедшее лишь печальный эпизод.

На этом успокоились.

Но прошло нѣсколько часов и от шаткаго спокойствія этого не осталось и слѣда. Прибывшіе из города жильцы христіане рассказали, что в городѣ идет повальная рѣзня и грабежи еврейских кзартир и лавок.

Тут опять стали доноситься вопли.

Грабили сосѣдніе дома.

Покинутые сосѣдями-христіанами, не имѣя к кому обратиться за помощью, евреи то метались из квартиры в квартиру, то таились по темным углам и закоулкам с тяжкими вздохами. Наконец, стало им так жутко оставаться в своих помѣщеніях в одиночку, беспомощными, что болѣе 100 человек, старых и молодых, женщин и дѣтей, собрались в квартирѣ проживающаго в этом домѣ раввина Аронсона.

Тѣснились, жались, ждали...

Часов в 5 вечера раздался шопот.

— Пришли.

Гулкій стук, треск досок.

В квартиру ворвалось 15 человек вооруженных солдат, в новой, так называемой „английской“ формѣ, нѣкоторые с офицерскими погонами и шнурами вольно-опредѣляющихся. Командовал молодой офицер, судя по внѣшности, манерам, оборотам рѣчи, интеллигент.

Солдаты его величали:

— Господин поручик.

У дверей каждой комнаты разставили часовых.

Часовые грозно командовали:

— Молчать... ни с мѣста!

В комнатѣ, гдѣ находился я, был оставлен для охраны молодой офицер, в погонах подпоручика. Он был своеобразно вѣжлив, в хорошо пригнанной шинели, с манерами свѣтскаго человека, пересыпал рѣчь французскими словечками. Дрожащий от ужаса дѣвушка, когда он их особенно тщательно обыскивал, он успокаивал:

— Не беспокойтесь, мадамдузель.

Забирая из дрожащих рук протянутыя ему кольца, серьги и другія драгоценности, говорил галантно:

— Мерси.

Когда, кончив свое дѣло, он пристѣл, дожидаясь своих товарищей, „работавших“ в других комнатах, он вынул из кармана прибор для маникюра и умѣло и тщательно стал полировать свои ногти, поговаривая лѣнливо, рястянуто:

— Дан нам приказ 3 дня рѣзать и убивать жидов. Алор, ме се не рьен, пусть живут, среди жидовочек есть много хорошеньких.

Покончив с ногтями, он занялся сортированием и переукладываніем из кармана в карман толстых пачек денег, считал их; любовался, рассматривая, разными ювелирными издѣліями, очевидно на спѣх гдѣ то захваченными.

Около часа продолжался грабеж.

Были открыты всѣ шкафы, комоды, ящики.

Были выворочены всѣ карманы.

Все цѣнное, все что понравилось, что только не попалось на глаза в закоулках квартиры, было забрано, расквартировано по карманам, сакам и походым мѣшкам. Руководившій всѣми этими операціями старшій офицер все время горячился и говорил о коммунистах, бомбах, каких-то выстрѣлах из окон.

— Жиды губят Россію,—кричал он.

И старательно укладывал в карманы драгоценныя вещи из комода.

Рылся в шкафу и негодуяше говорил:

— Всѣх жидов надо уничтожить!

Остальные работали молчаливо.

А поручик все возмущался.

— Перевѣшать всѣх... перестрѣлять... как собак.

Возмущеніе его достигло высшей точки, когда выяснилось, что у присутствующих не хватает 10.000 рублей, что бы округлить собранные им около 50.000.

Был поставлен ультиматум.

— Через 10 минут—10.000 рублей.. или 10 молодых жиденят будут разстрѣляны здѣсь-же.

Нѣсколько молодых людей были загнаны в отдѣльную комнату в качествѣ заложников.

Требуемая сумма была доставлена.

Заложники освобождены, кромѣ одного из них—Перлиса. Неизвѣстно чѣм бы кончился этот визит, так как, уже не предвидя денежной добычи, начались со стороны гостей самыя замысловатыя придирки то к одному, то к другому еврею или еврейкѣ.

Но с улицы раздалось:

— Семеновцы... соберитесь!

Группа быстро оставила квартиру.

И, не взирая на плач и мольбы, ничѣм не мотивируя, она забрала с собою упомянутого Перлиса.

...Труп его был найден потом среди других жертв около Собора на Подолье...

Не успѣли еще закрыть двери за ушедшими, как опять вошло 4 военных. Один из них, в золотых капитанских погонах, с красным пьяным лицом, страшно озвѣрѣлый, вломился с ручной гранатой в рукѣ.

И заорал:

— Вот они жидаы!

Махал рукою на своих.

— Уйдите, ребята... взорву их бомбой.

Но тотчас передумал и приказал всѣх согнать в одну комнату.

Разбойничье поведеніе солдат, грубо и звѣрски толкавших людей, пьяный рев капитана, отсутствіе денег,—все предвѣщало неминуемую гибель.

Пронесся еле внятный шопот:

— Эти убьют.

Женщины, в конец изведенныя, стали рыдать.

Всѣ кричали в смертном смятеніи.

— Нас только что окончательно обобрали... денег нѣтъ... берите вещи.. все, все берите, что осталось..

Иные увѣряли:

— Мы честные люди... мы не коммунисты.

Раздалась команда:

— Раздѣвайтесь!

Мужчины стали раздѣваться и складывать в общую кучу вещи.

Но капитан крикнул:

— Я не за деньгами пришел, денег хватит мнѣ на всю жизнь... я офицер русской арміи должен исполнить свой долг. Отдан приказ рѣзать жидов, я его должен исполнить.

Ревѣл к солдатам:

— Ребята... начинай!

Шашки обнажились.

Сверкнули в воздухѣ, никого не задѣвая.

— Котлет надѣлаем дочтаточно,—хвастнул один.

И, что-бы показать степень остроты своей шашки, ударил ею о тумбу и расколол пополам,

Еще сверкали и свистѣли шашки над склоненными головами обезумѣвших людей, разрѣзая воздух. Должно быть это и была та пытка страхом, о которой впоследствии так сочувственно писал „благородный“ Шульгин. Продѣлав еще нѣсколько раз эти упражненія с шашками, и насытившись повидимому вдоволь произведенным впечатлѣніем, капитан вдруг измѣнил тон.

Он уже ухмылялся.

— Я тоже человек,—бормотал он,—зачѣм еще убивать. Отдавайте все, что имѣете.

Всѣ были обысканы до голаго тѣла,

Все, что солдаты нашли для себя подходящим, было забрано, снята обувь, одежда. Было также найдено немного денег.

Солдаты удалились.

Истомленные смертной пыткой, евреи долго перебивали в неподвижности, там гдѣ их оставили; сидѣли с остановившимся взглядом, полуголые... босые.

Всѣ понимали:

— Но и это еще не конец.

...Прошло нѣсколько часов тягостнаго мучительнаго ожиданія. Эти страшныя „3 дня воли“, о которых говорили всѣ солдаты и их начальники, впились в душу, как жала змѣй. Всѣм ясно было, что существованіе многих из нас лишь временное. Никто не зищитит, денег для выкупа нѣтъ. Так в безнадежном, предсмертном томленіи ждали.

И пришло самое страшное.

Наступил уже поздній вечер.

Вошел тот-же, уже знакомый, капитан с дюжиной солдат. Большинство из них полупьяные, иные с обнаженными шашками, иные с виштовками в руках.

Нечеловѣчески раз'яренный, заорал капитан:

— Теперь вам конец!

Площадная ругань взбороздила воздух.

Капитан орал:

— Стрѣляйте!

Солдаты выстрѣлили.

Всѣ упали на пол, истерически рыдая.

Капитан распорядился:

— Встать, жидовскія морды,... немедленно встать!

Вставать, вам говорят!

Всѣ поднимались как автоматы.

А капитан орал о жидах-коммунистах, о том, что жидаы стрѣляли из окон, бросали горящія лампы.

— Спасение Россіи,—орал он,—требует уничтоженія всѣх жидов!

И логически неминуемый вывод:

— 50.000.

— Но у нас нѣтъ,—стонали несчастные евреи,—у нас ничего нѣтъ, все уже забрали.

Багровое лицо капитана принимало радужные отбѣнки от искусственной ярости.

— Что? Нѣтъ? Даю вам 15 минут, что-бы собрать, в противном случаѣ всѣ будете изрублены и разстрѣляны.

Стали просить разрѣшенія пойти к сосѣдям-христіанам—одолжить у них эту сумму. Капитан сначала отказал, так-как у христіан брать не приказано, однако убѣдившись, что иным путем ему денег не получить, согласился.

2 еврея пошли за деньгами.

Их сопровождали солдаты.

А в сжиданіи их возвращенія над оставшимися начались издѣвательства. То капитану, то солдатам приходили на ум разные капризы, которые должны были немедленно исполняться под угрозой смерти. Капитан потребовал, что бы молодая дѣвушка сняла ему сапоги.

— У меня ноги запотѣли, потри-ка их, жидовка, свѣжими портянками.

А в это время солдат, размахивая шашкой над головами и цинично ругаясь, требовал, что-бы были доставлены лакированные дамскіе ботинки на высоких каблуках.

Сыпались угрозы:

— Вот... сейчас приступаем кромсать... ну!

И звѣриная ругань:

— Так... так... так...

И все это заканчивалось неожиданным требованіем:

— Давай подтяжки... у кого хорошія.

Требовали и забирали,—и все это под страхом разстрѣла и во имя спасенія Россіи,—карманныя зеркала, расчески, перчатки, серебрянные карандаши...

Так до сбора 50.000 нас продержали в атмосферѣ смерти около часа.

Получили 50.000.

Забрали с собою на чердак молодую дѣвушку.

Ранили одного из присутствующих очередным прощальным выстрѣлом.

Ушли.

...Но и это еще не было концом...

Еще около 10 налетов пришлось нам пережить, со стрѣльбой и угрозами обнаженными шашками, причем всѣ грабители говорили одно и тоже,—о приказѣ рѣзать жидов, о том, что стрѣляли из окон и т. д. В результатѣ этих налетов нѣкоторые жильцы остались в одном лишь нижнем бѣльѣ, а от накопленнаго годами труда имущества не осталось и слѣда.

Об ужасѣ, пережитом жителями этого дома, можно судить хотя бы по тому, что у двоих помутилось сознание.

Между прочим сошла с ума женщина.

Был налет чеченцев.

Выстрѣлы, истерическіе крики юных дѣвушек, грубая ругань, угрозы смертию.

— Вы губите Россію... давайте десять... сто тысяч... бѣлье давайте... наливку... дѣвок...

Женщина была средних лѣтъ, с высшим образованіем, муж ея извѣстен в городѣ, как один из виднѣйших общественных дѣятелей.

Она выбѣжала во двор.

С горящими глазами, пѣной у рта, разметавшимися волосами, произнося непонятные звуки, она стала бѣшено отплясывать перед солдатами.

Тѣм это пришлось по вкусу.

Они ей хлопали от удовольствія.

Кричали:

— А ну, еще... жарь... ай да танцорка!

Это, однако, не помѣшало им потом снять с ея плеч теплую кофту и угостить нагайками при общем хохотѣ верховых и пѣших.

...А сосѣди-христиане в это время мечтательно разглядывали небо...

3.

На Жилинкѣ.

„Наш дом,—разсказывает одна из пострадавших,—хорошо выкрашенный, с изящно оштукатуренным фасадом, не избѣг участи и всѣх прочих домов с густым еврейским населеніем этого района.

...Плач, рыданія, вопли...

Стоголосый вой отчаянія и жути смерти перемѣшивался с треском разбиваемых дверей, мебели, циничными выкриками, отдѣльными выстрѣлами. Партія громил и разбойников смѣнялась другой, всѣ в военной формѣ, всѣ с одинаковой программой дѣйствій, с тѣми-же зазубренными фразами о кипяткѣ, бомбах, приказѣ рѣзать жидов, с неминуемыми грабежами, насиліями, угрозами, избіеніями.

В среду 2-го октября многія квартиры были уже основательно разгромлены, много мебели превращено в щепки, многіе вчерашніе богачи оголѣли до нижняго бѣлья. Но все это мнѣ кажется ничтожной мелочью в сравненіи с тѣм, что предстояло пережить нам впослѣдствіи.

Было часов 8 вечера.

Тѣма.

К дому подкатил автомобиль.

В нем помѣщалось человек 15 военных.

Ворота и двери парадных под'ѣздов уже давно были выломаны и разбиты, так что автомобиль безпрепятственно в'ѣхал во двор. Военные, среди которых, судя по погонам, было нѣсколько офицеров, разсѣялись по еврейским квартирам.

Начался обычный грабеж.

Угрозы... выстрѣлы.

Не долго пришлось этой группѣ работать в нашем домѣ, уже не над чѣм было.

Собрались уходить

Один из солдат обратился к офицеру, руководившему всей этой операціей.

— Убивать нужно?

Послѣдовал лаконическій отвѣт:

— Обойдемся без того.

Но, о чем то подумав, офицер прибавил:

— Подождите, сейчас двинем.

Он указал солдатам на двух молодых дѣвушек.

— Посадить их в автомобиль.

Бросились матери на помощь.

Но не помогли их слезы.

Не тронули мольбы бившихся у ног разбойников дѣвушек. Приказ офицера в русской военной формѣ царских времен был приведен в исполненіе.

Дѣвушек увезли.

На слѣдующій день в концѣ Жилианской улицы был найден изуродованный до неузнаваемости труп одной из дѣвушек.

Нос был совершенно отрѣзан.

На всем тѣлѣ масса рубцов от шашек, на нѣкоторых мускулах—слѣды человѣческих зубов.

...Вернулась вторая...

Со страшно измѣнившимся, поблѣднѣвшим, исцарапанным лицом... состарившаяся, сутулая... угрюмо молчаливая, с опущенным мутным взглядом поблекших очей. О том, что с нею произошло, каким образом она вырвалась, правда полуживой, из когтей звѣрей,—она не рассказывает, да и не хватает ни у кого жестокости ее о том спрашивать.

...Лишь изрѣдка выдают ее мрачную тайну нервные припадки...

4.

Эlegantный грабитель.

Фабрикант К. жил по Крещатику в домѣ № 25.

Группа офицеров во главѣ со штабс-капитаном, в сопровожденіи нѣскольких солдат, явилась к К. с ордером от контр развѣдки на арест.

Встрѣтившая их сестра его заявила:

— Брат мой болен.

Один из офицеров отвѣтил, что против болѣзни у них есть прекраснѣйшее средство:

— 4 стѣны.. и пуля.

Фабрикант был взят.

Его повезли с Крещатики на Фундуклеевскую улицу в помещеніе контр-развѣдки. По дорогѣ штабс-капитан говорил, что К. арестован по обвиненію в коммунизмѣ, и что из его квартиры стрѣляли в войска.

К. пожал плечами.

— Вѣдь я же фабрикант и капиталист, к тому же член партіи народной свободы... я не могу сочувствовать коммунизму.

Офицер улыбнулся.

Когда же К. был уже приведен к дому, гдѣ помещается контр развѣдка, офицер совсѣм смягчился.

— У вас есть свидѣтели?—спросил он.

- Какіе?
- Чтобы подтвердить вашу лойальность.
- Сколько угодно, только отведите меня в мою контору.

ру.

-- Ну идемте.

К. был препровожден с Фундуклевской на Пушкинскую, гдѣ помѣщалась его контора. Он тотчас-же вызвал многих жильцов дома, хорошо его знающих, и тѣ подтвердили его полную лойальность.

Но господ офицеров это не удовлетворило.

— Все это для нас не убѣдительно.

— Так что-же вы хотите?

— Мы арестуем вас.

Тотчас-же К. был заперт в одной из комнат своей конторы, и к нему были приставлены 2 солдата. Все это время штабс-капитан суетился, кричал распоряжался. В полном недоумѣніи от всего происходящаго, К., как коммерческій человек, начал уже смутно догадываться, к чему клонится вся эта упорная и неуклонная борьба с коммунизмом. Между тѣм, штабс-капитан, кончив свои хлопоты и распоряженія, вспошившіе весь дом, вывел солдат из комнаты.

И остался наединѣ с К.

— Вы мнѣ нравитесь, сударь,—обратился он к нему,—вы, я слышал, окончили Льежскій Политехникум?

— Да.

— Вы инженер?

— Да.

Штабс-капитан сѣл и закурил.

— Я тоже был в Льежѣ.

Дальнѣйшій разговор он продолжал по французски.

— Вент е сен миль,—закончил он.

На этом и сошлись.

Инженер и не пробовал торговаться.

— Но здѣсь у меня нѣтъ этой суммы... и вообще ее у меня нѣтъ, придется искать,

У офицера заискрились глаза.

— Се клер,—засмѣялся он,—поищем.

Офицеры, теперь уже без солдат, вышли с К. за поисками суммы. Подошли к одному дому, К. зашел в квартиру. Штабс-капитан остался ждать у под'ѣзда.

К. вышел через нѣсколько минут.

— Вот удалось собрать только 20 000,—сказал он, вручая деньги.

Штабс-капитан галантно раскланялся.

— И так 5000 рублей за вами. Я зайду за ними завтра... часа в 3.

Сдѣлал под козырек.

— Оревуар.

На завтра в назначенный час он явился за деньгами.

..В городъ в это время было уже об'явлено об установившемся успокоеніи...

5.

Убийство Либермана.

Либерман — известный миллионер.

Старик 65 лѣт, скупой, озлобленный, он жил в комнатѣ по Мало-Васильковской улицѣ. Там он скрывался в свое время от большевиков, а затѣм вообще от грабителей. Немногим, только в кругу близких, было известно мѣстонахождение Либермана.

4 го октября, перед вечером, в квартиру постучали.

Потребовали немедленно открыть.

Вошли 2 офицера и штатскій, назвавший себя агентом розыска.

— Что вам угодно? спросила дочь Либермана, проживавшая вмѣстѣ с ним.

— Здѣсь живет Рабинович, он коммунист, мы пришли его арестовать.

— Но здѣсь нѣт никакого Рабиновича, вы ошиблись.

— Мы имѣем точныя свѣдѣнія.

— Если угодно, обыщите все помѣщеніе.

Но пришедшіе, не приступая даже к обыску, обратились к Либерману:

— Потрудитесь слѣдовать за нами.

— Я? всколыхнулся старик,—но я не Рабинович.

— Мы это знаем.

— Моя фамилія Либерман.

— И это нам известно.

— Куда же вы хотите вести меня?

— В контр-развѣдку.

— Но я-же... я крупный сахарозаводчик... я известен многим... к коммунистам я не имѣю и не могу имѣть отношенія. Я сидѣл в чрезвычайкѣ... пострадал от большевиков...

Офицера только улыбались в отвѣт.

— Вы жид.. этого достаточно.

Либерман был уведен.

Всѣ хлопоты близких и родных по розыску мѣстонахождения уведеннаго, были тщетны. В контр-развѣдкѣ не удивились исчезновенію Либермана, но рекомендовали обратиться в уголовный розыск.

Там с улыбкой отвѣтили:

— Здѣсь Либермана нѣтъ.

Через 2 дня в Анатомическом театрѣ был найден труп Либермана,—как выяснилось, он был убит на углу Фундукле-евской и Нестеровской улиц выстрѣлом в висок.

6.

„Жид“.

В понедѣльник 7-го октября, когда уже казалось, что кровавыя страсти в городѣ немного улеглись, и евреи, скрѣпя сердце, уязвленные вѣчным страхом, пугливо озираясь, стали показываться на улицах. Помощник контролера Комитета помощи пострадавшим от погромов, Бичуч, отправился на службу в канцелярію Комитета, помѣщавшуюся на Театральной площади в домѣ № 48. Работы в канцеляріи было много, великое несчастье, поразившее город, требовало интенсивнаго напряженнаго труда.

Бичуч работал до 3-х часов.

Послѣ службы, захватив с собою пачку со счетами, он собрался уходить домой, как замѣститель предсѣдателя предложил ему зайти к брату-врачу, состоящему на службѣ Комитета, и передать, чтобы на слѣдующій день он зашел в Комитет.

Но Бичуч заколебался.

— Я боюсь ходить по улицам,—сказал он.

— Но вѣдь вы живете в двух шагах, по Пушкинской.

Бичуч все-же просил освободить его.

— Дѣло в том, что два дня тому назад я был у себя на квартирѣ ограблен и чуть не убит, и потому как-то особенно напуган.

Со службы он вышел вмѣстѣ со своей невѣстой, молодой дѣвушкой. На Рейтерской улицѣ, уже не далеко от их квартиры, их обогнал извозчик с 3-мя военными. Судя по исправности и даже нѣкоторому изяществу обмундированія их,—это были офицеры.

Проѣзжая, они взглянули Бичучу в лицо.

Тотчас остановили извозчика.

Один из них сказал:

— Жид, поиди сюда!

Поблѣднѣвшій Бичуч подошел.

— Садись,—приказал офицер.

Забрав его с собою на извозчика, они уѣхали.

Тщетно за ними бѣжала невѣста.

Истерически рыдая и убиваясь, она молила их отпустить жениха ея, но они только с злорадной усмѣшкой оглядывались.

Она молила прохожих о помощи.

Обращалась к христіанам.

Безучастно проходили они мимо.

А тѣ, что заинтересовались необычным зрѣлищем, узнав, что рѣчь идет о евреѣ, говорили с негодованіем.

— За жиду заступаться?

Отплевывались.

А иные злобно говорили:

— Так и слѣдует.

Часов в 6 вечера автомобиль с 8-ю военными, среди которых были и задержавшіе Бичуча на Рейтерской улицѣ, подкатил с измѣнившимся до неузнаваемости Бичучем к дому, в котором проживал брат Бичуча, врач, на Пушкинской улицѣ. Не пред'являя никакого обвиненія Бичучу и ничѣм не мотивируя свой необычайный поступок, они предложили брату дать выкуп за Бичуча.

— Сколько-же вы хотите?

— 30 000 рублей.

Раззорив себя буквально до послѣдней копейки и собрав сколько было возможно у сосѣдей, брату-врачу удалось дать бандитам лишь 17.000 рублей. Отдал он им и всѣ имѣвшіяся у него и у жены, а также у нѣкоторых сосѣдей—драгоценности. Получив выкуп, они однако сказали несчастному плѣннику:

— Идем!

Он было пытался указать им, что они получили выкуп за его свободу.

— Без разговоров... идем, идем!

Потащили его.

За несчастнаго заступился предсѣдатель домового комитета—русскій, и нѣкоторые жильцы христіане, между прочим в их числѣ был врач Краснаго Креста при добровольческой арміи,—всѣм им не по нервам была эта возмутительная сцена.

Но военные их брезгливо отстранили.

— Как,—негодовали они,—вы в такое время заступаетесь за паршиваго жиду?

А один крикнул:

— Знаете о приказѣ?

Автомобиль с жертвой укатил.

Всѣ хлопоты и старанія, предпринятые в городѣ для его освобожденія, ни к чему не привели.

Слѣд его пропал.

...Только 10 октября труп его был найден в Анатомическом театрѣ...

7.

Зарубленный.

На дом № 44 по Мало-Васильковской было произведено нѣсколько налетов. В налетах принимали участие солдаты чеченцы. В квартирѣ свидѣтельницы М. Финкельштейн были ограблены всѣ живущіе.

Забирали рѣшительно все и кричали:

— Мало. Давай... гдѣ спрятал?

И жестоко избивали.

У одного из квартирантов послѣ двух налетов абсолютно нечего было взять.

Солдаты не вѣрили ему.

Шарили, искали.

И, обозленные неудачей, дико крикнули:

— Жи-ді!

Зарубили его шашкой.

8.

Струковцы.

По Ярославской улицѣ грабежи носили крайне ожесточенный характер. Вымогательство денег и цѣнностей сопровождалось побоями и истязаніями.

Громили солдаты.

Громили офицеры.

Погромщики говорили с гордостью.

— Мы струковцы.

Многих евреев, не имѣвших возможности откупиться, они увели в штаб Струка, перешедшаго в это время со своими „молодцами“, послѣ погромной дѣятельности в уѣздѣ, на службу добрарміи. Его приняли с распотертыми об'ятіями, простили всѣ его погромные „грѣхи“ с весьма большой поспѣшностью и охотою; он устраивал на Софійской площади парады своим войскам, а во время погрома, как рассказывали, он произносил на пристани зажигательныя погромныя рѣчи на старую свою привычную тему:

— Бей проклятых жидов и спасай Россію!

Судьба уведенных в штаб евреев неизвѣстна.

9.

Убійство.

В гостиницѣ „Петроград“,—рассказывает очевидец,—помѣстился штаб одной роты. В первый же день своего пребыванія в гостиницѣ, офицеры и солдаты штаба заня-

лись грабежом евреев-жильцов. Из номера в номер ходили грабители и обирали евреев, перед жильцами же христианами, если такіе попадались, офицера вѣжливо и галантно извинялись.

В одном номерѣ жило семейство Каган.

Нѣсколько военных ворвалось к ним.

— Жиды?

— Да... мы евреи.

Принялись грабить.

У жены Кагана отобрали драгоценности, брилліанты, на очень крупную сумму.

Когда военные закончили свое дѣло и ушли, обезумѣвшая госпожа Каган подняла крик:

— Помогите, помогите,—звала несчастная, полагая, что есть еще на свѣтѣ люди, которые могут помочь ей.

Она выбѣжала из своего номера в сосѣдскій и там, не помня себя от отчаянія, стала рыдать.

На крик ея прибѣжали вновь военные.

— Замолчи, жидовка!

Но истерическіе вопли продолжались.

Тогда один из военных выстрѣлил в упор в несчастную женщину. Обливаясь кровью, тяжело раненая, она упала тут-же, на полу, в чужом номерѣ. Но, совершив это страшное дѣло, военные не ушли. Они стали обирать присутствующих.

От мужа несчастной женщины, лежавшей тут-же в крови, они потребовали:

— Снимай костюм!

Он покорно и поспѣшно снял.

— Ботинки!

Снял и ботинки.

Тогда они принялись грабить раненую.

...Потом спокойно удалились...

Всю эту ночь метался по гостинницѣ муж несчастной женщины в бесплодных поисках спасенія. Истекая кровью, не получив помощи, госпожа Каган к утру скончалась.

10.

На привяжи.

В пятницу 11-го октября утром, на Подоль, г-на Ш. обогнал на Александровской площади артиллерійскій обоз. Блѣвшій в хвостъ обоза 3-е верховых, задержали его. Они приказали ему слѣдовать за ними, и указать им дорогу в какую-то деревушку. Ш. объяснил им, что он бѣженец из Радомысли и Кіев с его окрестностями ему почти незнаком.

В отвѣтъ его ударили нагайкой.

— Иди вперед перед лошадейю!

Ему пришлось подчиниться.

На Межигорской улицѣ тѣ-же верховые задержали еще одного шедшаго по улицѣ еврея, пожилого, полного, прилично одѣтаго, и приказали идти вмѣстѣ с Ш.

Но тот категорически отказался.

— Согласно распоряженію коменданта,—сказал он,—людей на улицѣ задерживать нельзя ни для работы, ни для других военных надобностей.

— Ладно,—сказал один из всадников,—я покажу тебѣ, жид, распоряженіе.

Он слѣз с лошади.

Привязал руку еврея к нагайкѣ.

Вскочил обратно на лошадь и потащил еврея за собою на привязи. Так проѣхал обоз нѣсколько улиц, полных прохожими. И никто из попадавшихся военных не обратил вниманія на странность этого шествія. На улицѣ Нижній-Вал таким-же способом был задержан и слѣдовал за обозом третій еврей.

Так гнали их по всему Подолу.

Этот обоз с привязанными к лошадям евреями ужасал многих прохожих, а иных это зрѣлище забавляло до хохота.

Лишь на самом концѣ Кирилловской улицы верховые были остановлены проѣзжавшим офицером.

Он распорядился немедленно освободить евреев.

На вопрос его:

— Как ты смѣешь задерживать и так поступать с людьми?

Один из солдат добродушно отвѣтил:

— Мы не здѣшніе, дороги не знаем.

— Так что-же?

— Да начальник обоза, который остался еще на нѣсколько часов в городѣ, сказал:

— Задержите пару жидов, они вам укажут дорогу.

11.

Миска с кровью.

Событія в этом домѣ, на Кузнечной 59,—разсказывает Гуревич,—кажется превосходят все, что происходило в эти страшные дни в Кіевѣ. По 10, по 20 человек чеченцев, по преимуществу из Волчанскаго отряда, нѣсколько раз производили налеты на этот дом.

Грабили, вымогали,—как водится.

Если сумма не удовлетворяла, утонченно пытали, били, истязали.

Сам Гуревич, оставшись без денег, без вещей, без бѣлья, одежды и ботинок,—боясь расправы в случаѣ новаго налета, выбѣжал из своей квартиры во двор.

Спрятался в клозетѣ.

В квартирах, корридорах творилось нѣчто ужасное, до Гуревича доносились крики избиваемых людей, звѣринный вой грабителей-убійц, плач дѣтей. Как потом выяснилось, в квартирѣ, гдѣ проживал свидѣтель, творились кошмары.

Волчанцы грабили, ломали, рвали.

Смертно били—у кого ничего не было.

Хозяина мучили.

— Деньги, деньги!—вопили озвѣрѣло.

Рубили его шашками до тѣх пор, пока он в безпамятствѣ не свалился на пол в лужу своей крови.

Там жила дѣвушка—курсистка.

Схватили ее, чтобы изнасиловать.

Насильник все пытался совершить насиліе тут же—возлѣ валяющагося в крови хозяина. Завязавшаяся борьба, сопротивление жертвы, не дали ему возможности выполнить все с желательным для него эффектом.

Тогда он оттащил свою жертву в сосѣдную комнату.

Ему на помощь пришли другіе.

...и насиліе было совершено на глазах у обезумѣвших квартирантов...

Сестра свидѣтеля была избита до безпамятства.

Избиты были и всѣ оказавшіеся в квартирѣ евреи: мужчины, женщины и дѣти. Над дѣтьми издѣвались не менѣе, чѣм над взрослыми.

Все достигало слуха свидѣтеля.

Из всѣх квартир.

Стоны, крики, ругательства, выстрѣлы, вопли дѣтей, звуки ударов,—цѣлый адскій хаос звуков достигал его страшнаго убѣжища.

Каждую минуту он ждал, что его откроют.

Нѣсколько раз уже пьяный от крови и вина солдат рвал дверь клозета, полагая, что там сидит кто-то из товарищей.

— Отаорай, чор-т!...

И отборно ругался.

В промежутках между стонами раненых и избиваемых людей до свидѣтеля доносилась:...

...пѣсня...

Это офицер, стоявшій во главѣ отряда, расхаживал по двору в сопровожденіи сестры милосердія и мирно бесѣдовал с нею о Кавказѣ. Бесѣду он сопровождал пѣніем

„Яблочка“. Эта пѣсенка—самое страшное впечатлѣніе свидѣтеля...

Ее он не может забыть.

Он сходит он неа с ума, ночью она не дает ему спать, звенит в ночной тьмѣ.

Когда стоны и крики стали стихать, оборвалась и пѣсня офицера.

Свидѣтель услышал команду:

— Принесите миску воды, пусть молодцы обмоют руки.

Принесли миску воды.

Вышли во двор солдаты и стали смывать руки.

Еще один выстрѣлъ... для страха.

Они ушли.

Перед уходом офицер распорядился:

— Никто не смѣть из этого дома звать на помощь раненым или сообщать в охрану. А то вернемся... со всѣми расправимся!

И еще прибавил:

— Не смѣть выходить до 6 часов утра!

Послѣ двух-часоваго сидѣнія в ужасном мѣстѣ свидѣтель вышел. Во дворѣ ему прежде всего бросилась в глаза миска с кровью.

Вошел в квартиру.

...Все разрушено...

В лужѣ крови стонет хозяин.

В сосѣдней комнатѣ лежит с остановившимся взглядом дѣвушка-курсистка.

Всю ночь промучился хозяин.

Утром умер.

12.

„3 дня“.

...„Передать все пережитое в эти страшные дни,—говорит свидѣтель,—сейчас, когда раны еще сочатся кровью, и кошмар пережитаго давит душу,—не легко. Тѣм не менѣе попытаюсь вкратцѣ изложить все то, что довелось пережить. Дом наш находится на углу Большой-Васильковской и Жилианской улиц. Почти весь этот громадный дом, за исключеніем нѣскольких квартир, заселен евреями. Всѣ магазины, помѣщающіеся в первом этажѣ, как по Васильковской, так и по Жилианской, за исключеніем бакалейной лавки и парикмахерской, принадлежат евреям. Немногіе христіане, живущіе в домѣ, обычно ничѣм не проявляли своей неприязни, были даже в дружеских отношеніях с евреями. Но я увѣрен, что при искреннем их желаніи защитить своих сосѣдей от

погрома, они могли бы это сделать, — как это имѣло мѣсто в других домах. Но наши сосѣди-христиане даже как будто проявляли скрытое злорадство по поводу всего на их глазах происходившаго.

1-го октября началась канонада.

Многіе стали прятаться в подвал, чтобы спастись от снарядов, все время свистѣвших над городом.

Мы находились в сферѣ огня.

Мимо нашего дома, находившагося по пути слѣдованія войск на вокзал и в сторону Деміевки, то и дѣло проходили солдаты отрядами и в одиночку. Снаряды так и жужжали над нашими головами. И по проходившим военным мы гадали о происходящем в городѣ:

— В чьих руках город... кто побѣждает в этой кровавой распрѣ?

В таком полном невѣдѣніи мы находились все время, пока большевики не были вытѣснены из города добровольцами. В четверг вечером мы увидѣли первых верховых скакарами на фуражках, скакавших взад и вперед мимо наших окон. Мы всѣ были увѣрены, что наступленіе отбито, и что теперь жизнь скоро войдет в свою колею.

Однако полного ощущенія безопасности не было.

Ночь на пятницу мы провели в тревогѣ.

На троттуарах видны были дозоры, с опаской прискакивавшіе по улицѣ.

В пятницу утром уже было достовѣрно извѣстно, что большевики выбиты из города. Публика успокоилась, начала вылѣзать из подвальных помѣщеній, собираться кучками и обсуждать положеніе.

И тут впервые прошел зловѣщій слух.

Блѣдными тѣнями пробѣгали по улицѣ евреи:

— Грабят, — сообщали они.

— Кто?... гдѣ?

— Войска... добровольцы... офицеры... не знаем.

Поспѣшно убѣгали.

Мы заколотили парадный ход дома глухо на глухо и крѣпко заперли ворота.

И в то время, как прежде — только что пережитая канонада, гул орудій и свист снарядов, не знающіе различія національностей, об'единили всѣх жильцов дома, жутко прислушивавшихся к грохоту орудій, — теперь новыя событія, ожиданіе погрома, сразу провело рѣзкую грань между евреями и христианами.

Они заперлись в своих квартирах.

Они крѣпко заперлись.

На стук глухо отвѣчали:

— Мы христиане.

Они... христiане.

Какой самообман!

Они стали настолько чуждаться своих сосѣдей евреев, с которыми жили как-будто в дружбѣ, что не отвѣчали на обращенные к ним вопросы, дѣлая вид, что не слышат.

А евреи тѣм больше сближались.

Мы собирались группами.

Ждали бѣду свою вмѣстѣ.

И вот, когда нѣсколько человек нас сидѣло в лавочкѣ, вдруг, к великому изумленiю нашему, мы увидѣли нѣсколько человек военных, вооруженных винтовками, прорвавшихся к нам через парикмахерскую, хозяином которой был христiанин.

Они бросились к нам.

— Оружіе есть?

Один из них принялся обшаривать мои карманы и вынул бумажник с деньгами. Документы и всякія другія бумажки отдал мнѣ, а бумажник с 4000 денег положил в свой карман.

Тоже продѣлали и с остальными.

Дѣлали они все это молча и спѣшно.

Затѣм отправились в другія квартиры.

Брали больше денег и драгоценности: кольца, часы, серьги, браслеты, цѣпочки... Только в квартирѣ 13 они отобрали до нитки хозяина, сняв с него все до голаго тѣла.

Дали залп.

И выбѣжали на улицу.

По всему видно было, что они торопились.

Почти слѣдом за ними начали выламывать парадныя двери. Взломали и ворвались.

Было человек 15. Они пошли по квартирам. Из первой квартиры, гдѣ живет домохозяин-еврей, кто-то вышел к ним и сказал:

Здѣсь живут русскіе.

Они этим удовлетворились.

— А кто живет напротив?

— Тут живет врач.

Они постучали к нам.

Их сейчас-же впустили.

Первое слово, произнесенное ими, было:

-- Деньги давай!

Посыпались угрозы.

— Сейчас доставай... не то всѣх перебьем!

Нас было в квартирѣ 3-ое: я, мой шурин-врач и квартирант.

Мнѣ приставили к груди револьвер.

— Деньги!

Я об'яснил:

— Меня только-что обобрали.

— Часы давай!

— И часов у меня нѣт.

Тогда они разсвирѣпли, начали хлестать меня нагайками и бить кулаками по лицу.

Шурин пробовал их уговорить.

Они спросили:

— Ты русскій?

— Я еврей,—отвѣчал он.

Они накинулись на него, сняли золотые часы и кольцо.

Повалили на землю.

Но тут произошел слѣдующій инцидент.

В квартирѣ у нас были 2 русскія женщины, и вот одна из них бросилась к ним и начала умолять не трогай нас.

Офицер обратился к ней с вопросом:

— А ты кто такая?

— Я русская,—отвѣтила она.

— Так будь же русской,—закричал он,— тебѣ нечего дѣлать в жидовском домѣ... вон отсюда!

И тут-же прибавил:

— Вѣдь знаешь, какая это подлая нація!

Надо замѣтить, что руководил шайкой офицер, выражающійся весьма интеллигентно. И когда женщина с негодованіем сказала ему:

— Вѣдь здѣсь живет врач, который лѣчит вашего-же брата... как не стыдно?

Он как то с сожалѣніем взглянул вокруг на обстановку квартиры.

И махнул своим спутникам рукой.

— Идем.

В других квартирах они были менѣе деликатны.

Ломали мебель, пианино, били посуду.

Всюду спрашивали:

— Из этого дома стрѣляли... кто стрѣлял отсюда?

...Погром в нашем районѣ разрастался.

Мы слышали треск разбиваемых стекол,—это взламывали ближайшіе магазины. По треску стекол мы старались установить, в какой сторонѣ от нашего дома происходит погром. Из наших окон видно было, как большія толпы народа, в особенности баб и дѣтвора, мѣшками тащат награбленное добро. Из дома № 6 было вытащено все вплоть до мелочей.

...даже дѣтская мебель...

Возлѣ Троицкаго Народнога Дома гуляла пестрая,

расфранченная христианская толпа и любовалась приятным зрѣлищем,—как солдаты взламывали двери, врвались в квартиры и дѣлали там свое сатанинское дѣло.

Мы организовали постоянное дежурство.

День прошел спокойно.

Пытались нѣсколько раз угрозами и увѣщаніями заставить нас открыть ворота, но это не удалось.

Но вот наступила ночь.

О снѣ никто и не думал.

Всѣ мужчины дежурили во дворѣ. Малѣйшій шорох приводил всѣх в смертельный ужас. С различных сторон доносились душу раздирающіе крики. Порой человѣческіе вопли смѣшивались с собачьим лаем.

Снова ломились бандиты.

Снова мы их не пустили.

Но рано утром большая группа их стала рѣшительно напирать на ворота. Они дѣйствовали с таким упорством, что дежурные жильцы потеряли всякую надежду отстоять ворота, и разбѣжались по своим квартирам.

Бандитам помог мальчик.

Он протиснулся под ворота.

И открыл их.

Надо замѣтить, что эти „мальчики“ сыграли большую роль в погромѣ,—они указывали еврейскія квартиры.

Бандиты ворвались, и с бранью и угрозами разсыпались по квартирам. Пришли и к нам. Нас было только 2-е: я и еще Л.

Снова угрожающее требованіе.

— Деньги!

Но ни у меня, ни у Л., их не оказалось.

Тогда они сказали:

— Идем за нами.

Они уже вывели нас на площадку, но нам удалось с большим трудом уговорить их оставить нас и взять себѣ из вещей все, что им понравится. Они перерыли всѣ вещи, кое-что забрали и ушли. Они были еще во дворѣ, когда явилась государственная стража, кѣм-то извѣщенная.

Но она на грабителей не обратила вниманія.

Она занялась разспросами:

— Кто звонил из этого жидовскаго дома?

Вообще надо сказать, что на вызовы по телефону чаще всего отвѣчали:

— Помочь не можем, справляйтесь сами.

Иногда справлялись:

— Кто грабит,—чеченцы... кавказцы?

Давали понять, что с ними ничего нельзя сдѣлать.

Были и издѣвательскіе отвѣты.

...Слѣдующая ночь была особенно страшна.

К нам настойчиво стучались.

Угрожали:

— Лучше отворите... а то ворвемся... перерѣжем всѣх.

Вот слышим: гремят какой-то магазин.

Посылаем развѣдчу в один из парадных под'ѣздов узнать, гдѣ грабят магазин: в нашем фасадѣ или нѣт. Оказывается в сосѣдном.

В эту ночь были налеты на многіе дома вокруг: Васильковская 62, Жилианская 3, Кузнечная 33..

Распространилась молва, что казакам дана воля только на 3 дня, срок исполнится в воскресенье.

„В воскресенье немного успокоилось“...

13.

„Волчій отрядъ“.

„3 го отября утром, у дома на углу Большой Васильковской и малой Благовѣщенской улиц остановился какой-то конный отряд под командой нѣскольких офицеров, во главѣ которой был офицер в сѣрой николаевской шинели, с рукой на бѣлой перевязи. Отряд был под двумя знаменами: трехцвѣтным и бѣлым. В отрядѣ лошадей было больше, чѣм людей. Отряд спѣшился у дома № 50 по командѣ офицера с рукой на перевязи. Так как мы все время находились у окон, выходящих на улицу, то ясно видели и слышали все происходящее. Еще приближаясь к углу, офицеры находившіеся во главѣ отряда, глядѣли на наш дом и чему то смѣялись. Когда отряд спѣшился, то послѣ какого то разговора группы солдат с офицерами, один из офицеров махнул солдатам рукой.

И солдаты разсыпались по улицѣ.

Одна из групп вошла в № 50.

Оттуда спустя минуты 3, солдаты вышли обратно с какими то тюками и тут же на мѣстѣ их подѣлили. По виду то была мануфактура.

При дѣлежѣ присутствовал офицер.

Другая группа остановила проходящего юношу в студенческой формѣ, причем послѣ минутной бесѣды студент снял пальто, снял и отдал солдатам тужурку, а пальто одѣл на рубаху, подобрал выпавшіе из кармана бумаги и пошел дальше.

Солдаты все еще носили тюки из № 50.

Другіе подбѣгали к слѣдующим домам.

Часть же, числом до 30, принялась неистово стучать в парадную дверь дома № 43. Все это происходило на гла-

зах спокойно стоявших и сидѣвших на лошадях сфицеров. Так-как парадная дверь № 43 в этот день была уже поломана, то один из жильцов вынужден был открыть ее.

Произошел слѣдующій быстрый разговор:

— Жид?... русский?

— Русский.

— Все равно жид или русский.

В одну минуту у стояшаго в дверях были обшарены карманы. Затѣм грабители приставили револьвер к его виску и потребовали:

— Указывай, гдѣ жидовскіе квартиры!

Помчались вверх по лѣстницѣ.

Начался грабеж.

Все это происходило в атмосферѣ крайней поспѣшности, так-как лошади все время ждали сѣдоков и время было дано для грабежа краткое. Ограблены были квартиры врачей, адвокатов, техников и других большею частью свободных профессій. Всюду солдаты врываются, ломая двери, требовали денег, обшаривали карманы, срывали с рук кольца, с ушей серьги, с шеи медальоны и часы.

Забирали все, что попадалось на глаза.

Так-как поспѣшность солдат была необычайна, то если шкаф или ящик были заперты, они его ломали шашками или прикладами.

Все это продѣлывалось почти бѣгом.

Одна группа вбѣгала за другой.

Переворачивала все вверх дном.

Бѣжала дальше.

Так ограблено было 11 квартир.

В каждой грабили минут 5-6, не больше.

При этом в квартирѣ № 8 был шашкой в голову ранен Зайнштейн и шашками же в грудь избита его жена; в квартирѣ № 7 избит Райзман, а на площадкѣ избит сын Вайнштейна.

Пока грабили дом, другая группа громила гастрономическій магазин и мастерскую портного. Из магазина ворвались во двор и спѣшно ограбили нѣскольких человек. Часть солдат ломилась во вторую парадную дверь нашего дома, но случайно проходившій помощник начальника милицейскаго района Нечович отогнал их.

Между тѣм находившійся во главѣ отряда офицер, держа часы на руках, стал нервничать.

Он дал какой-то сигнал.

Тотчас всѣ солдаты из разных мѣст начали кидаться к лошадям.

Отряд построился.

Медленным шагом двинулся дальше.

Уже на ходу его догоняли отдѣльные солдаты с узлами и вскакивали на коней. Солдаты эти бѣжали с разных концов Большой-Васильковской улицы.

Когда отряд скрылся, мы стали спрашивать у проходивших русских:

— Что это были за люди?

Нам отвѣчали:

— „Волчій отряд“.

Мы уже знали, что так назывались волчанцы.

Нас увѣряли, что населеніе должно почитать себя счастливым, что все это происходило в атмосферѣ такой поспѣшности.

— Иначе нитки бы не оставили.

И сообщили нам еще, что в одном из домов не подалеку волчанцы убили студента-еврея за то, что он долго не отворял им. Имѣли эти солдаты вид необыкновенно дикій и дерзкій, и большею частью были кавказскаго типа.

14.

Апофеоз.

Уже недѣля погрома закончилась, наступило официальное успокоеніе, но преслѣдованія евреев продолжались. Их травил „Кіевлянин“ по всякому поводу, травили „Вечерніе Огни“, снова продолжая печатать сказки о стрѣльбѣ из окон, бросанія ламп, Шульгин писал свои знаменитыя статьи о „пыткѣ страхом“. Наконец стали появляться сообщенія в военной сводкѣ о стрѣльбѣ евреев по уходящим войскам в прифронтовых городах.

Словом политика опредѣлилась,

Маски спали.

Неясное стало ясным.

Но так как „просвѣщенные“ генералы в Кіевѣ стояли все таки перед лицом Европы и Антанты, то соблюдались нѣкоторая видимость приличій. Была назначена специальная коммиссія для разслѣдованія правильности сообщеній „Вечерних Огней“ о стрѣльбѣ из окон, с таким позором опровергнутых „Кіевской Мыслью“. Коммиссія работала долго, долго, но так и не окончила своей работы.

А пока что происходило слѣдующее:

По всѣм дорогам евреев выбрасывали из вагонов.

Их вѣшали на придорожных столбах.

Разстрѣливали у заборов станцій.

Ни один еврей не осмѣливался выѣхать из Кіева, вся торговля, вся промышленность замерла. Кіев остался на зиму без дров. Создалась своеобразная военная „промышленен-

ность*: нѣкототорые искусные офицеры, штабс-капитаны, полковники „спекулировали на жидах“. За громадные деньги, за десятки тысяч рублей, они провозили в своих-спеціальных служебных вагонах и теплушках евреев, которых необходимость принуждала ѣхать из Кіева.

Шел разврат арміи.

Развал ея.

Вскорѣ эта „армія“ в триумфальном шествіи на Москву для созданія великой, единой, недѣлимой Россіи, дойдя до Орла, быстрым аллюром, дикой ордой понеслась обратно, в задонскія и кубанскія степи, увозя с собою добро, награбленное в русских городах.

„Тѣнь убитых и замученных евреев преслѣдовала ее“.

А в это время в Кіевѣ еще дѣлали политику.

Шел разгром еврейских организацій.

Травили Комитет Помощи.

Официально этот Комитет назывался:

„Комитет Помощи пострадавшим от погромов при Россійском Обществѣ Краснаго Креста“.

В помѣщеніе Комитета явились офицеры.

— Потрудитесь очистить помѣщеніе.

— Но здѣсь помѣщается Комитет помощи..

— Знаем. Нам необходимо это помѣщеніе для походной кавалеріи. Потрудитесь очистить его в 24 часа.

— Но...

— Никаких разговоров!

Бросились искать защиты.

Вступился священник Аггеев.

Но его заступничество только взбеленило офицеров.

— Мы выбросим вещи ваши на улицу, если вы по доброй волѣ не потрудитесь удалиться.

Вещи уже были сложены.

Занимались как на бивуакѣ, так-как срочной работы оставить было нельзя: Кіев был переполнен бѣженцами из погромных мѣст, раздѣтыми голодными, больницы были переполнены 1000-ми сыпно-тифозных, всѣм требовалась срочная и постоянная помощь. Представители Комитета сбились с ног в поисках помѣщенія. Наконец, была отыскана квартира в нѣсколько больших и удобных комнат.

Предложили офицерам:

— Займите то помѣщеніе, оно гораздо удобнѣе.

— Нѣтъ, нам удобнѣе здѣсь.

— Вѣдь вы даже не видали еще того помѣщенія?

— И смотрѣть не желаем.

— Но вѣдь вам же помѣщеніе нужно только на нѣсколько дней, как вы сказали, а тут цѣлое учрежденіе должно переѣзжать?

Офицеры стояли на своем.

— Потрудитесь очистить немедленно.

И пришлось Комитету Помощи переѣхать.

Это обошлось ему в нѣсколько десятков тысяч рублей. Но всего противнѣе было чувство безпомощности перед нахальным, ничего не боящимся самоуправством и сознаниа всей зловѣщей угрозы, таящейся в этом фактѣ.

И „угроза“ сбылась.

Политика продолжалась.

Из Ростова пришла бумага от Главнаго Управленія Краснаго Креста, что отнынѣ флаг Краснаго Креста снят с Комитета Помощи пострадавшим от погромов, он предоставляется его собственной судьбѣ.

И он остался как-бы внѣ закона.

...Без средств...

...Без прав...

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Гнусные подстрекатели.

(Выдержки из шульгинскаго „Кіевлянина“ за 6 октября 1919 г.)

...30-го сентября противник, благодаря значительному превосходству сил, прорвал наше расположение и устремился к Кіеву. В ночь на 1-ое октября большія силы его достигли Святошина и пошли в атаку. Матросы, латыши и евреи разстрѣливались в упор нашей артиллеріей. К полудню город начал спѣшную эвакуацію. Число эвакуировавшихся достигло 50 тысяч. Среди бѣженцев женщины, дѣти, без всякаго имущества. Изрѣдка попадались евреи. Вечером Богунскій и Таращенскій полки заняли район Еврейскаго базара и часть Бибиковскаго бульвара. Им усердно содѣйствовало мѣстное еврейское населеніе, открывшее беспорядочную стрѣльбу по отходящим Добровольческим частям. Особенно активное участіе принимали выпущенные при вступленіи в город большевиками из тюрьмы свыше 1.000 коммунистов, а также боевыя организаціи еврейских партій, так называемая самооборона, имѣвшія в своем распоряженіи пулеметы и ручныя гранаты, а кромѣ того большую поддержку оказывали явные и тайные коммунисты, стрѣлявшіе из окон, балконов и отдушин крыш, бросавшіе в добровольцев бомбы, обливавшіе их кипятком и сѣрной кислотой”.

...„Поймано и разстрѣляно множество шпіонов, а также коммунистов, в том числѣ еврей, стрѣлявшій из пулемета с Никольской церкви, убившій 15 офицеров, врач венеролог еврей Грубер, стѣлявшій из дома по Лютеранской улицѣ, двѣ еврейки, сообщавшія по тайному телефону, установленном на крышѣ дома, свѣдѣнія о передвиженіях добровольческих частей и десятки других евреев и евреек, пойманных с пулеметами и ручными бомбами.

В Дарницѣ разстрѣлян захваченный с замѣтками о наших военных складах и с списками наших частей большевистскій военный агент студент Новоросійскаго университета Берка Спивак”.

...„Благодаря массовому участію евреев в наступленіи на Кіев, а также благодаря дѣятельной поддержкѣ красных со стороны мѣстнаго еврейскаго населенія, зарегистрированным возмутельным случаем стрѣльбы из засад и разным видам шпіонажа, среди христіанскаго населенія царит с трудом сдерживаемое властями негодованіе”.

II.

Лига борьбы с антисемитизмом.*)

В воскресенье в думѣ состоялось экстренное собраніе членов лиги борьбы с антисемитизмом, организованной кievским комитетом союза городов сѣверной Украины, и состоящей из представителей почти всѣх кievских общественных организаций.

Предсѣдательствовал А. Н. Зарубин.

Экстренное собраніе было созвано, в виду тѣх событій, какія имѣли мѣсто в Кіевѣ, и вызывали принятіе срочных мѣр против этих событій.

Г. Зарубин указывает, что город переживает ужасный момент, происходят погромы, грабежи по квартирам. Настроение против еврейскаго населенія возбужденное. И в этот момент в нѣкоторых кievских газетах появляются замѣтки о якобы допущенных евреями эксцессах против Добровольческой арміи. Это еще болѣе разжигает настроеніе. Между тѣм уже опредѣлилось, что замѣтки, появившіяся в „Вечерних Огнях“, ложны, уже многія извѣстія этой газеты опровергнуты.

Между прочим, Г. Зарубин сообщает извѣстный ему факт: 2 врача с Институтской ул., обвиняемые газетой в стрѣльбѣ, и будто-бы за это разстрѣлянные,—никакого отношенія к большевикам не имѣли, выстрѣлов из их квартиры не было, и сами эти врачи разстрѣлу не подвергались.

— Большая часть сообщенных „Вечерними Огнями“ извѣстій оказывается уже опровергнутыми. Но нужно это опроверженіе продолжать. Нужно,—предлагает А. Н. Зарубин,—избрать комиссію, которая занялась-бы дальнѣйшей провѣркой сообщаемых „Вечерними Огнями“ свѣдѣній. Пусть эта комиссія запротоколирует совершенно объективно акты своего обслѣдованія...

Во время происходившаго затѣм обсужденія создавшагося положенія намѣчен был ряд других мѣр. В обсужденіи этих мѣр приняли участіе протоірей К. М. Аггеев, г-жа Патканова Кронковская, г.г. Оранскій, Быховскій, Закон, Вакар, Е. П. Рябцов, Дешевых, П. Э. Бутенко и др.

Были предложенія, чтобы обслѣдованіем занялся прокурорскій надзор, и по результатам обслѣдованія были привлечены к отвѣтственности виновные в клеветѣ. С другой стороны указывалось, что судебное разслѣдованіе может затянуться, необходимо-же разслѣдованіе и опроверженіе не-

*) Из газеты „Кievская Жизнь“ за 8 октября 1919 г.

медленное. Кроме того, прокурорское слѣдствие ведется негласно, а момент требует широкой публичной огласки лжи и клеветы. Был ряд предложеній об обращеніи к власти, дабы она приняла мѣры к пресѣченію не только уличной, но и печатной челоуѣконенавистнической агитаціи. Рекомендовалось испросить разрѣшеніе на изданіе однодневной газеты агитаціонно-просвѣтительнаго характера, что может сыграть крупную роль в разсѣяніи ложных извѣстій и навѣтов. Привлечь педагогов к тому, чтобы они в школѣ вліяли на дѣтей. Просить власть об усиленіи охраны с привлеченіем к этому граждан.

В результатѣ собраніе постановило избрать комиссію для обслѣдованія сообщенных в „Вечерних Огнях“ извѣстій, обратиться к мѣстному командованію с представленіем о принятіи самых энергичных мѣр против погромов, для чего составить особый меморандум. Принять мѣры к распространенію противоагитаціонной литературы.

В воскресенье-же лига приступила к выполненію этих постановленій.

III.

Воззваніе лиги борьбы с антисемитизмом.*)

Бюро лиги борьбы с антисемитизмом постановило обратиться к населенію города со слѣдующим воззваніем:
„Граждане!

В городѣ не прекращается погромная агитація. Каждый сознательный честный челоуѣк должен сдѣлать все для борьбы с ней. Не вѣрьте слухам, требуйте фактов, изобличайте лжецов, разубѣждайте слѣпых и темных, сдѣлайте все, что в ваших силах для спасенія жизни мирнаго населенія.

Бюро лиги борьбы с антисемитизмом, состоящей при кievском областном комитетѣ всероссійскаго союза городов в составѣ представителей ряда нижеподписавшихся общественных организаций, в засѣданіи своем, состоявшемся 6-го октября с. г., постановило в срочном порядкѣ через спеціально избранных им представителей общественных организаций произвести разслѣдованіе о всѣх случаях обстрѣла Добровольческой арміи из домов, указанных в № 38, 39 и 40 газеты „Вечерние Огни“. В результатѣ тщательнаго обслѣдованія на мѣстах оказалось:

**) Ibidem.

1) Столыпинская д. д. 36—38. Маленькій старый особняк. По сообщенію „Вечерних Огней“, из всѣх окон стрѣляли по партизанскому отряду студентов. Домовым комитетом послано опроверженіе в „Вечерніе Огни“. Опроверженіе напечатано как замѣтка, в хроникѣ, в искаженном видѣ, с прибавленіем сообщенія, котораго не было в письмѣ домового комитета о „стрѣльбѣ из сосѣдних и противоположных домов“. В дѣйствительности, в этом домѣ был слѣдующій инцидент: к дому подошли грабители в военной формѣ для производства обыска. Из этого дома они направились в д. № 53, гдѣ будто-бы был случай сигнализациі. Грабители явились с вопросом: „жидов там нѣтъ?“ и ограбили лавочника в домѣ № 38. Квартиры, выходящія на улицу, заняты русскими, стрѣльбы из дома не было, подобнаго обвиненія домовому комитету никто не пред'являл. Узнали о стрѣльбѣ из „Вечерних Огней“.

Столыпинская, дом № 40. Из дома никакой стрѣльбы не было. Из „противоположных домов“ № 47 был пуст; во время обстрѣла жильцы скрывались в д. № 40.

Из дома № 45 по Столыпинской улицѣ никакой пулеметной стрѣльбы не было. Жители возмущены обвиненіем „Вечерних Огней“.

В домѣ живут большей частью польскіе и русскіе помещики, члены окружнаго суда, вообще представители слоев, отношенія к большевизму не имѣющих. Во всей усадьбѣ дома живет один еврей-дирижер Скоморовскій, во втором флигелѣ во дворѣ.

Из дома № 90 по Столыпинской улицѣ стрѣльбы не было. Не имѣл мѣста также „разстрѣл трех евреев“, стрѣлявших будто-бы из указаннаго дома, как сообщают „Вечерніе Огни“. Послано опроверженіе, но помѣщено не было.

Обслѣдованіе произвели: Дмитрій Чижевскій (профсоюз), Петр Копіовскій—секретарь кievскаго областного комитета всероссійскаго союза городов.

Фундуклеевская, 12. В „Вечерних Огнях“ напечатано: из окон верхних этажей, Фундуклеевская, 12, гдѣ проживает доктор, была открыта по добровольцам безпощадная пулеметная стрѣльба: на мѣстѣ преступленія убито 4 еврейки“. Из опросов жены швейцара и прислуг (жильцов в данное время нѣтъ) выяснилось, что им не извѣстен случай стрѣльбы из дома. Никаких евреев в домѣ разстрѣляно не было. Была убита одна прислуга этого дома на улицѣ у дома № 12, во время перестрѣлки вдоль улицы. О стрѣльбѣ из окон они узнали из газеты „Вечерніе Огни“.

Фундуклеевская, 19. Из опросов дворника установлено, что никакой стрѣльбы из этого дома не было.

Фундуклеевская, 32. По утверждени швейцара дома, все время охранявшаго дом, выяснено, что в этом домѣ не только никто не был разстрѣлян за стрѣльбу в Добровольческую армію, но был установлен Добровольческой арміей наблюдательный пункт. У параднаго дома были установлены добровольцами пулеметы, отражавшіе наступленіе большевиков.

Обслѣдователи: Романов (Ц. Б. Проф. Союзов), Горьинскій (завѣдующій городской Биржей Труда).

По Николаевской ул., в д. № 17, кв. 16. Занята христіанами Бондаревской и Холодовыми. Окна квартиры заклеены и в послѣдніе дни не раскрывались. Никаких выстрѣлов из квартиры не было, никто арестован и разстрѣлян в квартирѣ из живущих в этом домѣ не был. О замѣткѣ „Вечерніе Огни“ впервые узнали от обслѣдующаго их квартиры и сильно были ею возмущены.

Лютеранская 25. По Лютеранской улицѣ около указаннаго дома никакіе Добровольческіе войска не проходили и не отступали. Только один раз пробѣжали по Кругло-Университетской большевики. Никаких выстрѣлов из указаннаго дома и квартиры, занимаемой доктором Гублером, не было. Указанные в замѣткѣ врачи Гублер и Бродскій находятся сейчас в Кіевѣ. Никто из них не разстрѣлян и не бѣжал. Никаким преслѣдованіем не подвергались со стороны власти, в виду абсурдности и лживости указанной замѣтки в „Вечерних Огнях“.

Обслѣдовали: протоіерей Агѣев (Всеросійскій Земскій Союз) и Патканова-Кронковская (Союз учителей школьных и домашних).

Бульварно-Кудрявская, № 7. Бомба из дома брошена не была.

Уг. Павловской и Тургеневской. Многіе жители дома, а также содержатель магазина на этом углу показали, что случая облитія сѣрной кислотой не наблюдали.

Послѣ замѣтки „Вечерних Огней“, в д. № 37 арестовали одного еврея, но так как за него поручилось все христіанское населеніе, его отпустили.

3-го октября в отряд государственной стражи на углу Подвальной и Театральной брошена бомба, сообщают „Вечерніе огни“.

В кв. № 8, окна которой выходят на улицу, живут г-да Порк (нѣмцы), квартира № 9—г-на Осмоловскаго. Никто даже не слыхал взрыва бомбы. Дворник подтверждает то же.

Обслѣдованіе производила Патканова-Кронковская.

Из д. № 18 по Крещатику 3-го октября сообщают „Вечерніе Огни“, будто бы с крыши стрѣляли из пулемета 4 еврея и 1 русскій. Были сняты с крыши и разстрѣляны.

Дом № 18 по Крещатику называется Киевская Городская Дума.

По этому поводу в „Вечерние Огни“ комитетом курьеров отправлено письмо в редакцію. из коего видно, что еще второго числа на думском балконѣ был Волчанским отрядом водружен русскій національный флаг и того же числа в думѣ уже работал питательный пункт, поэтому не могло быть такого положенія, чтобы 3-го стрѣляли из пулемета с крыши Думы.

С ясностью вытекает из всего вышеизложеннаго вся лживость сообщений „Вечерних Огней“.

Вот факты. Говорите о них, кричите о них. Граждане, честные люди, это Ваш долг, ваша человѣческая обязанность.

Бюро Лиги борьбы с антисемитизмом при Киевском Областном Комитетѣ Всероссийскаго Союза городов в составѣ представителей: Киевскаго Областнаго Комитета Всероссийскаго Союза Городов, Всероссийскаго Земскаго Союза, Національнаго объединенія, Національнаго центра, Союза Возрожденія Россіи, Киевскаго Совета профессиональных союзов, Союза учителей школьных и домашних, союза врачей, союза техников, союза журналистов, Международнаго Краснаго Креста, комитета помощи пострадавшим от погромов при Россійском Красном Крестѣ, общества истинной свободы имени Льва Толстого, и центрального бюро кооперативных объединеній и о-ва „Разума и Совѣсти“.

ОГЛАВЛЕНИЕ:

	Стр.
Справка (вмѣсто предисловія)	
Пролог: Гражданская война. Внутренний фронт. Начало погромов. Развитие погромов. Григорьевщина, Новые люди на погромной аренѣ. Чѣм это объяснить? Общее число погромленных пунктов. Число погромов. Число погибших и безвѣстных жертвы. Формы погромов. Типичная картина погрома. Вариации. Формы мучительства. Скала трупов. Лишенные всего.	3
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.	
КРОВАВЫЯ ПОЛОТНА.	
Тростянецкая трагедія: Могила.	23
Ладыженское сидѣніе: Кошмар. Пять недѣль в синагогѣ. Исход.	26
Иванковское плѣненіе: Трясилов. В руках Трясилова. Под страхом смерти. Смерть.	33
Проскуровская кровавая бойня: Большевистское выступленіе. Клятва смерти. Истребленіе. По телеграфу. Верхола. Финал.	46
Сатрапія атамана Ковырь-Зырки. Овручская республика. Курень смерти. Атаман Козырь-Зырка. Слово и дѣло Козырь-Зырки. Мечь крестьян. Возвращеніе по трупам. Кровавый пир сатрапа. „Слава атаману“. Зыркин суд. Зырькино варьете. Провокаторы. Апофеоз.	55
Исторія одной деревни: В руках петлюровцев. В руках махновцев. Большевики. Ошибка. Кровавая мечь. Крестик. „Солдат арміи труда и революціи“. „Успокоеніе“.	69
„Уманьская рѣзня“: Тихій період. Уманьская рѣзня. Мытарства.	83
Чернобыльская хроника: (Дневник еврея).	93
Дьявольскій план. (Картина губерніи с птичьего полета).	102
ЧАСТЬ ВТОРАЯ.	
ГОЛОСА ЖИЗНИ И СМЕРТИ.	
Котел коммуны.	105
Раввин.	106
Необычное.	110

II.

	Стр.
Старики.	112
Борьба за жизн.	114
Исключительный случай.	117
Бѣгство.	118
Австріец.	121
По глухим углам.	123
Мальчики.	126
Единственно уцѣлѣвшая.	127
„Слушай, Израиль“!	129
На рѣкѣ.	133
Страшный жених.	134
В упряжкѣ.	136
На чай.	139
Цадик.	139
Гости.	141
Врач.	145
Чудесное спасеніе.	148
„Земельный комитет“	151
Не захотѣл ждать.	153
Риза.	154
Томленіе.	156
„Яблочко“	157
У стѣнки.	158
По-хозяйственному.	159
Десять розог.	180
Мертвая рука.	160
Случай в Коростенѣ.	161
Сын.	162
Жена.	162
9-ти лѣт.	163
Сиротки.	164
На вокзалѣ.	165
93 года.	165
Раскаившійся староста.	166
На мелком мѣстѣ.	167
Живая могила.	168
Гимназистка Доня.	169
Бабы.	170
Хохлушка.	171
Дѣти.	172
30 серебрянников.	173
Убійцы и защитники.	174
Душа обывателя.	176
Кольцо.	178
„Эйлу магалжим“	179
Клара.	181

III.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ГНИЛЫЕ СОКИ.

Кровавый путь:	183
Чучела.	183
Приз за истребленіе.	186
Дѣянiя терской бригады.	187
Душа бандита.	188
Чеченцы.	191
Терцы.	193
Нѣжинскій погром.	196
Истребленіе.	199
„Единое, недѣлимое“.	200
„Хлѣб и соль“.	201
Из рук в руки.	203
Кровавые слѣды.	206
У ворот Кіева.	207
Фастовскій погром.	210
Исторiя Кіевскаго погрома.	211
Разсказы пострадавших: Гостинница „Марсель“.	213
Погром в Подолѣ..	218
На Жилынкѣ	226
Элегантный грабитель.	227
Убійство Либермана.	229
„Жид“	230
Зарубленный.	232
Струковцы.	232
Убійство.	232
На привязи.	233
Миска с кровью.	234
3 дня.	236
Волчій отряд.	241
Апофеоз.	243

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Гнусные подстрекатели.	247
Лига борьбы с антисемитизмом.	248
Воззваніе лиги борьбы с антисемитизмом.	249

